

Рассказы о повадках и инстинктах ЖИВОТНЫХ

Миссис Р. Ли

Anecdotes of the Habits and Instinct of Animals

Mrs. R. Lee

Электронная книга проекта "Гутенберг", содержащая рассказы о привычках и инстинктах животных

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Рассказы о повадках и инстинктах животных

Автор: Миссис Р. Ли

Иллюстратор: Харрисон Вейр

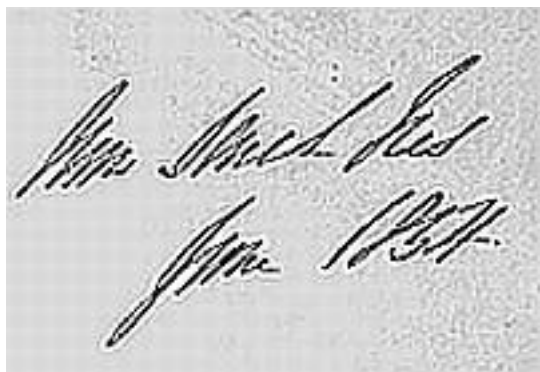
Дата выхода: 30 июня 2007 [Электронная книга № 21973]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Марсия Брукс и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Университетом Флориды, Интернет-архивом / Детской библиотекой)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "РАССКАЗЫ О ПОВАДКАХ И ИНСТИНКТАХ ЖИВОТНЫХ" ***

РАССКАЗЫ О ПОВАДКАХ И ИНСТИНКТАХ ЖИВОТНЫХ.

Подписанный Экземпляр

Художник—обезьяна-Страница 7.

Миссис Р. Ли,

РАНЕЕ МИССИС Т. Э. БОУДИЧ, АВТОР КНИГ "АФРИКАНСКИЕ СКИТАЛЬЦЫ", "ПРИКЛЮЧЕНИЯ В АВСТРАЛИИ", "МЕМОАРЫ КЮВЬЕ" И ДР.

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ХАРРИСОНА ВЕЙРА.

ЛОНДОН:

ГРАНТ И ГРИФФИТ,

ПРЕЕМНИКИ ДЖ. ХАРРИСА,

УГОЛ КЛАДБИЩА СВЯТОГО ПАВЛА.

М.DCCC.LII.

ЛОНДОН:
НАПЕЧАТАНО J. WERTHEIMER AND CO.,
CIRCUS PLACE, ФИНСБЕРИ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

При составлении подборки анекдотов были собраны те, которые были добавлены мной в другие работы и в большинстве случаев получили значительное дополнение; были приведены другие, которые никогда ранее не печатались — возможно, даже не были написаны; в то время как все, перенесенные с других страниц на мои, получили печать подлинности. Помимо тех, чьи имена уже упомянуты, я должен поблагодарить нескольких друзей, которые воспользовались услугами своих частных магазинов для моей выгоды и, таким образом, позволили мне предложить многое совершенно новое.

Сухие научные подробности и классификация были отложены в сторону, но был соблюден определенный порядок, чтобы избежать путаницы; и, хотя были предприняты попытки вызвать как можно больший интерес к этим зарегистрированным привычкам и действиям животного создания, я слишком люблю последнее, чтобы вызвать сомнение одним словом приукрашивания, даже если бы я не воздерживался от принципа.

Намерения, с которыми была начата эта работа, не были реализованы, поскольку материалов у меня скопилось сверх всякого расчета; и, хотя большая часть была отвергнута, связанные с ней истории не идут дальше млекопитающих, в то время как должны были быть включены почти все животные.

Что касается остальных заказов, то, если настоящая работа встретит благоприятный прием, я надеюсь в следующем году представить публике трогательные и забавные доказательства проникательности и расположения птиц, а также "точь—в-точь" рептилий и т.д., Некоторые из которых, подобно приведенным в настоящем томе, будут тщательно отобраны из работ путешественников, источников друзей и моего собственного опыта.

К приятной задаче просвещения тех, кто, запертый в тесных городах, не имеет возможности наблюдать своими глазами, и к еще большему удовольствию направлять молодые умы к возвышающим занятиям, натуралист добавляет еще большее удовлетворение, чем все остальные, раскрывая скрытые чудеса природы; и оставляя тем, кто любит спорить, вечно

нерешенный вопрос о том, где кончается инстинкт и начинается разум, он излагает любовь великого Творца ко всем Своим созданиям и способы, которыми Он проявляет Свою мудрость.

Содержание.

- **ПРЕДИСЛОВИЕ.**
- **ИЛЛЮСТРАЦИИ**
- Страница
-
- **ОБЕЗЬЯНЫ И Т.Д.1**
- **ЛЕТУЧИЕ МЫШИ.33**
- **РОДИНКИ.41**
- **ЕЖИКИ.47**
- **МЕДВЕДИ.51**
- **БАРСУКИ.66**
- **ЛАСКИ.73**
- **ВЫДРЫ.78**
- **СОБАКИ.83**
- **ВОЛКИ.162**
- **ЛИСЫ.174**
- **ГИЕНЫ.180**
- **ЛЬВЫ.186**
- **ТИГРЫ.213**
- **ЛЕОПАРДЫ, ПАНТЕРЫ И Т.Д.224**
- **КОШКИ.237**
- **БЕЛКИ.250**
- **КРЫСЫ.254**
- **МЫШИ.266**
- **СЛОНЫ.271**
- **ГИППОПОТАМ.294**
- **СВИНЬИ.297**
- **НОСОРОГИ.307**
- **ЛОШАДИ.312**
- **ЗАДНИЦА.333**
- **ВЕРБЛЮДЫ.—ДРОМАДЕРЫ.339**
- **ЛАМЫ И Т.Д.344**

- [ОЛЕНЬ.347](#)
 - [ЖИРАФЫ.354](#)
 - [АНТИЛОПЫ.358](#)
 - [КОЗЫ.363](#)
 - [ОВЦЫ.368](#)
 - [ВОЛЫ.373](#)
-

ИЛЛЮСТРАЦИИ

- Художник - обезьяна [Фронтис](#)
 - Медведица и ее детеныши [54](#)
 - Собака - Шепард и дворняжка [102](#)
 - Лиса и зайцы [176](#)
 - Ведет слепую крысу [261](#)
 - Дикие лошади и волки [330](#)
-

АНЕКДОТЫ О ЖИВОТНЫХ.

КВАДРУМАНА, ИЛИ ОБЕЗЬЯНЬЕ ПЛЕМЯ.

Наверх

Сложенные как человек и практикующие сходные жесты, но с большими пальцами вместо больших пальцев на ногах и с такой узкой пяточной костью, что даже те, кто постоянно ходит прямо, не имеют твердой и достойной поступи человеческих существ; четверорукие все же настолько близки к нам, что требуют первого места в книге, посвященной главным образом интеллектуальной (будь то разум или инстинкт) истории животных. Такое приближение кого-то забавляет, но для большей части человечества, я бы сказал, это источник отвращения.

"Рапойнда, - воскликнул я однажды назойливому, любознательному, неугомонному негру, указывая на черную обезьяну, которая очень походила на него по характеру, - это твой брат".
Никогда я не забуду злобную гримасу, промелькнувшую по лицу этого человека при моем необдуманном сравнении. Никакие извинения, никакая доброта, даже подарок в виде шикарного жилета, которого он так жаждал, не вернули мне его расположения; и я не огорчился, когда его Шеф отозвал его от меня, потому что боялся его мести.

Несколько лет спустя я стоял в восхищении перед неподражаемой картиной сэра Эдвина Ландсира "Обезьяна, повидавшая мир", в которой природа и истина придают тон и силу высшим достижениям искусства; когда чей-то голос воскликнул: "Как ты можешь тратить свое время, разглядывая это? Такие существа никогда не следовало рисовать"; и хотя говоривший был религиозным человеком, он пробормотал себе под нос: "Я не уверен, что их вообще стоило

создавать". Голос принадлежал одному из лучших образцов мужественной красоты, известному также талантом и образованностью. Рапойнда всплыла в моих воспоминаниях; и когда я медленно покидал талантливую картину, я не мог удержаться от улыбки при виде общего чувства между дикарем и джентльменом, доказывая тем самым его универсальность.

Никогда еще никто не отправлялся в тропический климат с большей антипатией к этим "дикарям", чем я; я прожил годы поблизости от них и все же ухитрялся избегать любых контактов с ними, и мое обращение произошло только по возвращении домой. Корабль, на котором мы с мистером Боудичем взяли обходной курс в Англию, плыл по широкому водному пространству, нарушаемому только сильной зыбью, которая образует единственное движение в безветрие; вахтенные на палубе сидели на носу судна, пассажиры и офицеры почти все были внизу, на кормовой палубе были только я и рулевой; он безучастно стоял у нактоуза, а я был всецело занят чтением. Внезапно до моих ушей донесся звук, нечто среднее между писком и щебетом, и прежде чем я успел повернуть голову, чтобы посмотреть, откуда он доносится, тяжелое живое существо прыгнуло мне на плечи сзади, а его хвост обвился вокруг моего горла. Я почувствовал, что это Джек, обезьянка повара; озорной, злобный, насмешливый, но неподражаемый Джек, чьи шалости часто заставляли меня смеяться против моей воли, когда я наблюдал за ним издали, но с которым я так и не свел ни малейшего знакомства. Не берусь сказать, от страха или присутствия духа, но я оставалась совершенно неподвижной, и через минуту или две Джек наклонил голову вперед и уставился мне в лицо, издав что-то вроде карканья; затем он опустился ко мне на колени, осмотрел мои руки, как будто пересчитывал пальцы, попытался снять с меня кольца, а когда я дала ему немного печенья, уютно свернулся калачиком у меня на коленях. С того момента мы стали друзьями. Таким образом, мое отвращение было излечено, и с тех пор я испытываю неопределимый интерес и развлечение к наблюдению, изучению и защите обезьян. У нас было несколько человек на борту вышеупомянутого судна, но Джек был принцем среди них всех.

Принадлежащий исключительно коку, хотя и любимец всей команды, мой друг (черкопитек из Сенегала) сначала содержался при помощи веревки, привязанной к кают-компани; но по мере того, как он становился все более и более ручным, его свобода расширялась, пока, наконец, ему не разрешили перемещаться по всему кораблю, за исключением кают капитана и пассажиров. Занятия, которые он наметил для себя, начинались с раннего рассвета: он переворачивал клетку с попугаем стюарда всякий раз, когда мог до нее дотянуться, чтобы достать кусок сахара, который затем раскатывался, или слизывал воду, которая текла из опрокинутой чашки; он явно намеревался выдернуть попугаю перья, но тот поворачивался так же быстро, как поворачивался Джек, всегда лицом к нему, и его клюв был слишком грозен, чтобы с ним можно было справиться. Я часто просыпался от быстрого топота ног в этот ранний час и знал, что это было вызвано погоней за Джеком, вследствие какой-то шалости с его стороны. Как и все другие морские обезьяны, он спускался на бак, где срывал ночные колпаки с матросов, когда они лежали в своих гамаках, крал их ножи, инструменты и т.д., А если они не проявляли особой активности в преследовании, эти кражи выбрасывались за борт.

Когда начались приготовления к завтраку, Джек занял свой пост в углу у решетки и, когда повар отвернулся, вытащил для мужчин кусочки печенья, поджаривавшиеся между прутьями решетки, и вытащил пучки сушеных трав, с помощью которых они пытались имитировать чай, из оловянных кружек. Иногда он ошпаривал или обжигал пальцы из-за этих фокусов, которые

заставляли его замолчать на несколько дней; но как только боль проходила, он повторял свою проделку.

Два дня в неделю свиньям, составлявшим часть нашего поголовья, разрешалось бегать по палубе для физических упражнений, и тогда Джек был особенно счастлив: спрятавшись за бочкой, он внезапно вскакивал на спину одной из них, утыкаясь мордой в хвост, и его испуганный скакун уносился прочь. Иногда галопу мешало препятствие, и тогда Джек, ослабив хватку, которую он приобрел, впившись ногтями в кожу свиньи, усердно пытался распушить ей хвост, и если кто-нибудь поблизости приветствовал его смехом, он поднимал глаза с притворным удивлением, как бы говоря: "Над чем ты можешь смеяться?" Когда свиньи были заперты, он решил, что настала его очередь покатасть других, и там были три маленькие обезьянки с красной шкуркой и синими мордочками, которых он особенно любил: я часто встречал его со всеми ними на спине одновременно, пищащими, жмущимися друг к другу и с трудом удерживающимися в седле; как вдруг он останавливался и, казалось, просил меня похвалить добродушный поступок, который он совершал. Однако он ревновал ко всем своим собратьям, которые соприкасались со мной, и освободился от двух своих соперников, выбросив их в море. Одной из них была маленькая обезьянка-лев, необычайной красоты и необычайной кротости, и сразу же после того, как я покормил ее, Джек окликнул ее ласковым, покровительственным тоном; но как только он оказался в пределах досягаемости, вероломное создание схватило его за загривок и со скоростью мысли выбросило за борт корабля. Мы шли быстрым шагом, и хотя ему бросили веревку, бедное маленькое кричащее существо вскоре осталось позади, к моему большому огорчению, потому что на его почти человеческую агонию было больно смотреть. За это Джек был наказан тем, что был заперт на весь день в пустом курятнике, в котором он обычно проводил ночь и который он так ненавидел, что, когда приходило время ложиться спать, он обычно избегал лап стюарда; однако он совершал так много проказ, оставаясь без присмотра, что стало необходимо запираить его на ночь, и мне часто приходилось выполнять обязанности няньки. Однако главное наказание Джека состояло в том, что его вынесли перед клеткой, в которой была помещена принадлежащая мне пантера, в передней части палубы. Его тревога была сильной; пантера выпрямила спину и зарычала, но Джек мгновенно закрыл глаза и застыл как вкопанный. Обычно я держал его за хвост, и если я двигался, он осторожно открывал один глаз; но если он замечал хотя бы угол клетки, он быстро закрывал его и снова притворялся мертвым. Самый забавный трюк он проделал с бедной маленькой черной обезьянкой, воспользовавшись случаем, когда штиль, подобный тому, о котором говорилось выше, оставил его почти единственным обладателем колоды. Я не знаю, заметил ли он меня, потому что я сидел за соседней дверью. Мужчины красили корабль снаружи и наносили на него широкую белую полосу, когда отправились обедать вниз, оставив свои краски и кисти на верхней палубе. Джек подманил к себе свою жертву, которая безропотно подчинилась призыву; и, схватив его одной рукой, другой он взял кисточку и обмазал его белой жидкостью с головы до ног. Смех рулевого привлек мое внимание к этому обстоятельству, и как только Джек понял, что его обнаружили, он бросил своего мокрого брата и быстро взбежал по снастям, пока не добрался до грот-мачты, где и остановился, просунув нос между брусьями, глядя на то, что происходило внизу. Когда другая обезьяна начала вылизываться, я позвал стюарда, который дочиста вымыл ее скипидаром, и никакого вреда не последовало; но Джек побоялся спускаться, и только после трех дней, проведенных в его убежище на возвышенности, голод заставил его спуститься. Он выбрал момент, когда я сидел на палубе, и, раскачиваясь на веревке, внезапно упал мне на колени, так умоляюще глядя на меня, прося прощения, что я не

только простил его сам, но и добился отпущения грехов у других. После пятимесячного общения мы с Джеком расстались немного южнее островов Сицилия и больше никогда не встречались; но мне сказали, что он был очень огорчен моим отсутствием, искал меня по всему судну самым безутешным образом, даже отважился зайти в мою каюту; он также не примирился с моей потерей, когда команда корабля рассталась в лондонских доках.

Другая обезьяна, того же вида, что и Джек, была обучена одним человеком в Париже выполнять множество хитроумных трюков. Однажды я неожиданно встретил ее, когда она поднималась по лестнице в гостиную. Он уступил мне дорогу, встав в угол, и, когда я сказал "Доброе утро", снял фуражку и отвесил мне низкий поклон. - Вы уходите? - спросил я. Я спросил: "Где ваш паспорт?" После чего он достал из той же кепки квадратный листок бумаги, развернул его и показал мне. Его хозяин сказал ему, что мое платье запылилось, и он немедленно достал маленькую щетку из кармана своего хозяина, поднял подол моего платья, почистил его, а затем сделал то же самое с моими туфлями. Он был совершенно послушным; когда мы давали ему что-нибудь поесть, он не набивал этим свои кошельки, а деликатно и аккуратно съедал это; и когда мы давали ему деньги, он немедленно отдавал их в руки своего хозяина.

Известно, что гораздо более опытные обезьяны, чем те, о которых я говорил, разыгрывали пьесы и принимали на себя роли, за которые они взялись, с духом и способностями, которые могли бы побудить нас предположить, что они в совершенстве осознавали каждое действие своих различных ролей; и их уловки по добыванию пищи и самозащите равны только человеческим существам.

Обитатели этих могучих лесов, покрывающих землю между тропиками Старого и Нового Света, сотнями собираются в тех краях, где пальмы, баньяны, баобабы, бомбаксы и тысячи великолепных деревьев украшают почву; где самые вкусные плоды можно получить, просто протянув руку, чтобы отделить их от родительского стебля; неудивительно, что там собираются как обезьяны, так и макаки, которые поражают европейца при его первом появлении среди них изумлением. Я видел многих из них на Кейп-Косте, но только когда углубился в лес вверх по изгибам реки Габун, смог составить себе какое-либо представление об их многочисленности или о разнообразных привычках, характеризующих их дикую жизнь. В первый раз реальность обрушилась на меня, когда я поднимался вверх по ручью этой реки, чтобы добраться до города Наангоу, когда над головой были слышны самые оглушительные крики, смешанные со скрипами и разными странными звуками. Они исходили от красных и серых попугаев, которых обезьяны преследовали на вершинах самых высоких деревьев. Птицы не испугались; напротив, они, казалось, наслаждались забавой и, усевшись на тонкие веточки, которые не выдерживали веса их товарищей по играм, они расправили крылья и, казалось, громко воскликнули: "Вам меня не поймать!" Иногда, однако, они *были* удивлены, и тогда поднималась такая потасовка и шум. Четвероукий зверь, однако, вырвал красные перья из хвоста птицы и, не обращая внимания на ее гнев, уселся на ветку, обсасывая перья, пока они не высохли, после чего отправился за новыми.

То, что обезьянам нравится движение, что они получают удовольствие от воровства, от того, что перехитряют друг друга и своих высших собратьев—людей; что они гордятся тем, что разрывают и уничтожают произведения искусства, которыми они окружены в домашнем хозяйстве; что они строят самые хитроумные планы для достижения своих целей, - все это совершенно верно; но термины *веселый* и *веселый*, как мне кажется, совершенно неправильно применяются по

отношению к их чувствам и действиям; ибо все они делают торжественно и серьезно. Вы стоите под деревом, густая листва которого полностью закрывает вас от солнца, и надеетесь насладиться идеальной тенью и покоем; легкий шелест доказывает, что товарищи рядом; вскоре на вас падает сломанная ветка, затем другая, вы поднимаете глаза и обнаруживаете, что на вас смотрят сотни других глаз. В следующую минуту вы видите гротескные лица, которым принадлежат эти глаза, корчащие гримасы, как вы предполагаете, но это не так, они серьезно созерцают незваного гостя; они не бросаются в него в игре, это их дело - изгнать его из своих владений. Подними руку, ветви затрясутся, начнется болтовня, и чем скорее ты уйдешь, тем больше проявишь свою осмотрительность.

Понаблюдайте за обезьяной, с которой вы вступаете в более тесный контакт; если она поднимет травинку, она будет рассматривать ее с таким вниманием, как если бы определяла ценность драгоценного камня. Если вы ставите перед ним еду, он запихивает ее в рот как можно быстрее, и когда его щечные мешочки наполняются настолько, что больше не вмещают, он смотрит на вас так, как будто всерьез спрашивает вашего одобрения того, что он запасается на будущее. Если он уничтожает самый ценный предмет из стекла или фарфора, который у вас есть, он не выглядит так, будто ему доставляет удовольствие проделка, но либо напускает на себя наглый вид, словно говоря: "Мне все равно", либо спокойно пытается дать вам понять, что он счел своим долгом уничтожить вашу собственность. Дикими, неистовыми и шумными они становятся, когда раздражены или разочарованы, и долго сохраняют воспоминание о нанесенном оскорблении. Однажды я досадил обезьяне из коллекции Ботанического сада в Париже, помешав ей стащить еду у одного из своих товарищей; при этом я стукнул ее по лапам. К счастью, между нами были прочные провода, иначе он, вероятно, в ярости сильно ударил бы меня; он тряс клетку, катался по ней и кричал, но не забыл нанесенного оскорбления. В дальнейшем, как только он слышал мой голос, он приходил в ярость: и несколько месяцев спустя, хотя все это время меня не было, он схватил мое платье, когда я неосторожно стояла слишком близко к нему, протаскил его за решетку и откусил от него большой кусок, хотя оно было сшито из очень прочного материала.

Обезьяна, не знаю, какого вида, жила в семье в Йоркшире, к которой моя мать приезжала погостить на несколько дней. В честь гостя был дан большой званый обед, хозяин дома разливал суп; но так как он в это время разговаривал, то не заметил его появления. Вскоре все, кому его подавали, отложили ложки или отодвинули тарелки. Это, конечно, привлекло внимание, и при осмотре было обнаружено, что жидкость полна коротких волосков. Присутствовавших при этом слуг расспросили, но они заявили, что ничего не знают о причине; и самым мудрым и вежливым поступком было убрать супницу со стола и, подавая рыбу, больше ничего не говорить. Однако хозяйка семейства, когда дамы покинули столовую, ускользнула от своих подруг и, позвав к себе кухарку, получила объяснение этой тайны. Женщина сказала, что она вышла из кухни всего на одну минуту, а когда вернулась, то увидела обезьяну, стоящую на кухонной решетке, положив переднюю лапу на крышку котла, в котором варился суп. "О, мистер Любопытство, - воскликнула она, - это слишком много для тебя, ты не можешь это поднять". Однако, к ее ужасу и изумлению, он *had* поднял тарелку и снова надевал ее после того, как положил туда котенка, останки которого были обнаружены на дне, когда суп процеживался. Бедная кухарка была так сбита с толку, что не знала, что делать: пришло время подавать обед, и поэтому она, для вида, сочла за лучшее подать суп таким, каким он был, даже если его немедленно подадут снова, "потому что вы знаете, мэм, - сказала она, - это доказывало бы, что

вы его заказали. Я всегда думала, что обезьяна сделает котенку пакость, он так ревновал к ней и так ненавидел за то, что она его поцарапала, что схватил ее, когда она спала".

Гораздо более благосклонная обезьянка принадлежала моей старшей дочери, и мы привезли ее в Англию из Гамбии. Казалось, он знал, что может справиться с ребенком, и не колеблясь кусал и царапал ее всякий раз, когда она дергала его немного сильнее, чем он считал нужным. Я наказывал его за каждый проступок, но при этом кормил и ласкал его, когда был хорош; это означало, что я имел над ним полную власть. Ему было очень плохо в лондонской квартире, где я был вынужден привязать его к решетке печи и где у него не было свежего воздуха; и как только его выпустили на свободу, он попытался сломать все, до чего мог дотянуться; поэтому я убедил его молодую хозяйку отдать его в Ботанический сад. Я отвез его туда и во время моего пребывания в том месте наносил ему ежедневные визиты. Когда они прекратились, смотритель сказал мне, что он постоянно ждал моего возвращения, и прошло много времени, прежде чем он оправился от разочарования и подружился со своими товарищами по той же клетке. Два года спустя я снова пришел к нему; и когда я встал перед ним и спросил: "Мак, ты меня узнаешь?" он взвизгнул от восторга, просунул обе лапы за решетку, протянул их ко мне, наклонил голову, чтобы я его погладил, издавая тихое мурлыканье и всячески демонстрируя радостное узнавание.

Самой меланхоличной из всех обезьян, по-видимому, является шимпанзе; и хотя он, возможно, продемонстрировал большую способность подражать человеку, чем кто-либо другой, все, что он делает, он выполняет с печальным выражением лица, часто сопровождаемым раздражением, а иногда и вспышками ярости. Один из более мелких видов, подобных тем, которые в разное время завозились в Англию и Париж, был предложен мистеру Боудичу для покупки, пока наш корабль стоял в реке Габун. Хозяин оставил его у нас на четыре недели, и за это время у меня была возможность понаблюдать за его привычками. Он не желал общаться ни с кем другим из племени, даже с неотразимым Джеком; но уже начинал мириться со мной, когда в один несчастливый день я остановил его зарождающееся пристрастие. Он последовал за мной к клетке с Пантерой, и я никогда не забуду тот ужасный вопль, который он издал. Он бежал так быстро, как только мог, опрокидывая мужчин и мальчишек на своем пути, с силой, которую трудно было ожидать от его габаритов, и не останавливался до тех пор, пока не втиснулся в парус шлюпки на кормовой палубе, которым он полностью укрылся и который с тех пор стал его любимым пристанищем. Прошло несколько дней, прежде чем я смог восстановить о себе его хорошее мнение, поскольку он, очевидно, думал, что я имел какое-то отношение к пантере. Последний был в такой ярости, что моряки подумали, что он сломает свою клетку; и он продолжал вести себя беспокойно и настороженно в течение нескольких часов после этого, доказывая, что шимпанзе обитает в его стране Ашанти, дальше к северу, чем мы предполагали. Мы не стали покупать это животное из-за непомерной суммы, запрошенной за него, и риска для его жизни во время длительного путешествия. Он всегда был очень грустным, но очень нежным; и его привязанность к своему хозяину была очень велика, он цеплялся за него, как ребенок, и радостно уходил в его объятия. О тех, кто хранится в зоологических садах Англии и Парижа, ходило много анекдотов, свидетельствующих о большом уме. Один из последних сидел в кресле, запирал и отпирал свою дверь, пил чай ложкой, ел ножом и вилкой, сам готовил ужин, плакал, когда оставался один, и радовался тому, что его, по-видимому, считают членом семьи его зрителя.

Именно в экваториальной Африке обитают самые могущественные из всех четвероруких, намного превосходящие оранского утанга и даже понго с Борнео. Мистер Боудич и я были первыми, кто оживил и подтвердил давно забытое и смутное сообщение о существовании такого существа, и многие думали, поскольку мы сами его не видели, что нас обманули туземцы. Они уверяли нас, что эти огромные существа постоянно ходят на задних лапах и еще ни разу не были взяты живыми; что они наблюдают за действиями людей и подражают им настолько близко, насколько это возможно. Подобно охотникам за слоновой костью, они подбирают упавшие бивни слонов, но, не зная, куда их положить, они таскают свою ношу, пока сами не падают, и даже умирают от усталости; они строят хижины, почти похожие на человеческие, но живут снаружи; и когда умирает один из их детей, мать носит его на руках, пока он не разваливается на куски; что один удар их лапы убивает человека, и что ничто не может сравниться с их свирепостью.

Самец и самка огромного вида шимпанзе были доставлены в Бристоль капитаном судна, идущего с реки Габун, ему было поручено доставить их живыми, но поскольку это было невыполнимо, он поместил самца в пунш с ромом, а самку - в бочку с крепким рассолом, после того как они были застрелены. Человек, сделавший заказ, отказался их принимать, и профессор Оуэн передал их в Колледж хирургов. Мясо этого человека в соленой воде отвалилось от костей, но другого удалось подставить так, чтобы был сделан его портрет, сходство с которым сейчас находится в музее колледжа. Ром так разъел шерсть, что его нельзя было набить чучелом, он был ростом от четырех до пяти футов, его огромные ногти, похожие на когти, были хорошо приспособлены для выкапывания корнеплодов, а огромные, крепкие зубы, должно быть, делали его грозным противником. Не могло быть ничего более отвратительного, чем его внешность, даже если принять во внимание уродующее воздействие духа, в котором он был сохранен. Он был полностью покрыт шерстью, а не морщинистый и голый спереди, как меньший шимпанзе; и некоторое время предполагалось, что это и есть ингина, о которой сообщил мистер Боудич. Однако с тех пор в Англию из той же местности было отправлено несколько черепов гораздо больших размеров, свидетельствующих о почти изумительных размерах и силе; и они, вероятно, принадлежали настоящей Ингине. Они передвигаются парами; и по их огромным зубам очевидно, что, поскольку они не являются плотоядными животными, это оружие, должно быть, было дано им как средство защиты от самых могущественных врагов; фактически, друг от друга.

Теперь я перехожу от моих собственных знаний и личного опыта к знаниям других, и я не могу начать с более интересного рассказа, чем тот, который дал мистер Беннетт об обезьяне Унгка, или Гиббоне с Суматры, *Simia Syndactyla* натуралистов. Стоя на задних лапах, он достигал двух футов в высоту и был покрыт черной шерстью, за исключением лица, кожа которого тоже была черной; ноги были короткими по сравнению с туловищем и руками, последние были чрезвычайно длинными. Его единственный мешочек находился под горлом, назначение которого не было очевидным, поскольку он не делал его резервуаром для еды. Он издавал писк или чириканье, когда был доволен, глухой лай, когда раздражался, а когда был напуган или разгневан, он громко кричал "Ра, ра, ра". Он был таким же серьезным, как и остальные члены его племени, но не таким озорным; он, однако, часто крал чернила, сосал перья и пил жидкость всякий раз, когда до нее удавалось дотянуться. Вскоре он узнал свое имя и с готовностью шел к тем, кто его звал. Главным объектом его привязанности был папуасский ребенок; и он сидел, обхватив одной из своих длинных рук ее шею, делился с ней своим печеньем, убегал от нее или гнался за ней во время игр, катался по палубе, обвивая ее руками, притворялся, что кусается,

отталкивался с помощью веревки, а затем внезапно падал на нее, совершая множество других детских шалостей. Однако, если она пыталась заставить его поиграть, когда он не был склонен к этому, он мягко предупреждал ее укусом, что не потерпит от нее никаких вольностей. Он заигрывал с несколькими маленькими обезьянками, но они всегда становились противником, и он, чтобы наказать их за дерзость, хватал их за хвосты и тянул до тех пор, пока пищащим хозяевам не удавалось убежать, или он тащил их за эти отростки вверх по снастям, а затем внезапно отпускал, все это время сохраняя предельную серьезность.

Когда наступал час обеда для пассажиров, он занимал свое место у стола и, если над ним смеялись во время еды, лаял, надувал свой кисет и смотрел на тех, кто насмехался над ним самым серьезным образом, пока они не заканчивали, после чего он спокойно возобновлял свою трапезу. Это часто делают представители его расы, и некоторые, кажется, интересуются, что вы видите смешного, в то время как другие приходят в ярость, когда им предлагают такое оскорбление.

Унгка очень не любил, когда его оставляли одного, и, когда ему отказывали во всем, чего он желал, катался по палубе, размахивал руками и ногами и швырял вниз все, что попадалось ему под руку, беспрестанно повторяя "Ра, ра, ра". Ему очень нравился определенный кусок мыла, но его всегда ругали, когда он пытался его отобрать. Однажды, когда он подумал, что мистер Беннетт слишком занят, чтобы наблюдать за ним, он ушел с этим, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, не наблюдают ли за ним. Когда он прошел половину каюты, мистер Беннетт мягко окликнул его; и его так мучила совесть, что он немедленно вернул мыло на место, очевидно, понимая, что поступил неправильно. Он очень любил сладости; но, хотя и был хорошим другом тех, кто их ему давал, он не позволял им брать себя на руки, позволяя пользоваться этой фамильярностью только двум людям и особенно избегая больших усов. Продолжая свое путешествие, он сильно замерз, заболел дизентерией и умер, когда достиг северных широт.

Некоторое время в Лондоне выставлялась самка гиббона, чьи быстрые и огромные прыжки подтверждали рассказ о ее собратях М. Дювоиля, который сказал, что видел, как одно из этих животных преодолело расстояние в сорок футов, получив толчок простым касанием ветки дерева и поймав плод во время прыжка: гиббон в Англии мог остановиться самым внезапным образом и с удивительной точностью рассчитать расстояние. Она издала полутонный крик, закончившийся оглушительной встряской, которая не была немзыкальной. Утром она издала щебечущий крик, предположительно призывающий ее товарищей, который начинался медленно и заканчивался двумя лающими звуками, похожими на тенор Ми и его октаву, после чего бедняжка явно разволновалась. Вообще говоря, она была очень мягкой и предпочитала леди джентльменам; но если однажды ее доверие было завоевано, она, казалось, полагалась на мужчину так же сильно, как на женщину, о которой ее не просили.

Обезьяны в Индии являются в большей или меньшей степени объектами суеверного почитания и, следовательно, уничтожаются редко или вообще никогда. В некоторых местах их даже кормят, поощряют и разрешают жить на крышах домов. Если человек хочет отомстить за какое-либо нанесенное ему оскорбление, ему достаточно посыпать рисом или кукурузой крышу дома или амбара своего врага как раз перед началом дождей, и обезьяны соберутся на ней, съедят все, что смогут найти снаружи, а затем отодвинут черепицу, чтобы добраться до того, что упадет

через щели. Это, конечно, дает доступ к торрентам, которые попадают в такие страны, и все дома, мебель и магазины разрушаются.

Большие баньяновые деревья Старого Света - излюбленное пристанище обезьян и змей; и первые, застав одну из последних спящей, хватают ее за шею, слезают со своей ветки и разбивают голову рептилии о камень, все время яростно ухмыляясь.

Яванский буденг (*Semnopithecus Maurus*) в изобилии водится в лесах этого острова и убегает от присутствия человека, издавая самые страшные крики и используя самые яростные жесты; но такая антипатия встречается нечасто, и есть забавный отчет о дружеских отношениях, которые обезьяны проявляют к людям, написанный путешественником, который, вероятно, не был натуралистом, поскольку он не дает технического названия ни одному из видов, с которыми он встречается в Индии. Однако из того, что он говорит, я должен предположить, что некоторые из его героев такие же, как Макака-резус. Он выражает свое удивление, когда впервые видит обезьян "у себя дома", поскольку они так сильно отличаются от особей на верхушках органов или в зверинцах Европы. Их аура самообладания, понимания и права на землю, на которой они живут, очень забавна. От тридцати до сорока человек расселись, чтобы посмотреть на его приближающийся паланкин и носильщиков, точно так же, как сельские жители наблюдают за странным прибытием, направлявшимся к "сквайру", и смешались с жителями, толкая голых детей и вытягиваясь во весь рост рядом с сидящими человеческими группами с полнейшей свободой. Эта свобода часто граничит с наглостью; и они часто забираются на верхние этажи базаров, чтобы украсть все, что попадется им под руку внизу. Единственный способ уберечься от них - покрыть крышу колючим кустарником, шипы которого впиваются в плоть, как рыболовные крючки. Вышеупомянутый путешественник наблюдал за одним из них, которого он называет *бандаром*, и который занял его место напротив кондитерской. Он притворялся спящим, но время от времени тихонько поднимал голову, чтобы посмотреть на соблазнительные стопки и их владельца, который сидел и курил свою трубку, не проявляя никаких симптомов даже от дозы. Через полчаса обезьяна встала, как будто только что проснулась, зевнула, потянулась и заняла другую позицию в нескольких ярдах поодаль, где делала вид, что играет со своим хвостом, время от времени оглядываясь через плечо на возжеленные деликатесы. Наконец продавец проявил признаки активности, и бандар был начеку; мужчина направился в свою заднюю комнату, бандар одним прыжком пересек улицу и в одно мгновение набил свои сумки вкусными кусочками. Однако он не заметил нескольких шершней, которые в это же время лакомились сами собой. Они были возмущены его беспокойством, и измученный бандар, спеша убежать, наткнулся на покрытую шипами крышу, где и лежал, ужаленный, растерзанный и истекающий кровью. Он выплевывал украденные конфеты из своих мешочков и, хрипло лая, являл собой картину страдания. Грохот черепицы, которую он сдвинул во время своего отступления, привлек внимание жителей, и среди них продавца сладостей, размотавшего тюрбан и бежавшего в двух ярдах позади него. Все дружно рассмеялись над несчастной обезьяной, но их религиозное благоговение к ней побудило их прийти к ней на помощь; они вырвали у нее колючки, и она, совершенно удреченная, захромала в лес.

Путешественник постоянно соприкасался с обезьянами, занимаясь расчисткой земли и посадкой растений, и поначалу, когда он неподвижно лежал среди кустарника, они резвились вокруг него, как вокруг туземцев. Такое мирное положение вещей, однако, длилось недолго, когда он разбил поле сахарного тростника в недавно расчищенных джунглях. Он так хорошо

рассказывает эту историю, что я должен позволить себе использовать его собственные выражения: —

"Казалось, все полевые звери объединились против этого преданного участка сахарного тростника. Приходили дикие слоны и рылись в нем; джунглевые свиньи выкорчевывали его и на досуге жевали; шакалы обгладывали стебли, превращая их в тыкву; а дикие олени объедали верхушки молодых растений. Против всех этих мародеров было очевидное средство — построить прочный забор вокруг тростникового поля. Это было сделано соответствующим образом, и снаружи вырыли глубокую траншею, которую даже дикий слон не считал благоразумным пересекать.

- Пришли дикие свиньи и осмотрели ров и частокол за ним. Было замечено, как щетинистый старый клык осматривал оборонительные сооружения; но после зрелого размышления он дважды коротко хрюкнул, что, как я предположил, на свином языке означало "Не идти", и пустился рысцой, чтобы нанести визит моему соседу Раму Чандеру и узнать, как продвигается его небольшой участок сладкого батата. Шакалы обнюхали каждую щель и решили немного подождать, но обезьяны презрительно расхохотались по всему укреплению. День за днем я был обречен наблюдать, как мои тростинки пожирают, едва они созревают, стаи ликующих обезьян. Бесплезно было пытаться отогнать их. Потревоженные, они просто отступали к ближайшему дереву, таща за собой целые стебли сахарного тростника, а затем брызгали разжеванными кусочками мне в лицо, когда я смотрел на них снизу вверх. Это добавляло оскорбления к травме, и я положительно начал испытывать жажду крови при мысли о том, что обезьяны меня перехитрят. Случай между нами можно было бы изложить таким образом.

"Я с большим трудом и затратами расчистил и возделал эти джунгли", - сказал я.

"Ты еще больший дурак", - сказали обезьяны.

- "Я посадил эти сахарные тросты и ухаживал за ними".

"Наблюдали! ах, ха! мы тоже, если уж на то пошло".

- Но ведь у меня есть право пожалеть то, что я посеял?

"Не смотрите на это, - сказали обезьяны. - джунгли, по праву непререкаемому, принадлежат нам, и так было всегда, со времен Рам Хонумана длиннохвостого. Если вы будете возделывать джунгли без нашего согласия, вам придется считаться с последствиями. Если вам не нравятся наши обычаи, можете заниматься своими делами. Вы нам не нужны.

Я продолжал размышлять над этим унижительным взглядом на дело, пока однажды утром не вынашивал план мести в осуществимой форме. Дерево, на котором сидело около десятка обезьян, было срублено, и полдюжины самых маленьких были пойманы при попытке к бегству. Затем в большой горшок гхоу (патоки) было добавлено столько рвотного средства "винный камень", сколько нашлось в аптечке, и юным претендентам, после того как они были тщательно намазаны этим составом, разрешили вернуться к их расстроенным родственникам, которые, как только они прибыли, собрались вокруг них и начали вылизывать их с величайшим усердием. Результаты, которых я ожидал, не заставили себя долго ждать. Более печального зрелища было невозможно представить; но это лечение было настолько эффективным, что в течение более чем двух лет я почти никогда не видел обезьян по соседству".

Когда мы читаем о численности, интеллекте и отваге обезьян в этой части света, возникает любопытный вопрос о том, как они поведут себя, когда через Индию проложат железную дорогу.

Часто наблюдалось, что нет ничего более неприятного, чем видеть раненую или страдающую обезьяну. Он кладет руку на пораженную часть тела и смотрит вам в лицо, как бы вызывая к вашим добрым чувствам; и если течет кровь, он смотрит на это с таким испуганным выражением, что, кажется, понимает, что жизнь покидает его. Любознательная обезьяна среди многочисленной компании, плывущей на корабле, всегда, казалось, стремилась выяснить природу всего, что ее окружает, и трогала, пробовала на вкус и внимательно изучала каждый предмет, к которому она не привыкла. Горшок с кипящей смолой использовался для заделки швов на верхней палубе, и когда те, кто укладывал ее на доски, отвернулись от него, он окунул в нее одну лапу и, поднеся ее к подбородку, натерся разрушительным веществом. Его крик боли привлек к нему внимание матросов, и они сделали все, что было в их силах, чтобы облегчить состояние; смолу сняли, насколько это было возможно, его мешки были полностью сожжены, его бедные щеки были обмотаны тряпками, смоченными в скипидаре; и его ошпаренная рука была перевязана таким же образом. Он представлял собой жалкое зрелище и, казалось, смотрел на всех, кто подходил ближе, словно прося у них сочувствия. Он был очень нежным и очень печальным, его кормили сахаром и водой через трубочку, но через несколько дней он опустил голову и испустил дух.

Мистер Форбс рассказывает историю о самке обезьяны (*Semnopithecus Entellus*), которую застрелил его друг и отнес в свою палатку. Сорок или пятьдесят человек из ее племени двинулись вперед с угрожающими жестами, но остановились, когда джентльмен направил на них свое ружье. Однако один из них, по-видимому, вождь племени, вышел вперед, яростно болтая и угрожая. Ничто, кроме стрельбы в него, казалось, не могло заставить его уйти; но в конце концов он подошел к двери палатки со всеми признаками горя и мольбы, как будто умолял вернуть тело. Она была дана ему, он взял ее на руки, с выражением привязанности отнес своим товарищам и исчез вместе с ними. Неудивительно, что спортсмен поклялся никогда больше не стрелять в обезьян.

Обезьян едят в некоторых частях Старого Света и повсеместно в Южной Америке. Месье Бонплан говорит о мясе как о постном, твердом и сухом; но то, что я пробовал в Африке, было белым, сочным и напоминало курицу. Мистеру Боудичу за столом короля Ашанти подали целых обезьян, зажаренных в сидячем положении, и он сказал, что нет ничего более ужасного или отвратительного, чем их внешний вид, с пересохшей кожей губ и белыми зубами, создающими впечатление оскала от боли.

Воющие обезьяны Южной Америки, которые оглашают леса по ночам или перед надвигающейся бурей своим отвратительным хором и чьи впалые и увеличенные языковые косточки и расширенная нижняя челюсть позволяют им издавать эти печальные и пугающие крики, крупнее и жирнее многих других в той же стране, и их постоянно ищут в качестве пищи. Они едят толстые треугольные бразильские орехи (*Bertholletia Excelsa*) и разбивают твердый стручок, содержащий их, камнем, кладя его на сук дерева или какой-нибудь другой камень. Иногда они поджимают хвост, конечно, удар приходится по хвосту, и обезьяна убегает, завывая самым ужасным образом.

Самая красивая из всех обезьян - мартышка; Уистити у Бюффона; *Simia Jacchus* у Линнея. Он чрезвычайно чувствителен к холоду; тем не менее, если его обильно снабжать шерстью, хлопком и другими теплыми материалами, он долгие годы проживет в таком климате. Доктор Нилл из Эдинбурга, этот самый превосходный защитник и любитель животных, привез одного из них из Баии, дрессировка которого вызвала у него большие трудности. Он даже сопротивлялся тем, кто его кормил, не позволяя им прикасаться к себе, напуская на себя сердитый, подозрительный вид и пробуждаясь даже от малейшего шепота. Во время плавания он питался кукурузой и фруктами, а когда их стало не хватать, завелся тараканов, от которых очистил судно. Он уничтожал двадцать крупных особей, не считая мелких, три или четыре раза в день, откусывая у первых голову и отбрасывая внутренности, ножки и твердые оболочки крыльев. Кроме того, он питался молоком, сахаром, изюмом и панировочными сухарями. Впоследствии он подружился с кошкой, спал и ел вместе с этим животным, но так и не избавился полностью от своего недоверия.

Лейтенант Эдвардс в своем путешествии вверх по Амазонке упоминает домашнюю белую обезьяну, которая ухитрилась забраться на крышу дома, и никакие уговоры или угрозы не могли заставить ее спуститься обратно. Он пробежал по крыше, сдвинул черепицу, заглянул в комнаты внизу (потому что в этой стране нет потолков) и, когда его позвали, поднес большой палец к носу. В него стреляли кукурузой, но, найдя тряпку, он выставил ее перед собой и таким образом пытался уклониться от выстрела, время от времени выглядывая поверх. Наконец он был предоставлен самому себе, и когда не было предпринято никаких попыток спустить его вниз, он спустился сам. Капитан Браун упоминает обезьяну, в которую, когда она доставляла неприятности в каюте корабля, стреляли порохом и смородиновым желе; и чтобы защититься, он обычно хватал любимую обезьяну и держал ее между собой и пистолетом, когда тот был предъявлен.

На Мадагаскаре и некоторых восточных островах существует раса животных, которой было дано название маки и которая, хотя и отличается строением черепа и зубов, должна быть отнесена к четвероруким, поскольку у нее четыре руки. Они ведут ночной образ жизни, очень нежные и доверчивые, за, по-видимому, одним исключением, которое называется Вари. Месье Фредерик Кювье рассказал нам, что двоих из них заперли вместе в клетке, один убил и съел своего товарища, не оставив ничего, кроме кожи. Двое из них примечательны своими медленными, обдуманно движениями; и один из них, названный *Lemur Tardigradus*, был приобретен на острове принца Уэльского мистером Бэрдом. Он рассказывает нам, что его глаза ярко блестели в темноте и что он двигал веками по диагонали, а не вверх-вниз. У него было два языка, один шершавый, как у кошки, другой узкий и острый, и оба высывались одновременно, если только он не предпочитал сохранить последний. Обычно он спал, свернувшись клубочком, закинув руки за голову и вцепившись в свою клетку. Он жил вместе с собакой в одной клетке, и между ними существовала большая привязанность; но ничто не могло примирить его с кошкой, которая постоянно прыгала ему на спину, тем самым причиняя ему большое раздражение.

Я не могу закончить это упоминание об обезьянах лучше, чем привести любопытную легенду, которую рассказывают в Северо-Западной Африке и которая более необычна, чем распространенное в большинстве стран поверье, что "обезьяны могут говорить, если им нравится, но они этого не делают, опасаясь, что белые люди заставят их работать". Негры рассказывали ее друг другу с бесконечным юмором; были использованы разные голоса персонажей, а жесты и выражение лиц соответствовали сюжету.

"Жил-был большой и сильный мужчина, который был поваром, и он женился на женщине, которая считала себя намного выше его, поэтому она приняла его только при условии, что ее никогда не попросят пойти в поварню (кухню), а будут жить в отдельном жилище. Они были женаты, и все, что у него было для нее в доме, - это кухня; но поначалу она не жаловалась, потому что боялась сделать мужа несчастным. В конце концов она так устала от своей жизни, что начала находить недостатки, но поначалу была очень нежной. В конце концов она не переставая ругалась, и мужчина, чтобы заставить ее замолчать, сказал ей, что пойдет в буш (лес) и принесет дров, чтобы построить ей новый дом. Он ушел и через несколько часов принес немного дров. На следующий день жена велела ему пойти и принести еще. Он снова ушел, пробыл весь день и принес домой всего несколько палок, что так разозлило ее, что она взяла самую большую и побила его ею. Мужчина ушел в третий раз и пробыл там всю ночь, вообще не принеся домой дров, сказав, что деревья, которые он срубил, были такими тяжелыми, что он не мог дотащить их до конца. Затем он уехал и оставался там два дня и две ночи, что очень огорчило его жену. Она очень плакала, умоляла его не покидать ее, обещала больше не ругать и не бить его и спокойно жить на кухне; но он ответил: "Нет! ты заставил меня пойти в буш, теперь буш мне очень нравится, и я пойду и останусь там навсегда". С этими словами он выбежал из кухни в буш, где превратился в обезьяну, и от него произошли все остальные обезьяны".

ЛЕТУЧИЕ МЫШИ.

Наверх

Раса существ, к которой может быть с некоторой долей правды применен эпитет "таинственный", представляет большой интерес из-за своих особых привычек, чем из-за каких-либо доказательств, которые могут быть предоставлены относительно ее умственных способностей; и ее место в этой работе обусловлено чудесными историями, которые были рассказаны о ней и которые сделали ее объектом суеверного страха.

Летучие мыши, или Рукокрылые, особенно отличаются от всех других существ, выкармливающих своих детенышей, способностью летать. Галеопитек-лемур, обитающий в восточной части земного шара, совершает длительные перелеты с дерева на дерево и обязан этой способностью протяженности своей кожи между передними и задними конечностями, включая хвост; но нельзя сказать, что он действительно летает. Таким образом, только летучие мыши пользуются этой привилегией; и продолжение того, что на обычном языке мы бы назвали руками и пальцами, составляет каркас, поддерживающий кожу, или перепонку, образующую крылья. Большие пальцы, однако, оставлены свободными и служат крючками для различных целей. Ноги и хвост (если они у них есть) обычно помогают растянуть перепонку крыла; а грудная кость сформирована таким образом, чтобы поддерживать мощные мышцы, которые способствуют их двигательным особенностям. Они лазают и ползают с большой ловкостью, а некоторые способны бегать по земле; но большинству из них трудно передвигаться по гладкой горизонтальной поверхности, и они тащат себя за большие пальцы. Часть рукокрылых питается насекомыми, другая - плодами; один род питается главным образом кровью. Первые помогают

очистить атмосферу от тех насекомых, которые летают в сумерках; вторые очень разрушительны для наших садов; последние особенно являются объектом того суеверного страха, о котором я уже упоминал. Все они ведут ночной или сумеречный образ жизни, а днем остаются подвешенными за острые когти своих лап к нижним ветвям деревьев, крышам пещер, подземных карьеров или старых развалин, свисая вниз головой; множество их обитает в египетских гробницах.

Внешний вид летучих мышей всегда более или менее гротескен; но этот термин более точно применим к тем, которые питаются животной пищей, вследствие дополнений, сделанных к носу и ушам, вероятно, ради усиления их всегда острого обоняния и слуха. Уши часто огромного размера и соединены вместе на затылке; кроме того, спереди у них есть листовидные или копьевидные отростки. Перепонка различных форм также часто прикрепляется к носу, у одного вида она имеет форму подковы. Тела всегда покрыты шерстью, но крылья состоят из кожистой перепонки. Другой особенностью одного рода является то, что оконечность позвоночника превращается в две сросшиеся роговые части, покрытые кожей, образуя коробку из двух клапанов, каждый из которых движется независимо. Большие летучие мыши Ост-Индии имеют длину пять футов от кончика одного крыла до кончика другого и издают мускусный запах. Кожа *Nycteris Geoffroyi* очень свободно прилегает к телу; животное втягивает воздух через отверстия в щечных мешочках, голове и спине и раздувается в маленький воздушный шарик; отверстия закрываются по желанию с помощью клапанов. Укус у всех чрезвычайно острый, и мы редко слышим о том, чтобы кого-то приручили. Они пытаются укрыться от холодных ветров и часто посещают защищенные места, изобилующие каменной кладкой, камнями, деревьями и небольшими ручьями.

О вампирах, или кровососах, существуют разные мнения: говорят, что восточные вампиры совершенно безвредны; но утверждается, что южноамериканские виды любят присасываться ко всему крупному рогатому скоту, особенно к лошадям с длинными гривами, потому что они могут цепляться за шерсть, высасывая вены, и успокаивать свою жертву, хлопая крыльями над ее головой; по первой причине они также цепляются за хвост, что часто приводит к большой потере крови. Они часто убивают птиц, когда те устраиваются на своих насестах, ибо они настолько бесшумны и нежны в своем полете и действиях, что животные не пробуждаются ото сна из-за их нападений. Зубы расположены так, что делают глубокий тройной прокол, и один из них был сделан мистером Дарвином в момент высасывания крови из шеи лошади. Этот способный натуралист и точный наблюдатель придерживается мнения, что лошади страдают не от количества крови, взятой у них Вампиром, а от воспаления раны, которое они наносят и которое усиливается, если на нее давит седло. Лошадей, однако, оказавшихся ночью на траве, часто находят на следующее утро с окровавленными шеями и бедрами; и известно, что летучая мышь наполняется и извергается несколько раз. Доктор Карпентер придерживается того же мнения, что и мистер Дарвин, и также не верит, что эти существа успокаивают своих жертв, обмахивая их крыльями.

Капитан Стедман, путешествовавший по Гвиане с 1772 по 1777 год, опубликовал отчет о своих приключениях, и в течение нескольких лет после этого вошло в моду сомневаться в правдивости его утверждений. На самом деле, вплоть до гораздо более позднего периода, чем описанный выше, существовало общее мнение, что путешественникам не следует верить. Однако по мере того, как наши знания расширялись и дела Божьи становились все более явными, репутация многих оклеветанных путешественников была восстановлена, и, среди

прочих, репутация капитана Стедмана. Поэтому я без колебаний процитирую его рассказ об укусе вампира: "Проснувшись сегодня около четырех часов утра в своем гамаке, я был чрезвычайно встревожен, обнаружив, что барахтаюсь в свернувшейся крови и не чувствую никакой боли. Когда я вскочил и побежал к хирургу с головешкой в одной руке, весь перепачканный кровью, выяснилось, что тайна заключалась в том, что меня укусил вампир или призрак из Гвианы, которого также называют летучим псом Новой Испании. Это не что иное, как летучая мышь чудовищных размеров, которая высасывает кровь из людей и крупного рогатого скота, иногда даже до тех пор, пока они не умрут; инстинктивно зная, что человек, на которого они намереваются напасть, находится в крепком сне, они обычно садятся у ног, где, пока существо продолжает обмахиваться своими огромными крыльями, которые охлаждают человека, оно откусывает кусочек от кончика большого пальца ноги, на самом деле такой маленький, что булавочная головка едва может попасть в рану, которая, следовательно, безболезненна; тем не менее, через это отверстие оно ухитряется проникнуть в рану. высасывать кровь до тех пор, пока он не будет вынужден извергнуться. Затем он начинает снова и таким образом продолжает сосать и извергать кровь до тех пор, пока едва не становится способным летать, и часто известно, что страдалец засыпает от времени до вечности. Крупный рогатый скот они обычно кусают за ухо, но всегда в те места, где кровь течет самопроизвольно. Применив табачную золу как лучшее средство и смыв запекшуюся кровь с себя и со своего гамака, я заметил на земле несколько небольших кучек свернувшейся крови вокруг того места, где я лежал; осмотрев их, хирург решил, что за ночь я потерял по меньшей мере двенадцать или четырнадцать унций. Измерив это существо (одну из летучих мышей), я обнаружил, что между кончиками крыльев у нее тридцать два с половиной дюйма; цвет был темно-коричневый, почти черный, но снизу светлее".

Мистер Уотертон, которого весь мир признает джентльменом и, следовательно, человеком истины, одно время страдал от того же клейма преувеличения, что и капитан Стедман и многие другие прославленные путешественники; и он подтверждает факт кровососания в следующих выражениях: "Несколько лет назад я отправился на реку Паумарау с шотландским джентльменом. Мы повесили наши гамаки на соломенном чердаке плантаторского дома. На следующее утро я услышал, как этот джентльмен бормочет в своем гамаке и время от времени отпускает пару проклятий: "В чем дело, сэр, - тихо спросил я, - что-нибудь не так?" - "В чем дело?" - угрюмо ответил он, - "Почему вампиры высосали меня до смерти". Как только стало достаточно светло, я подошел к его гамаку и увидел, что он сильно залит кровью. "Вот, - сказал он, высовывая ногу из гамака, - посмотри, как эти бесы высасывали из меня кровь". Осмотрев его ступню, я обнаружил, что вампир постучал себя по большому пальцу ноги. Там была рана несколько меньше той, что нанесена пиявкой. Кровь все еще сочилась из раны, и я предположил, что он потерял от десяти до двенадцати унций крови.

Далее мистер Уотертон сообщает нам, что мальчика десяти или одиннадцати лет укусил вампир, а бедный ослик, принадлежавший отцу молодого джентльмена, умирал в нескольких дюймах от укусов более крупных видов, в то время как большинство его домашних птиц были убиты летучими мышами поменьше.

Оцепенение, в котором пребывают летучие мыши зимой в климате, сходном с английским, хорошо известно; и, подобно другим животным, которые подвергаются такому же прекращению жизнедеятельности, они имеют свою историю длительного заключения в местах, которые кажутся враждебными для жизни. Есть два сообщения об их нахождении на деревьях, которые

чрезвычайно любопытны, тем более что одно подтверждает другое. В начале ноября 1821 года дровосек, занимавшийся колкой бревен для железнодорожных столбов в лесу недалеко от озера в Хейнинге, поместье мистера Прингла, в Селкиркшире, обнаружил в середине большого дерева дикой вишни живую летучую мышь ярко-алого цвета, которая, как только ее извлекли из заточения, расправила крылья и улетела. В дереве было углубление, достаточно большое, чтобы вместить животное; но со всех сторон древесина была совершенно прочной и без каких-либо трещин, через которые атмосферный воздух мог проникать к животному.

Человек, коловший древесину недалеко от Келсолла, в начале декабря 1826 года обнаружил в середине большого грушевого дерева живую летучую мышь ярко-алого цвета, от которой он по глупости позволил убежать из страха, будучи полностью убежден (с характерным суеверием жителей этой части Чешира), что это "существо не от мира сего". Дерево представляло собой небольшое углубление в центре, куда была заключена летучая мышь, но было совершенно прочным с каждой стороны. Алый цвет кожи каждого из этих заключенных в настоящее время кажется необъяснимым и делает эти заявления еще более удивительными.

Профессор Белл в своей замечательной работе о британских четвероногих говорит о длинноухой летучей мыши, которая кормилась с руки; и если бы насекомое зажали между губами, оно уселось бы на щеку своего хозяина и очень спокойно вытащило муху у него изо рта. Она так привыкла к этому, что искала его губы, когда он издавал жужжащий звук. Она складывала свои красивые уши подмышкой, когда ложилась спать, а также во время зимней спячки. Его крик был резким и пронзительным, становясь более чистым и пронзительным, когда его потревожили. Чаще всего его можно увидеть в городах и деревнях. Этот пример приручения в определенной степени, возможно, повторялся бы чаще, если бы летучие мыши были объектами более общего интереса.

РОДИНКИ.

Наверх

Вокруг наших загородных жилищ постоянно обитает племя животных, ведущих подземный и ночной образ жизни, некоторые из которых зимой впадают в оцепенение. Все они робки и ненавязчивы, и все же оказывают большое влияние на наше благосостояние; ибо они сдерживают быстрое размножение тех червей и насекомых, которые живут и размножаются под землей и уничтожают посевы, необходимые для нашего существования. В их формировании есть определенные и постоянные признаки, которые объединяют их всех в одну группу, называемую натуралистами Насекомоядными млекопитающими; но среди них есть меньшие группы особей со своеобразными признаками, приспособленными к их различным привычкам.

Кроты - представитель одной из этих второстепенных групп, которая, за одним исключением, обладает частью зрения, несмотря на свою репутацию слепых. Его обоняние и слух, однако, настолько остры, что восполняют недостаток в другом смысле, высокоразвитый орган, наличие которого было бы очень характерно для животного, обитающего в недрах земли и редко выходящего на поверхность днем. Его передние лапы самые большие, а мощные мышцы позволяют ему выкапывать почву и корни, которые препятствуют образованию его галерей и

которые выбрасываются вверх по мере разрыхления. Нос, или морда, снабжен костью на конце, которой он протыкает землю, и у одного рода к этой кости прикреплены двадцать два маленьких хрящевых острия, которые могут быть вытянуты в виде звезды. У всех за ухом находится вена, малейший прокол которой приводит к мгновенной смерти.

Пища кротов состоит главным образом из червей и личинок насекомых, которых они поедают в огромных количествах. Они чрезвычайно прожорливы, и малейшее лишение пищи доводит их до иступления или убивает. Все они будут питаться мясом, а будучи запертыми в клетке без пищи, как известно, пожирают друг друга. Известен замечательный случай, когда кроту, находящемуся в заточении, дали гадюку и жабу, которых он убил и съел. Все они выдавливают землистое вещество, находящееся внутри червей, прежде чем съесть их, что они делают с самой нетерпеливой быстротой. В июне и июле они крадутся по поверхности земли, обычно ночью, но их видели и днем, и это время, когда они лакомятся мясной пищей, так как тогда они ловят мелких птиц, мышей, лягушек, ящериц и улиток; но хотя известно, что в заключении кто-то ел жабу, они обычно отказываются от этих рептилий, вероятно, из-за едкого запаха, исходящего от их кожи. В этих случаях открытого мародерства их часто ловят и, в свою очередь, пожирают совы ночью и собаки днем. Они обладают замечательной способностью поедать корни безвременника, или лугового шафрана, которые оказывают такое сильное действие на других животных и которые они, вероятно, проглатывают ради личинок или червей на них. Их антипатия к чесноку такова, что несколько зубчиков, положенных в их рацион, приведут к его уничтожению.

Французский натуралист по имени Анри Лекур посвятил большую часть своей жизни изучению привычек и строения кротов, и он говорит нам, что они будут бегать так же быстро, как лошадь скачет галопом. Своими наблюдениями он оказал существенную услугу большому району во Франции, поскольку обнаружил, что множество кротов подорвали берега канала и что, если не будут приняты меры для предотвращения катастрофы, эти берега обрушатся, и последует затопление. Благодаря своим хитроумным ухищрениям и точному знанию их привычек, он ухитрился искоренить их до того, как они натворили еще больше бед. Однако говорят, что кроты превосходно осушают землю, и мистер Хогг, пастух из Эттрика, обычно заявлял, что если бы сотню человек и лошадей наняли для обработки пастбищ площадью 1500 или 2000 акров, они не делали бы это так эффективно, как это делали бы кроты, предоставленные самим себе.

Покойный граф Дерби владел небольшим необитаемым островом в озере Ключи, в 180 ярдах от основной суши, и в качестве доказательства того, что кроты хорошо плавают, многие из них переплыли воду и завладели этим местом. Говорят, что их, как и бобров, тащат их товарищи, которые хватают их за хвост и тянут за собой, пока они лежат на спине, охватывая некоторое количество почвы, выкопанной при формировании их тропинок. Меха крота очень короткий, тонкий и плотный, гладкий и мягкий, как генуэзский бархат.

Кроты проявляют высокую степень инстинктивности в умелом строительстве своих подземных крепостей. Их местонахождение обозначено не теми небольшими холмиками рыхлой земли, которые мы видим поднятыми ночью и которые отмечают их охотничьи вылазки, а под холмом, выросшим ими самими и защищенным стеной, насыпью или корнями дерева. Земля хорошо обработана, чтобы сделать ее компактной и твердой, и образованы галереи, которые сообщаются друг с другом. В верхней части кургана расположена круглая галерея, и пять спускающихся проходов ведут от нее к галерее ниже, которая имеет большую окружность.

Внутри этой нижней галереи находится камера, которая сообщается с верхней галереей тремя нисходящими туннелями. Эта комната является, так сказать, цитаделью крота, в которой он спит.

Главная галерея идет от нижней галереи по прямой линии до предельной протяженности грунта, по которому охотится крот, а от нижней части этого общежития идет другая, которая спускается глубже в землю и соединяется с этой большой или главной дорогой. Восемь или девять других туннелей огибают холм на неравных расстояниях, ведя от нижней галереи, по которой крот выслеживает свою добычу и которую он постоянно расширяет. Во время этого процесса он выбрасывает холмики, которые выдают нам его близость. Большая дорога имеет разную глубину, в зависимости от качества почвы, в которой она вырыта; обычно она находится на пять-шесть дюймов ниже поверхности, но если ее провести под ручьем или тропинкой, она иногда будет утоплена на полтора фута. Если холм очень обширный, там будет несколько проселочных дорог, и они будут служить для нескольких кротов, но они никогда не вторгаются в охотничьи угодья друг друга. Если они случайно встречаются на дороге, человек вынужден отступать, или у них завязывается битва, в которой слабейший всегда проигрывает хуже всех. В бесплодной почве поисковые галереи наиболее многочисленны, а те, что сделаны зимой, - самые глубокие, потому что черви проникают за линию замерзания, а крот зимой так же активен, как и в теплую погоду.

Для самок приготовлено отдельное помещение, в котором они вынашивают своих детенышей. Он расположен на некотором расстоянии от цитадели, там, где три или четыре галереи пересекаются друг с другом. Там у них есть постель из сухой травы или волокон корней, и одновременно рождаются четыре или пять детенышей, которые начинают добывать себе пищу, когда наполовину вырастают.

Как и всем прожорливым животным, кротам требуется большое количество воды, следовательно, их русло, или крепость, обычно сообщается со рвом или прудом. Если они пересыхают или ситуация будет без таких ресурсов, маленький архитектор прокладывает перпендикулярные колодцы, которые удерживают воду по мере ее стекания из почвы.

Кроты меняют свое жилище в зависимости от обстоятельств, и поскольку они хорошо плавают, они мигрируют через реки; и при внезапных наводнениях способны спасти не только себя, но и своих детенышей, к которым они очень привязаны. Хитрость и осторожность, к которым они прибегают, чтобы поймать птицу, в высшей степени любопытны: они приближаются незаметно, но как только оказываются в пределах досягаемости своей добычи, бросаются на нее, разрывают ее тело, засовывают морду в кишки и наслаждаются своим кровавым пиршеством. Затем они спят три-четыре часа и просыпаются с новым аппетитом.

Все охотники на кротов будут свидетельствовать о быстрых перемещениях и, как следствие, о трудностях поимки этих животных. Я наблюдал, как садовник полчаса стоял у одного из небольших холмиков рыхлой земли, которые по своему движению свидетельствовали о том, что крот был там за работой, и оставался неподвижным с лопатой в руке, а когда он увидел, что земля дрожит, бросил свое оружие в кучу. Ему было достаточно просто поднять руку, и прежде чем лопата коснулась земли, крот исчез. Он едва ли мог рассчитывать на то, что добьется своей жертвы один раз из двадцати попыток.

Ни на севере Шотландии, ни в Ирландии родинки не водятся, что некоторые связывают с почвой и климатом; но они существуют в других частях Европы при схожих обстоятельствах.

ЕЖИКИ.

Наверх

Ежи образуют одну из небольших групп насекомоядных млекопитающих и примечательны тем, что способны также употреблять в пищу те вещества, которые разрушительны для других; например, они безнаказанно пожирают крылья шпанских мух (*Cantharides*), которые причиняют ужасные мучения другим животным, и не в последнюю очередь человеку, вызывая волдыри на его коже. Казалось бы, еж также внешне нечувствителен к яду, поскольку он борется с гадюками, и его кусают за губы и нос, не получая при этом никаких травм. Был проведен эксперимент по введению в него синильной кислоты, который не возымел никакого эффекта.

Хорошо известно, что ежи покрыты щетиной, похожей на острые колючки, и что они сворачиваются в клубок. Это осуществляется с помощью особого набора мышц, прикрепленных к коже, с помощью которых они принимают такую форму, и в то же время устанавливают каждую щетинку, а также втягивают внутрь свою голову и конечности. Сопротивление и эластичность этих щетинок таковы, что их обладатели могут быть отброшены на большие расстояния и остаться невредимыми, и они даже будут бросаться с крутых мест, когда захотят сдвинуться с места.

Ежи ведут ночной образ жизни и часто встречаются в лесах, садах, огородах и густых рядах живых изгородей. Именно в последнем я слышал об одном случае, когда курица приняла его за куст, в котором она могла бы безопасно отложить яйцо. Об этом факте возвестило торжествующее кудахтанье, которое эти птицы издают в таких случаях: следовательно, яйцо искали и нашли на спине ежа.

Ежи питаются насекомыми, слизнями, лягушками, яйцами, молодыми птицами в гнезде, мышами, опавшими фруктами и кореньями овощей, особенно подорожника, которые прогрызают в земле, чтобы добраться до этих веществ. Они очистят дом от черных жуков за несколько недель, как я могу подтвердить по собственному опыту. Моя кухня была сильно заражена не только ими, но и чем-то вроде дегенерировавшего таракана, произошедшего от лучше подготовленных блаттов, привезенных в моих упаковках из тропической страны и которые сопротивлялись всем попыткам их истребления, таким как кипячение воды, перец, вафли с мышьяком, ступка и т.д. Наконец, друг, чей дом был очищен от жуков ежом, передал это животное мне, к большому неудовольствию моей кухарки, для которой оно было предметом ужаса. В первую ночь после прибытия ему постелили постель в корзине, наполовину набитой сеном, и поставили блюдо с молоком. На следующее утро ежик исчез, и в течение нескольких дней его поиски были безрезультатными. То, что он был жив, было доказано тем, что молоко выпили из блюдечка, в которое его положили. Однажды вечером я нарочно зашел на кухню после того, как вся семья некоторое время пролежала в постелях, и, открыв дверь, увидел, как маленькое существо юркнуло в отверстие под духовкой, прикрепленное к решетке. Опасаясь, что иногда это может оказаться слишком горячим для него, я положил несколько кирпичей, чтобы заполнить отверстие. На следующую ночь кирпичи были отодвинуты и опрокинуты,

продемонстрировав удивившую нас прочность; но после этого мы оставили животное на его собственное попечение. Жуки и тараканы заметно исчезли, но вместе с ними исчезли и другие вещи; пропали кухонные тряпки, оставленные сушиться на ночь; затем шелковый носовой платок. Наконец ночной колпак, оставленный на комод, исчез; и эти абстракции были самыми загадочными. На следующий день был произведен общий обыск в возможных и невозможных местах, и в отверстии печи был замечен конец муслиновой веревки; за нее ухватились, и вытащили не только ночной колпак, но и все недостающие и не пропавшие вещи, которые украл еж; большинство из них были сильно изорваны, и предполагалось, что бедное животное завладело ими, чтобы сделать мягкую постель. Я не видел, чтобы такая склонность была замечена где-либо еще, и это может быть полезным намеком для тех, кто держит ежей. Все попытки сделать это животное дружелюбным были тщетны; но мне сказали, что ежи часто вполне одомашнены и даже проявляют некоторую привязанность.

Доктор Бакленд установил способ, которым ежи убивают змей; они внезапно нападают на рептилию, сильно кусают ее, а затем с предельной ловкостью сворачиваются так, чтобы при ответном ударе змеи не было ничего, кроме шипов. Они повторяют этот маневр несколько раз, пока спина змеи не будет сломана в разных местах; затем они пропускают ее через свои челюсти, через короткие промежутки времени разламывая кости; после чего съедают ее всю, начиная с хвоста. Старая легенда о том, что ежи сосут вымя коров, когда те лежат на земле и жуют жвачку, конечно, совершенно беспочвенна. Они прячутся в норах на деревьях или в земле, где устраивают подстилку из листьев, мха и т.д., в которую заворачиваются, и эти вещества, прилипающие к колючкам, делают их похожими на комок растительной материи. В таком состоянии они проводят зиму в состоянии оцепенения; но следует отметить, что одна из них, которая была ручной, сохраняла свою активность весь год. Известны случаи, когда ежи выполняют функцию вертелов на кухне; и благодаря удобству, с которым они приспособляются ко всем видам пищи, их легко содержать. Однако, привыкнув к животному рациону, они нападают на молодую дичь; и один из них был обнаружен на юге Шотландии при убийстве зайчонка.

МЕДВЕДИ.

Наверх

Среди хищных, или плотоядных животных, медведи занимают первое место, ибо их характер и привычки в некоторой степени связывают их с предыдущим отрядом, насекомоядными. Оба в основном питаются фруктами, злаками и насекомыми и едят мясо только по необходимости или из-за каких-то особенностей жизни, таких как заключение или образование.

Плотоядные животные разделены натуралистами на три племени, признаки которых определяются их ногами и манерой ходить. Медведи относятся к плантиградам, или тем, которые при ходьбе твердо стоят на земле всеми своими лапами. Иногда они хитры и свирепы, но часто проявляют хорошее настроение и большую любовь к веселью. В своем диком состоянии они большую часть своей жизни проводят в одиночестве; они с большой легкостью лазают по деревьям, живут в пещерах, норах и дуплах деревьев; а в холодных странах на зиму удаляются в какое-нибудь уединенное место, где остаются в укрытии и выводят потомство. Некоторые говорят, что они вялые; но этого не может быть, потому что медведицы

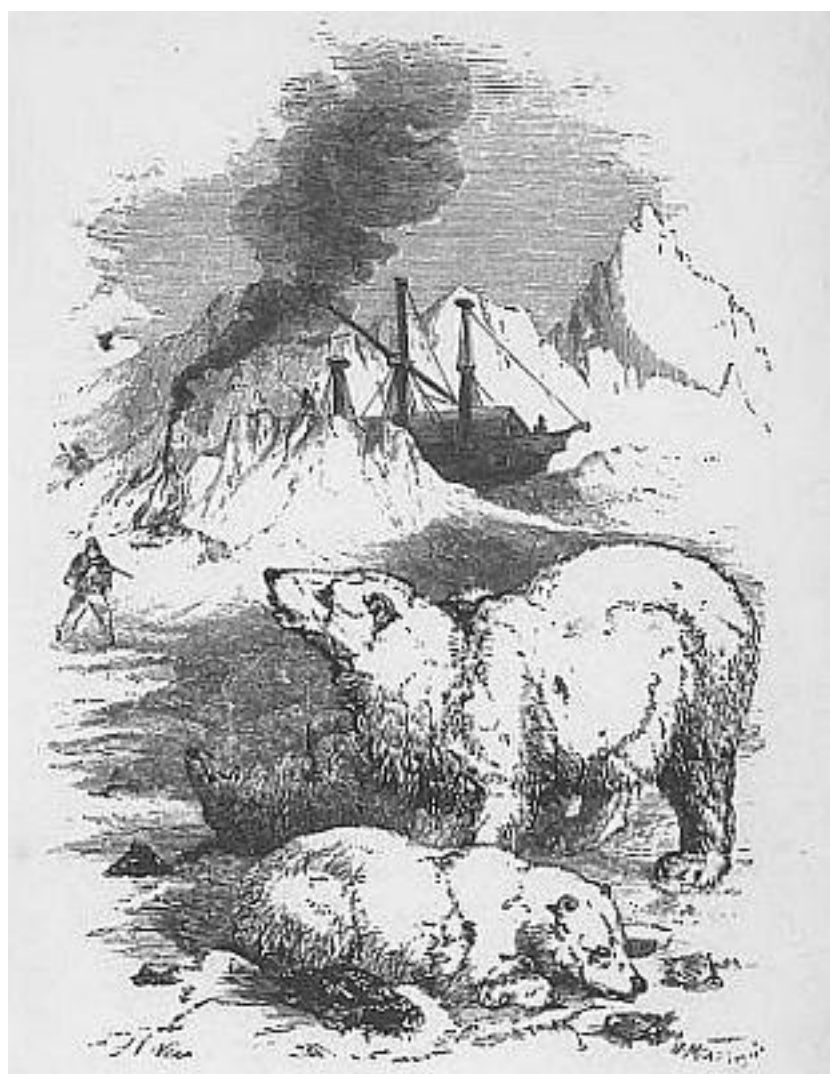
возвращаются из своих убежищ с детенышами, которые жили у них, и маловероятно, что они могли вырастить их и остаться без пищи; однако они часто очень худые и истощенные, и поглощение ими, как правило, большой доли жира, способствует их питанию. История о том, что они живут, посасывая лапы, является, как можно предположить, басней; когда их хорошо кормят, они всегда лижут свои лапы, очень часто сопровождая это действие своеобразным бормочущим звуком. Есть несколько человек, которые никогда не будут есть мясо, и все они способны обходиться без него. Они, вообще говоря, крупные, неуклюжие и неуклюжевы, обладают большими когтями для рытья; и часто ходят на задних лапах, что им позволяет своеобразное строение бедренной кости. Они не часто нападают в первую очередь, если только их не подстегивает голод или опасность; однако, когда они возбуждены, они становятся грозными противниками. В прежние времена было мало уголков земного шара, в которых их нельзя было бы встретить; но, как и другие дикие животные, они исчезли до появления человека. Тем не менее, они встречаются в определенных местах от северных регионов мира до жаркого климата Африки, Азии и Америки. Последняя дата их появления в Великобритании - в Шотландии, в 1057 году.

Медведи всегда покрыты густым мехом, который, несмотря на свою грубость, очень ценится для различных целей. Они доставляют много удовольствия тем, кто склонен к таким упражнениям; но жестокая практика травли медведями прекращена. В старом издании "Худибраса" есть любопытное примечание о способе преследования преданных медведей с тачками, на которых они вымещали свою ярость, и таким образом травители оказывались в их власти. В настоящее время охота представляет собой регулярно организуемые бои, помимо которых существует множество способов поймать их в ловушки, ямы и т.д.

Большого белого медведя (*Ursus Maritimus*) с его белым мехом, длинной приплюснутой головой и черными когтями в совершенстве можно увидеть в Зоологическом саду. На своей родине зимой он питается в основном мясом тюленя, но летом питается ягодами, морскими водорослями и болотными растениями. Это один из самых грозных представителей этой расы; его можно увидеть взбирающимся на ледяные горы и переплывающим со льдины на льдину с величайшей быстротой. Капитан Лайон рассказывает нам, что, когда тюлень лежит у самого берега, медведь тихо входит в воду и отплывает от него с подветренной стороны; затем он совершает короткие погружения и ухитряется так, чтобы последнее погружение вернуло его поближе к тюленю, который пытается спастись, перекатываясь в воду, когда попадает в лапы медведя; и если он лежит неподвижно, медведь набрасывается на него и пожирает; однако его любимой пищей являются плавающие туши китов. Походка всех медведей - своего рода шарканье, но этот идет с такой скоростью, что его поступь равна лошадиному галопу. Он удивительно пронырок и часто побеждает стратагемы, практикуемые для его поимки. Группа моряков преследовала самку с двумя детенышами по ледяному полю; сначала она убеждала детенышей увеличить скорость, бегая перед ними, оборачиваясь и выказывая жестами и голосом большое беспокойство за их продвижение; но, обнаружив, что преследователи настигли их, она попеременно несла, толкала или швыряла их вперед, пока не добилась их побега. Детеныши, казалось, приготовились к броску и, когда их таким образом послали вперед на несколько ярдов, побежали дальше, пока она снова не подошла к ним, после чего они поочередно встали перед ней.

Медведица и два крупных медвежонка, привлеченные запахом жира, исходившим от морского конька, который был подожен и горел на льду, нетерпеливо подбежали к нему, вытащили

несколько кусочков из огня и съели их с большой прожорливостью. Матросы бросили им несколько оставшихся у них комочков, которые старая медведица забрала и положила перед своими детенышами, оставив себе лишь небольшой кусочек. Когда они доедали последний кусок, мужчины застрелили детенышей и ранили мать. На ее страдания было очень больно смотреть, и, хотя она была ранена, она подползла к тому месту, где они лежали, разорвала кусок плоти на куски и положила по кусочку перед каждым. Обнаружив, что они ничего не едят, она попыталась поднять их, все время издавая жалобные стоны. Затем она отошла на некоторое расстояние, оглянулась и застонала, и это не смогло их соблазнить, она вернулась и зализала их раны. Она проделала это во второй раз и, все еще обнаруживая, что детеныши не следуют за ней, подошла и с большой нежностью потрепала их лапами. Наконец убедившись, что они безжизненны, она подняла голову в сторону корабля и рычанием, казалось, упрекала их разрушителей. Они ответили на это залпом мушкетных пуль;^[1] она упала между своими детенышами и умерла, зализывая их раны.

МЕДВЕДИЦА И ЕЕ ДЕТЕНЫШИ.—Страница 54.

Канадский черный медведь - грозное существо, и доктор Ричардсон опровергает утверждение, что он не быстроногий; он говорит, что он вскоре обгоняет самого быстрого бегуна, и добавляет, что лазает он так же хорошо, если не лучше кошки. Он питается ягодами, яйцами и кореньями;

но хотя он не ищет мяса, он не отказывается от него, когда ему предлагают. Молодой медведь такого вида грубо обошелся с канадским поселенцем, который, будучи очень крупным и сильным мужчиной, отвечал объятием на объятие, пока удивленный медведь не отпустил его. Он забрался на несколько молодых плантаций, где творил много зла, и поселенец попытался его отпугнуть. Мой друг был в доме, когда джентльмен вернулся домой в изорванной в борьбе одежде и очень измученный столкновением; он упал в кресло и чуть не потерял сознание, но немного бренди привело его в чувство, хотя несколько дней он был болен из-за перенапряжения.

Молодой английский офицер, служивший в одинокой крепости в той же стране, развлекался тем, что приручал медведя вышеупомянутого вида. Он научил его приносить еду, следовать за ним, как собака, и терпеливо ждать своей доли во время еды. Вернувшись в Англию, он взял медведя с собой и стал большим любимцем пассажиров и корабельной команды. Бруин, однако, особенно привязался к маленькой девочке лет четырех, дочери одной из дам на борту, которая играла с ним, как с собакой. В одной из таких игр он схватил ее одной передней лапой, а другой вскарабкался и вцепился в такелаж, пока не поместил ее и себя на грот-мачте, где, невзирая на ее крики и агонию ее матери, попытался продолжить свою возню. Преследовать эту пару не следовало, опасаясь, что медведь уронит ребенка; и его хозяин, зная, как он любит сахар, велел разложить вокруг мачты несколько матрасов на случай, если ребенок упадет, а затем рассыпал некоторое количество сахара по палубе; он позвал Бруина и указал на него, который, после минутного колебания, спустился так же, как поднимался, и унес ребенка в целостности и сохранности. Разумеется, он был лишен свободы до конца своего путешествия.

Этот же канадский черный медведь, после того как он до смерти обнял своих противников, разрывает их на части задними лапами. Он будет отражать удары, как опытный боксер; ибо, поскольку бесполезно наносить удары по его густо покрытому телу, удары обычно наносятся в голову. Человек, который бессмысленно метнул топор в медведя-самца, когда тот проходил мимо, ранил его, после чего зверь бросился на него, человек упал навзничь на поваленное дерево и при этом оторвал заостренный кусок дерева, который он воткнул медведю в горло и таким образом убил его; однако не раньше, чем сам получил смертельную рану от задней лапы. Он вернулся домой, держась за кишечник, и умер через день или два после этого.^[2]

Старый охотник по имени Руэ, расставив свои капканы для ловли бобров, вернулся к ручью, чтобы убедиться в успехе; он пропустил один из них и, поискав его, увидел признаки того, что там проходил медведь. Продолжая идти, он услышал шум тяжелого тела, ломящегося сквозь кусты в чаще. Он спрятался за скалой и увидел огромного медведя, ковылявшего на трех лапах к плоскому куску скалы, на который он уселся, и, подняв одну из его передних лап, Руэ обнаружил, что он окружен потерянными капканами. Медведь поднес железную перчатку к лицу, осмотрел ее, повертел лапой круг за кругом, наклонил голову из стороны в сторону, искоса посмотрел на капкан с самым озадаченным видом, ощупал препятствие, постучал им по камню и, очевидно, не знал, что делать. Затем он почувствовал боль и лизнул ее; но Руэ вскоре положил конец всем его догадкам, застрелив его насмерть.^[3]

Из всех медведей гризли, как говорят, самый грозный как по размеру, так и по свирепости, и мистер Ракстон рассказывает следующий анекдот, в котором один из них является заметной фигурой: "Траппер по имени Гласс и его спутник расставляли капканы на бобров в ручье к северу от реки Платт, когда они увидели большого медведя гризли, который переворачивал

траву поблизости в поисках кореньев и свиных орехов. Двое мужчин подкрались к зарослям и выстрелили в него; они ранили, но не убили его; зверь застонал, вскочил на все четыре лапы и, фыркая от боли и ярости, бросился туда, откуда валил ружейный дым. Мужчины бросились сквозь чащу, где подлесок почти преграждал им путь; но вес и сила зверя несли его вперед так быстро, что вскоре он поравнялся с ними. В сотне ярдов от них находился крутой утес, а между ним и зарослями тянулась ровная равнина, поросшая травой; охотники перелетели через последнюю с предельной скоростью, медведь последовал за ними. Пройдя примерно половину пути, Гласс споткнулся о камень и упал. Он поднялся, и медведь встал перед ним на задние лапы. Гласс приказал своему напарнику стрелять, а сам разрядил содержимое своего пистолета в тело медведя. Разъяренное животное, у которого изо рта и носа текла кровь, одной лапой отбросило пистолет, а другой вонзило когти в плоть своего противника и покатилося вместе с ним по земле. Гласс сумел дотянуться до своего ножа и несколько раз вонзил его в медведя, в то время как тот зубами и когтями разрывал его плоть. Наконец, ослепленный кровью и изнеможением, охотник выронил нож из руки, и он потерял сознание. Его товарищ, который думал, что следующим придет его очередь, даже не подумал перезарядить ружье и побежал в лагерь, где отдыхали другие члены его отряда, чтобы рассказать о печальной судьбе своего товарища. Была послана помощь, и Гласс все еще дышал, но медведь лежал поперек него совершенно мертвый от трех пуль и двадцати ножевых ранений; плоть человека была разорвана в клочья, и куски ее валялись на земле; окровавленный скальп свисал с лица, которое тоже было разорвано. Мужчины забрали охотничью рубашку траппера, мокасины и оружие, стащили медведя с его тела и оставили его, заявив, когда вернулись к своей группе, что они завершили его погребение".

Хотя медведь больше не фигурирует в этой истории, мне должно быть позволено рассказать продолжение, как доказательство того, что человеческая природа может вынести без разрушений. Прошли месяцы, и некоторые из отряда вышеупомянутого лагеря направлялись в торговый порт со своими шкурами, когда увидели приближающегося к ним всадника с лицом, настолько изуродованным, что они не могли различить его черт.

Незнакомец обратился к одному из участников вечеринки, который был компаньоном Гласса, воскликнув глухим голосом: "Ура, Билл, мой мальчик, в тот раз ты думал, что я погиб, не так ли? но отдай мне мою лошадь и ружье, парень. Я еще не умер ". Изумление и ужас охватили собравшихся, многие из которых считали, что он не только мертв, но и похоронен. Однако теперь ошибки быть не могло, и когда они достаточно оправились от своего удивления, чтобы выслушать рассказ Гласса, он сказал им, что не знает, сколько времени пролежал, прежде чем пришел в себя; но когда он пришел в себя и смог принимать пищу, ему пришлось питаться мясом медведя. Когда у него появились силы ползти, он оторвал от земли столько, сколько мог унести в своем слабом состоянии, и пополз к реке; он страдал от холода, ран и голода, но добрался до форта, который находился на расстоянии восьмидесяти-девяноста миль, большую часть пути питаясь кореньями и ягодами, но там о нем позаботились и он выздоровел.

Бурый медведь очень похож на черного по размеру, повадкам и форме, и, как и он, живет в дуплах; однако иногда он роет для себя ямы и даже строит хижину, которые выстилает мхом. Оба достигают огромных размеров и веса. Все медведи чрезвычайно любят мед и сахар, и их часто ловят, когда они подходят слишком близко к человеку, чтобы раздобыть эти соблазнительные вещества. Канадские поселенцы, когда они делают кленовый сахар, ловят его, оставляя котел полным, в который они опускают лапы или голову, и они становятся легкой

добычей, когда их загромождает густая сахаристая масса, а иногда и котел вместе с ней. Внимание Бруина легко отвлечь, и многие спасались, бросив сверток или рюкзак, когда он их преследовал, потому что, пока он наклонялся, чтобы осмотреть его, они выигрывали время и расстояние. Для него естественно разыгрывать всевозможные шалости; и один индийский путешественник рассказывал нам, что во время одного из его путешествий несколько медведей держались перед его паланкином, кувыркась и играя, как будто хотели доставить ему развлечение. Скалолазание доставляет им большое удовольствие, и один из них был замечен взбирающимся на строительные леса для собственного удовольствия; сначала он продвигался осторожно, проверяя прочность всех балок, и наконец достиг вершины, высота которой составляла сто двадцать футов. Он выглядел очень довольным, когда завершил эту операцию, и рабочие отнеслись к нему с большой вежливостью. Они собирались опустить его в ведре, но на это он не согласился и спустился так же, как сел верхом, будучи настолько доволен своей доблестью, что повторил свой визит.

Норвежец настолько полностью приручил медведя, что привык стоять сзади саней своего хозяина, где он так хорошо сохранял равновесие, что его невозможно было опрокинуть: если сани кренились на одну сторону, медведь переносил свой вес в противоположном направлении и таким образом сохранял равновесие. Однако однажды его хозяин, занимаясь спортом, проехал по самому худшему участку, который только смог найти, надеясь сбросить медведя с себя. Это, однако, только разозлило его, и он выместил свое дурное настроение, сильно ударив своего хозяина по плечу.

Один соотечественник в России, когда искал мед, взобрался на очень высокое дерево, ствол которого был полым, и, обнаружив в нем большое количество сот, он спустился и крепко воткнулся в отложившееся там вязкое вещество. Он был так далеко от дома, что его голоса не было слышно, и он оставался в таком положении два дня, утоляя голод медом. Он начал отчаиваться, что когда-нибудь выберется, когда медведь, который, как и он сам, пришел сюда за медом, соскользнул в дупло, выставив вперед заднюю часть тела. Человек, несмотря на свою тревогу, схватил его, и медведь, тоже сильно напуганный, выбрался наружу так быстро, как только мог, таща человека за собой, и, освободившись от того, кто нес его за хвост, убежал так быстро, как только мог.

Самым забавным и искусным из всех медведей был знаменитый Мартин из Парижа, чьи танцы, лазанье, приседания, кувырки, попрошайничество и многие другие проделки приводили в восторг каждого ребенка в столице, а также многих взрослых детей. Это правда, что няньки подвергали опасности жизни своих подопечных, держа их за край ямы, в которой их держали; но поскольку никто из них не упал, они продолжали развлекать себя и своих нянек, подвергая их тому же риску. Однажды рано утром он очень ловко отодвинул засовы на двери своей ямы и вышел на задних лапах прогуляться. Смотрители сада еще не встали, но собаки были начеку и окружили Мартина, прыгая и лая, наполовину в шутку, наполовину всерьез. Это разбудило людей, которые, выбежав посмотреть, в чем дело, увидели медведя посреди собачьего стада, с высунутым изо рта языком и неопишущим выражением веселья на его морде. Никогда еще на лице бедного Мартина не было такого злобного хмурого выражения, которое так часто можно заметить у медведей из-за натягивания мигательной перепонки или наполовину надвинутого третьего века на глаз; и все же он стал непопулярен из-за алчности одного из часовых. Этому человеку показалось, что он увидел пятифранковую монету, лежащую в медвежьей яме, и он решил пойти туда ночью, когда будет дежурить, и добыть ее. Соответственно, он снабдил себя

лестницей, и когда сменился караул, его нашли бездыханным внизу, с вожаемым предметом в руке, который оказался не чем иным, как большой пуговицей. На его теле не было видно никаких следов насилия, но ушибы на голове, казалось, говорили о том, что он упал с лестницы, когда был почти наверху, и таким образом встретил свою смерть. Никто не мог сказать, испугался ли он, или у него закружилась голова, или Мартин раскачал лестницу; животное спокойно сидело рядом с ним, когда впервые стало известно о его судьбе. История со скоростью лесного пожара распространилась из одного конца Парижа в другой, и за короткое время население было полностью убеждено, что Мартин убил его; и это, в сочетании с другими преувеличениями, побудило их толпами стекаться посмотреть на медведя-убийцу.

Впоследствии в яме были найдены два шарика мышьяка, завернутые в какую-то сладкую субстанцию, к счастью, до того, как Мартин к ним прикоснулся; и власти заведения сочли благоразумным поместить его в логово зверинца. Передняя часть этих берлог закрывалась на ночь раздвижной ставней, которую опускали, вставляя крюк на конце длинного шеста в кольцо, которое при опущенной ставне служило для запираения на засов. Мартину это совсем не понравилось, и сторожу так и не удалось застегнуть замок, пока кто-нибудь другой не подошел с другой стороны, чтобы отвлечь внимание медведя; в тот момент, когда ставень опускался, Мартин вставлял когти и снова поднимал его, и эта практика продолжалась до тех пор, пока он существовал.

У малайского солнечного медведя (*Ursus Malayensis*) длинный язык, короткий гладкий мех, очень растяжимые, гибкие губы и большие когти. У сэра Стэмфорда Раффлса был ребенок, который рос в детской вместе со своими детьми, и когда он присоединялся к компании за столом, то ел только отборные фрукты и пил шампанское и даже был не в духе, когда ничего из последнего не было. Он был очень любящим и никогда не требовал, чтобы его заковывали в цепи или наказывали. Этот медведь, кошка, собака и лори из Новой Голландии привыкли дружно есть из одного блюда. Однако его любимым товарищем по играм была собака, хотя она постоянно дразнила его и беспокоила. Он стал очень сильным и вырывал растения и деревья с корнем, последние из которых были слишком велики, чтобы он мог их обнять.

Борнейский медведь (*Ursus Eurspilus*) - один из самых забавных и игривых из всех медведей; просит милостыню самым серьезным образом, и когда ему нужно съесть больше, чем он может удержать в лапах и пасти, кладет излишки на задние лапы, как бы для того, чтобы не запачкать их; и когда он раздосадован или раздражен, никогда не примирится, пока обидчик находится в поле его зрения. Он наносит большой вред какао-ореховым деревьям, откусывая верхние побеги или срывая плоды.

[1] Путешествие капитана Фиппса к Северному полюсу.

[2] Академия.

[3] Ракстон.

Наверх

Барсуки принадлежат к тому же подразделению плотоядных, что и медведи, но отличаются от них не только размерами, но и строением зубов. Это, хотя они и претендуют на своего рода миниатюрное родство, выделяет их в отдельный род. Они много дней посвящают тому, что называется спортом, тем, кто выбирает охоту на них, во время которой они проявляют большую сообразительность в своих попытках убежать; но я рад сообщить, что обычая привязывать их к пустой бочке и травить собаками больше не существует. Они по природе ленивы и тяжеловесны, но легко приручаются, а когда их разбудят, становятся свирепыми. У них есть железа под хвостом, которая выделяет жидкость с крайне неприятным запахом, из-за чего они вошли в своего рода пословицу. Они питаются главным образом кореньями, орехами и другими фруктами; нападают на гнезда ос или диких пчел и пожирают их личинок, их самих или их мед с совершенным безразличием к их жалам, которые не могут пробить их жесткую кожу. Они охотятся ночью и обитают в самых густых частях лесов или перелесков, где быстро роют глубокие норы с помощью своих острых и мощных когтей. Эти отверстия разделены на несколько камер, самая внутренняя из которых круглая и выстлана сеном или травой. Все они содержатся в предельной чистоте, и все остатки пищи и различные нечистоты откладываются в специально вырытых для их приема ямах. Проходы к жилищам часто поворачивают под острыми углами, и в этих местах барсуки устраивают засаду при нападении. Мистер Сент-Джон приказал выкопать барсучью нору и нашел там травяные шарики, скатанные до размера мужского кулака, очевидно, предназначенные в пищу. Этот джентльмен также говорит, что он часто находил луковицу обыкновенного голубого гиацинта, лежащую рядом с лункой. Они поедают, помимо всевозможных овощей, мелких животных, живых или мертвых, улиток и червей; но их особое лакомство состоит из яиц. Гнездо куропатки - это восхитительное угощение, особенно если в нем есть сидящая курица.

У барсуков своеобразно сформированная грудь и челюсть, которые придают им большую силу; их лоб такой толстый из-за выступающего посередине хребта, что они невредимы при ударе спереди, который убил бы быка; в то время как прикосновение к затылку может привести к их гибели. Их толстая кожа, которая свободно лежит на них, часто используется для изготовления пистолетных футляров, а их мех отлично подходит для кистей художника. Их трудно убить, и мало у кого из собак хватает смелости напасть на них в их норах, где они живут парами. Преследуемые таким образом, они постоянно препятствуют продвижению своих врагов, разбрасывая землю позади себя, чтобы засыпать проходы, в то время как сами убегают на поверхность. Это редкие животные, но их можно встретить в разных частях света. Китайцы едят их, несмотря на их неприятный запах. Прирученные, они проявляют большую привязанность, интересное доказательство чему приводит капитан Браун в своей популярной "Естественной истории", которую я переписываю. "Два человека (во Франции) отправились в путешествие и, проходя по долине, собака, которая была с ними, натравила барсука, на которого он напал и преследовал до тех пор, пока тот не укрылся в норе под деревом. С некоторым трудом его выследили и убили. Находясь в нескольких милях от деревни под названием Шапельтьер, они согласились притащить его туда, поскольку коммуна назначала вознаграждение за каждого уничтоженного; кроме того, они предложили продать кожу. Не имея веревки, они скрутили несколько веточек и по очереди потащили его по дороге. Они прошли недалеко, когда услышали крик животного, по-видимому, страдающего, и остановились, чтобы прислушаться, когда к ним медленно приблизился другой барсук. Сначала они забросали его камнями; несмотря на это, он приблизился, подошел к мертвому животному, начал лизать его и

продолжал свой жалобный крик. Мужчины, удивленные этим, воздержались от дальнейшего нанесения ему вреда и снова потащили мертвое животное за собой, как и раньше; когда живой барсук, решив не бросать своего товарища, лег на него, нежно взяв его за одно ухо, и таким образом был втянут в середину деревни; ни собаки, ни мальчишки или мужчины не могли заставить его покинуть свое место, и, к их стыду, у них хватило бесчеловечности убить бедное животное, а затем сжечь его, заявив, что это не может быть никто иной, как ведьма".

Упрофессора Белла был барсук, который ходил за ним по пятам, как собака, и которого совсем маленьким приручили дети какого-то крестьянина, с которыми он играл, как щенок. С возрастом он стал для них слишком грубым, но у мистера Белла был всеобщим любимцем. Он издавал своеобразный, резкий вопль, когда его исключали из присутствия хозяина. Его накормили во время обеда, и он взял кусочки самым аккуратным образом. Он был очень ласковым, добродушным и чистоплотным. Он умер от болезни, которая поражает многих плотоядных животных в неволе, — сужения нижнего отверстия желудка, которое препятствует прохождению пищи.

В этой интереснейшей книге, написанной мистером Сент-Джоном и называющейся "Дикие забавы высокогорья", автор довольно подробно рассказывает о барсуке. Я выбираю следующие отрывки из его страниц:—

Как раз в этот момент я был выведен из задумчивости каким-то хрюканьем рядом со мной и появлением маленького серого животного, которое переваливалось вразвалку и деловито рыскало по траве и камням на краю озера; вскоре еще одно и еще появлялось на небольшой травянистой поляне, спускавшейся к кромке воды, пока, наконец, я не увидел семерых из них, деловито трудившихся в нескольких ярдах от меня, и все шли с одного направления. Сначала мне показалось, что это свиньи какого-нибудь фермера, отправившиеся на дальнюю прогулку; но вскоре я увидел, что это барсуки, вышедшие из своих убежищ несколько раньше обычного, соблазненные тихим вечером и сильным летним ливнем, который только что закончился и принес бесконечное количество крупных черных улиток и червей, которыми барсуки с аппетитом питались. Поскольку я был одет в серое и сидел на сером камне, они не видели меня, но ходили вразвалку, иногда совсем близко от меня, только время от времени, когда они пересекали мой след, они проявляли легкое беспокойство, нюхали землю и тихонько ворчали. Вскоре очень крупная особь, которую я принял за мать остальных, некоторое время стояла неподвижно, прислушиваясь с большим вниманием, а затем издала громкое ворчание, которое, казалось, было прекрасно понято остальными; она поспешила прочь, за ней последовала вся компания. Вскоре ко мне присоединился мой сопровождающий, приближение которого они слышали задолго до того, как мой менее острый слух предупредил меня о его приближении.... Попадаясь в капканы, они [барсуки] никогда не оставляют позади себя часть своей лапы и поэтому убегают, как это часто делают лисы и другие паразиты; но они проявляют очень большую силу и ловкость, вытаскивая колышек капкана, и, сделав это, они уносят самый тяжелый капкан на удивительное расстояние, по камням или вереску. Они никогда не пытаются залезть в свою нору с капканом, подвешенным к их ноге, а обычно залегают в каком-нибудь зарослях дрека.

"Когда они впервые пойманы, их попытки сбежать демонстрируют удивительную силу и изобретательность, они роют и разрывают свою тюрьму с силой носорога. Однажды я нашел барсука, не сильно пострадавшего, в капкане. Привязав веревку к его задней ноге, я погнал его

домой перед собой, как человек гонит свинью, но с гораздо меньшими хлопотами, потому что он не делал попыток убежать, а спокойно трусил впереди, лишь изредка проявляя естественную склонность сбиваться с главного пути всякий раз, когда проезжал какую-нибудь расходящуюся дорогу, все из которых, вероятно, были знакомыми местами обитания несчастного животного. Дома я вывел его на мощный двор, откуда, как мне казалось, он никак не мог сбежать. Однако на следующее утро он исчез, сдвинув камень, который, по моему мнению, он был совершенно неспособен сдвинуть, а затем подкопавшись под стену.... Иногда я знавал барсука, покидающего уединение леса и забирающегося в какую-нибудь канаву на возделанной земле, где он становится очень смелым и наносит ущерб посевам, вырубая пшеницу и опустошая сады самым удивительным образом. Один из них, который, как я знаю, сейчас живет таким образом, добывает большую часть своей пищи весной на лежбище, под которым он охотится по ночам, питаясь молодыми грачами, выпавшими из своих гнезд, или старыми, которых подстрелили. Этот барсук уклоняется от любых попыток заманить его в ловушку. Неоднократно подвергаясь подобному риску, он стал настолько хитрым, что никто не может его поймать. Если расставить дюжину ловушек с наживкой, ему удастся унести приманки и захлопнуть каждую ловушку, всегда совершенно безнаказанно для себя. Одно время за ним следили на некотором расстоянии от водостока, а затем вокруг него со всех сторон были расставлены ловушки, но, перепрыгивая через одни и перекатываясь по другим, он избежал всех. На самом деле, несмотря на презрение и жестокое обращение с животным, когда оно однажды приобретает определенный опыт в мирских делах, немногие звери проявляют больше такта и хитрости, чтобы выпутываться из передраг. Хотя его едят во Франции, Германии и других странах и говорят, что из него получается превосходная ветчина, мы в Британии презираем его как пищу, хотя я не вижу причин, почему бы ему не быть таким же вкусным, как любая свинина.

"Барсук становится очень толстым. Хотя он и не очень любит есть, его спокойные привычки и то, что он отлично спит, не позволяют ему быть худым". Этот человек спит днем, поскольку его привычки, как правило, ночные.

Всех барсуков можно узнать по широкой черной полосе поперек их щек. У обитателей Индии ноги длиннее, чем у европейцев; их морда также удлинена, как у свиньи; а хвост напоминает хвост последнего животного. Они очень медлительны в своих движениях, а когда их оскорбляют, издают своеобразный хрюкающий звук и встают дыбом на спине. Будучи еще более возбужденными, они встают на задние лапы, как медведи, обладают большой силой в передних лапах и становятся чрезвычайно свирепыми, когда их провоцируют.

ЛАСКИ.

Наверх

Второе племя хищных животных ходит на цыпочках и, следовательно, называется Digitigrada; оно состоит главным образом из ряда более мелких животных, которые очень интересны многими своими привычками, очень ценны из-за ценного меха, который они дают, и во многих случаях настолько разрушительны, что их называют паразитами. Многочисленный род носит название Червеобразных, потому что их тела длинные, а ноги короткие, что позволяет им проскальзывать через небольшие отверстия подобно червям, извиваясь по извилистым ходам, при этом их тела касаются земли. Они уничтожают много дичи и, за исключением случаев,

когда их обучают убивать крыс и кроликов, являются объектами преследования и неприязни. Среди них ласки, хорьки, куницы, скунсы и другие. К куницам относятся горностаи и соболь, и первые три издают неприятный запах. Однако их нельзя сравнивать в этом отношении со скунсом, который из всех существ является одним из самых неприятных из-за своей зловонной железы, выделяющей зловонную жидкость, выделяемую, когда животное напугано или раздражено. Ничто не уничтожит этот запах, никакой другой аромат не заглушит его; никакое закапывание в землю, никакая стирка не помогут; даже время не лечит, и предмет одежды, пролежавший годы, все равно не поддается носке.

В этой работе я ограничусь ласками и выдрами, поскольку об их интеллектуальных способностях нам известно больше всего. Первый - очень смелый зверь, не боящийся нападать на животных намного крупнее себя — даже на человека. Работающий крестьянин в Гленкэрне, графство Дамфришир, подвергся нападению шестерых из них, которые набросились на него, когда он работал в поле. Испугавшись такого яростного натиска, он убежал, но они преследовали его, хотя он нанес несколько ударов большим хлыстом сзади. Он был на грани того, чтобы быть схваченным за горло, когда, к счастью, заметил упавшую ветку дерева. Он схватил его и, оказав сопротивление своим врагам, убил троих, а остальных обратил в бегство. Другой случай, о котором сообщает капитан Браун в своей популярной "Естественной истории", когда драка началась с того, что человек ударил хорька, который громко запищал. Это разбудило целую колонию, состоящую из пятнадцати человек, которые налетели на него и сильно укусили. Какой-то джентльмен пришел ему на помощь, и с его помощью несколько нападавших были убиты, остальные скрылись в трещинах соседней скалы.

Известны случаи, когда ласки были приручены; но очень трудно произвести какое-либо впечатление на их привязанности, хотя они очень проницательны, а на проницательных животных легче воздействовать, чем на других. Ласку и горностая так часто принимают друг за друга, что было бы излишним указать на постоянную разницу в каждом из них. Горностай сверху коричневый, снизу грязно-белый; его хвост длиннее и пушистее, чем у ласки, и всегда черный на кончике. Ласка сверху красная, а снизу чисто белая, а хвост красный и однородный, лишенный пушистого кончика. Мистер Белл, со страниц которого я взял этих персонажей, защищает ласк от обвинений в поедании домашней птицы, дичи, зайцев, кроликов и различных мелких птиц. Он говорит, что, движимые голодом, они могут иногда есть таких существ; но что их основная пища состоит из мышей и крыс всех видов, полевых и водяных полевок и кротов; и что их следует скорее поощрять, чем истреблять, потому что они уничтожают так много паразитов. Обычно они приближаются с предельной осторожностью и застенчивостью, и, однажды схватив свою добычу, никогда не отпускают ее; они целятся в шею, ниже уха или вонзают зубы в затылок; они охотятся, прыгают и лазают по деревьям с величайшей легкостью и, кажется, никогда не устают охотиться, голодны они или нет. Мистер Сент-Джон видел одну из них на скошенном поле, по которому летали несколько кукурузных овсянок или садились на чертополох. Животное исчезло у подножия этого чертополоха, и вышеупомянутый джентльмен подумал, что оно забилося в нору, но, почувствовав по его поведению, что он замышляет какую-то пакость, он остался наблюдать за его передвижениями. Как только одна из птиц села на чертополох, что-то вспорхнуло с быстротой молнии и затем исчезло вместе с птицей; это была ласка, которая таким образом успешно спряталась. Тот же джентльмен загнал в дупло дерева ласку, которая что-то несла во рту. Он окутал дымом дырочку, и она снова появилась, неся ту же ношу. Она побежала к каменной стене, но была встречена терьером, который убил ее, поймав с большей легкостью из-за ее упорства уносить то, что мистер Сент-Джон все еще считал ее

добычей. Однако, подняв его, он обнаружил, что это был молодой хорек, неспособный бегать, которого его мать пыталась отнести в безопасное место, поскольку ее бывшая нора на соседнем поле была перепахана. Еще одно доказательство привязанности ласки к своим детенышам было засвидетельствовано работником, который, стоя на тропинке рядом с живой изгородью, заметил ласку с одним из ее детенышей во рту. Он пнул ее ногой, и она, уронив ее, отступила к живой изгороди. Затем он встал над детенышем с палкой в руке, не намереваясь убивать его, а просто посмотреть, как поступит его мать. Вскоре она выглянула из своего укрытия и сделала несколько финтов, чтобы добраться до своего подопечного, но была вынуждена снова врезаться в изгородь, напуганная палкой, которой размахивал мужчина. Наконец она собрала всю свою решимость и, несмотря ни на что, после долгих увиливаний от палки, сумела завладеть предметом своих забот и протащила его между ног своего мучителя.

Ласки иногда становятся добычей ястребов; и я переписываю следующий отчет со страниц мистера Белла. "Когда джентльмен по имени Пиндер проезжал верхом по своим владениям, он увидел, как на небольшом расстоянии от него воздушный змей набросился на какой-то предмет на земле и поднялся с ним в когтях. Однако через несколько мгновений змей начал проявлять признаки сильного беспокойства, быстро поднимаясь в воздух или так же быстро падая и неровно вращаясь, в то время как он, очевидно, пытался освободить от себя ногами какую-то неприятную штуку. После короткой, но острой схватки воздушный змей внезапно упал на землю недалеко от мистера Пиндера. Он немедленно подъехал к тому месту, когда ласка убежала от воздушного змея, по-видимому, невредимая, оставив птицу мертвой, с проеденной дырой в коже под крылом и разорванными крупными кровеносными сосудами".

Гнездо, устроенное ласками, в котором они выводят четырех-пять детенышей два или три раза в год, делается из сухих листьев и травы, помещается в яму, на берегу, в сухой канаве или в дупле дерева, и если к нему приближается собака, мать набрасывается на нее и с большой цепкостью вцепляется в губы.

ВЫДРЫ.

Наверх

Среди червообразных, оцифрованных животных нашему вниманию представляется преследуемая выдра. Их широкие перепончатые лапы свидетельствуют о том, что они часто бывают в воде, и на самом деле они водятся не только в реках и озерах большинства европейских стран, но и в море. Их удлиненное тело приплюснуто горизонтально, хвост широкий и плоский и образует отличный руль для ориентирования в воде. Их короткие лапы настолько слабо соединены, что их можно поворачивать в любом направлении во время плавания, а мех у них мягкий, тонкий и плотно прилегающий снизу, в то время как снаружи более длинный и грубый набор жестких блестящих волосков. Их зубы очень заостренные и хорошо приспособлены для удержания скользкой добычи; их уши очень маленькие и расположены близко к голове, и у них есть мигательная перепонка, или третье веко, для защиты их ярких глаз. Их движения в воде особенно изящны, они плавают горизонтально и быстро ныряют за своими жертвами, которых съедают на берегу. Говорят, что они соберут большое количество форели в косяк и будут гнать их до тех пор, пока в своем страхе и тревоге многие рыбы не выбросятся на сушу. Они обладают способностью очень долго оставаться под водой,

на значительной глубине, и свирепой манерой, с которой они отпугивают собак, часто серьезно раня их своими острыми укусами; и тревожное наблюдение за их появлением из воды, когда они отступают, - все это является самым захватывающим видом спорта, так что мы слышим об охоте на выдр как источнике острого удовольствия; и есть записи об охоте, в ходе которой за один день было убито девять выдр.

Выдры, несомненно, потребляют огромное количество рыбы, и владельцы лососевых или форелевых ручьев питают к ним большую злобу. Однако их вполне возможно приручить так, чтобы заставить приносить рыбу, которую они поймают. Этой практике гораздо больше следуют в других странах, чем в Англии; в Швеции их специально держат для этого, и по сигналу повара они пойдут за рыбой на ужин. Епископ Хибер упоминает, что он видел нескольких больших и очень красивых выдр, привязанных к бамбуковым кольям на берегу реки Матта-Колли, некоторые из которых, казалось, играли и издавали пронзительный свистящий звук. Они носили соломенные ошейники и были очень ручными и послушными. Их следует ловить совсем молодыми и кормить мелкой рыбой, затем поочередно давать им хлеб и молоко; пока, наконец, они полностью не перейдут на эту пищу. Их учат ловить и переносить искусственных рыбок, сделанных из кожи и набитых шерстью. Затем их заставляют приносить дохлых рыб, и если они пытаются разорвать их, их сурово наказывают. Обученная таким образом, выдра со временем становится полезной и одомашненной.

В их естественном состоянии выдры забредают на значительные расстояния в поисках своей добычи; мистер Сент-Джон говорит: "Меня довольно позабавила пожилая женщина, живущая в Слуи на Финдхорне, которая, жалуясь на суровые нынешние времена, когда "простой человек не может достать ни капли контрабандного виски или подстрелить косулю так, чтобы это не обнаружил охотник его светлости", добавила к своему списку жалоб, что даже выдры почти все превратились в "настоящих зверей". "Ну, но что хорошего могли бы сделать выдры а ты знаешь? Я спросил ее. "Хорошо, ваша честь? едва наступило утро, как они оставили bonny grilse (молодого лосося) вон там, на откосе, и веннисон был ничуть не хуже того, что съели сами местные звери ", - местные жители (Морейшир) называют любое съедобное животное, рыбу, мясо или птицу олениной, или, как они это произносят, веннисоном. Например, они говорят вам, что бекасы по-венски вкусные, или что форель зимой по-венски невкусная.

"Кажется, что несколько лет назад, до того, как выдры были так сильно истреблены, люди в определенных частях реки никогда не испытывали недостатка в лососе, поскольку выдры всегда вытаскивали его на берег, обычно к одному и тому же берегу или скале, и в периоды изобилия они съедали только небольшой кусочек из лопатки, оставляя остальное нетронутым, и дачники, зная об этом, каждое утро искали остатки".

"Выдры, - продолжает мистер Сент-Джон, - очень ласковые животные; детеныши с тревогой ищут свою мать, опасаясь, что ее убьют; и если детеныши ранены, родительница вертится рядом с ними, пока ее саму не уничтожат. Если один из пары будет убит, тот, что останется, будет охотиться за своим партнером с неутомимым упорством; а если один из них попадет в ловушку, его товарищ будет бегать вокруг, пытаясь освободить его, и в этих случаях, хотя в другое время они такие тихие, они фыркают и отдуваются, как лошади".

Собака, принадлежащая вышеупомянутому джентльмену, бежала и плескалась по мелководью и вдруг остановилась, иногда поскуливая, как будто попала в капкан, а затем яростно кусая что-то в воде. Хозяин позвал его, но так как он не подчинился, хозяин пошел к нему вброд и нашел

большую выдру, вцепившуюся своими мощными челюстями в плечо собаки; и если бы у нее не было хорошего покрова из курчавой шерсти, у нее был бы шанс сломать ногу, настолько сильным был укус.

Жители Шотландии верят, что у выдр есть король, или вожак, который крупнее других и покрыт белыми пятнами. Они также верят, что когда этих животных убивают, человек или другое животное животного происхождения внезапно умирает в тот же момент; что их кожа обладает противоядием от инфекции, предохраняет солдат от ран и спасает моряков от катастроф на море. Темнота, в которой обитают выдры, их водные обиталища, их маслянистые, бесшумные движения и темный мех придают им таинственности в глазах крестьян во многих частях Англии.

Об эмиграции выдр свидетельствует следующий факт: "Рабочий, идущий на свою работу вскоре после пяти часов утра, увидел несколько животных, приближавшихся к нему, и спокойно стоял у изгороди, пока они не поравнялись с ним. Затем он заметил четырех старых выдр, вероятно, дамб, и около двадцати молодых. Он вытащил палку из живой изгороди и убил одну. Как только она начала скрипеть, все четверо старичков повернули назад и стояли, пока другие детеныши не скрылись за изгородью, а затем тихо ушли сами. Таким образом, несколько семей путешествовали вместе, и, вероятно, они покинули свое прежнее жилище из-за того, что не нашли достаточного количества еды".

Прекрасная выдра из музея Зоологических садов родом из Ирландии, и некоторые считают ее отдельным видом. В основном он обитает на побережье Антрима, в пещерах, образованных базальтовыми колоннами этого берега, и, поскольку он охотится на лосося, за его уничтожение предлагается вознаграждение.

Мясо всех выдр чрезвычайно вонючее и имеет рыбный привкус; и поскольку его нельзя назвать мясом, его часто разрешают есть в скудные дни, установленные Римской церковью.

Капитан Браун в своей популярной книге "Естественная история" рассказывает нам о человеке, который держал ручную выдру со своими собаками, которые следовали за ним вместе с ними. Он охотился с ними на рыбу, и они никогда не стали бы охотиться ни на какую другую выдру, пока он был с ними.

В Нортумберленде жила ручная выдра, которая также следовала за своим хозяином, куда бы он ни пошел. Он сам добывал себе пищу и возвращался домой, насытившись. Однажды он отказался прийти на обычный вызов, когда его не было дома, и пропал на несколько дней. Наконец, вернувшись на то же место, он с великой радостью приполз к ногам своего хозяина, который все еще искал свою любимицу.

СОБАКИ.

Наверх

Барон Кювье говорит, что самым полезным завоеванием, достигнутым человеком, является приручение собаки — завоевание, совершенное так давно, что в настоящее время невозможно с какой-либо уверенностью проследить происхождение этих животных до их первоначального типа. Самые умные из натуралистов предполагали, что они произошли от волков, от шакалов

или от смеси того и другого; в то время как другие, столь же умные, утверждали, что они произошли от разных видов собак. Последние утверждают, что динго Австралии, буанзас Непала или долы Индии, агуары Южной Америки и несколько других рас являются первородными; и хотя они, возможно, и не произвели собак, которые сопровождают человека, они доказывают, что мы можем приписать последних предшественникам того же вида, не прибегая к другим животным, на которых они более или менее похожи. С другой стороны, опять же, некоторые из наших первых людей придерживаются мнения, что в настоящее время нет настоящих собак, но что все стаи, называемые дикими, - это те, которые вырвались из состояния домашней жизни. Здесь не место рассматривать достоинства различных доказательств, приведенных в пользу каждого аргумента; и я спешу кратко отметить некоторые из тех, которые существуют независимо от помощи человека.

Все собаки, дикие или ручные, ходят на носках твердой, эластичной походкой, и их пальцы не втягиваются. Другие их внешние признаки настолько разнообразны, что невозможно дать общее представление об их цвете или форме; самый крупный из известных (сулиот, принадлежавший неаполитанскому королю) достигал четырех футов в плечах; наименьший, вероятно, дал бы рост в столько же дюймов. Все дикие виды тощие, у них длинные и тонкие морды, раскосые глаза, а их сила и жизнестойкость почти изумительны.

Динго, или австралийская собака, бродит стаями по этой обширной стране; у него широкая голова, свирепые, раскосые глаза, острая морда; короткие, заостренные, стоячие уши; хвост пушистый и никогда не поднимается выше горизонтального положения. Он не лает, но страшно воет; чрезвычайно пронзителен и обладает замечательной способностью переносить боль. Когда его избили так жестоко, что приняли за мертвого, было видно, как он встал и убежал. Мужчина снял с одного из них шкуру, не сомневаясь, что жизнь вымерла, и, немного повозившись с операцией, вышел из хижины, чтобы наточить свой нож. Когда он вернулся, бедное животное сидело, и отвисшая кожа свисала с одной стороны его морды.

Динго беспокоят скот поселенцев и даже откусывают от него куски, когда тот лежит на земле; они часто отгрызают баранью ногу. Домашние собаки будут охотиться и убивать их; но впоследствии проявляют признаки сильного отвращения, всегда, если могут, погружаясь в воду, как бы для того, чтобы избавиться от загрязнения, вызванного таким контактом. Щенок, отнятый у матери в шестинедельном возрасте, был частично приручен; но сначала он забивался во все самые темные углы, какие только мог найти, смотрел на каждого с отвращением, а когда оставался один, не переставая выть, особенно если светила луна. Он постепенно примирился с теми, кто его кормил, но ни с кем другим. Он никогда не предупреждал о приближении незнакомцев, и никогда не предпринимал открытого нападения. Примечательно, что эти собаки не водятся на соседнем острове Земля Ван Димена.

Дикие собаки Индии известны под кличками Буанса, доле и Кольсун, встречаются в Непале, у нилгири, короманделей, декканов и др. И носят различные названия в зависимости от местности. Они охотятся днем и ночью, обладают острым запахом, своеобразным лаем, мало чем отличающимся от лая гончей, и имеют песочный или красный цвет. У них длинная голова; у них злобный вид, раскосые глаза; длинные, стоячие уши; мощные конечности, пушистый хвост, мех меняется в зависимости от климата, и все животные их боятся. Они убивают тигров и гепардов, а на их пути встречаются останки свиней и оленей. Попытка приручить одну из них увенчалась успехом, и она оказалась такой же ласковой и умной, как многие другие собаки.

На Яве водится крупная дикая собака, а в Белуджистане можно встретить целые стаи, которые с легкостью загоняют буйволов; их следы похожи на следы гончих; говорят, что еще дальше на запад обитает гораздо более крупный вид.

Сирийский шиб, или Шиб, дикий и, вероятно, является собакой-волком из Натолии. Нубийский диб, по-видимому, тоже примитивный вид, но не похожий на стаи диких собак, которые населяют Конго, Южную Африку и т.д. И живут в укрытиях и норах.

Охотники Южной Африки рассказывают нам, что они убивают самых сильных антилоп; они очень губительны для овец и калечат больше, чем съедают. Они чрезвычайно быстры и издают резкий лай, или щебечущий крик, который созывает стаю вместе, и очень мягкий и мелодичный. Ненависть между ними и ручными собаками непобедима, и по своему внешнему виду они выглядят как связующее звено между волком и гиеной.

Большая группа собак включает в себя всех местных клыков Южной Америки под названием Агуарас и напоминает лисиц. Они молчаливы, если не сказать немые, и, кажется, собираются в семьи, а не стаи. У них есть особая склонность воровать и секретничать без какой-либо видимой цели для этого.

Полковник Гамильтон Смит, способный писатель о собаках, не признает некоторые из этих диких рас, но считает их тем, что он называет одичавшими, или домашними собаками, которые вернули себе свободу и на протяжении многих поколений существовали за счет собственного интеллекта. К ним он относит натолийцев и агуарас; но не может быть никаких сомнений относительно дикой природы собаки Сан-Доминго, которая происходит от гончих, натасканных испанцами охотиться на людей, и которые, как предполагается, вновь обрели свободу в лесах Гаити. Именно об этих собаках рассказывают истории о беглых неграх, и их обучали с помощью сырой пищи, помещенной в чучела человеческих существ. Это очень красивые существа, несущие головы с видом сознательного превосходства. Они быстро идут по следу и в полной тишине; однако они всегда хватают своих жертв.

Противоположностью дикой собаке Сан-Доминго является мексиканский алко с его маленькой головой, короткой шеей и очень толстым телом. Обитатели Пампасов, принявшие облик всех собак, привезенных из Европы, теперь превратились в то, что можно назвать дворняжками. Они очень смелы, очень проникательны, не враждебны к людям, но разрушительны для молодых животных в стадах. Они живут в норах, и если их вернуть к домашней жизни, они ценны своей храбростью и высокоразвитыми чувствами.

В разных городах существуют стада собак, у которых нет хозяев; они стаями кишат на улицах и одновременно являются падальщиками, очистителями и величайшими неприятностями. В прекрасном Лиссабоне, поднимающемся от Тежу, с его величественными башнями, садами, церквями, глубоким синим небом и величественным акведуком, подводящим жизненный напиток к изысканным фонтанам, этих животных предостаточно; их присутствие легко объяснить тем, что владельцы привозят и оставляют их там во время сбора урожая. Они съедают так много созревшего винограда, что его прогоняют в целях самообороны. Горе тому, кто бросает вызов один из них; он обязан бегать тяжело, или же держать их в страхе, по угрожать или бросать в них камни, и пугаться назад; к счастью, он может сделать это по узким улочкам этого города, он проиграл бы, если бы окружен ими. Днем они прячутся в развалинах, которых так много в Лиссабоне.

Одних и тех же собак по повадкам можно встретить в городах России, Турции и Египта, но они отличаются размером и внешним видом. Жители Турции особенно дерзки, и во всех городах, где нет систематической чистоты, они, несомненно, приносят бесконечную пользу; хотя я читал в брошюре, написанной французским ученым, что жители Египта являются одним из средств продолжения эпидемии, поскольку они вскрывают небрежно захороненные тела и тащат куски плоти и одежду в дома живых.

В некоторых странах Гвинеи собак разводят для употребления в пищу и рассаживают кружками на рынках для продажи. Я не знаю, к какой расе они принадлежат; они не используются ни для каких других целей, они маленькие, чрезвычайно уродливые и по-разному помечены коричневыми, красными или черными пятнами. Страсть к собачьему мясу в этих странах очень сильна, и ни один европеец не сможет содержать животное такого вида много недель. Офицер прибыл в Кейп-Кост-Касл, когда я был там, в сопровождении троих, не представляя себе, какое искушение они могут вызвать у туземцев. Один исчез во время высадки, а двое других исчезли раньше, чем прошло три недели. Мой дядя полагал, что его звание обеспечит ему фаворита, присланного к нему из Европы. Однажды утром он принял депутацию от короля родного города с просьбой о беседе, или совещании. Это было удовлетворено, и его черное величество официально предложил цезарю стать жарким на грандиозном пиру, который он собирался устроить. Мой дядя с негодованием отказался; король увеличил предложенную сумму, пока она не достигла чего-то значительного, и тогда англичанин, не в силах совладать с собой, вышел из комнаты и прислал обычное угощение с запиской, означавшей, что беседа окончена. Хотя были приняты все меры предосторожности, чтобы спасти животное, в ту же ночь его украли, и оно порадовало вкусы африканских гурманов.

Теперь я перехожу к тому, что полковник Смит называет "Фамильярными собаками", где мы обнаруживаем уровень интеллекта, который запрещает нам говорить, что они не рассуждают, и где самопожертвование, верность, мужество и привязанность во многих случаях поднимают их намного выше более одаренных созданий. Было бы целесообразно следовать ряду известных работ по их лечению, и я выбрал работу полковника Гамильтона Смита как из-за ее объема, так и из-за ее способностей. Он начинает с тех, которые расположены ближе всего к Полярному кругу в обоих полушариях и которые образуют группу крупных собак волчьего типа с заостренными носами, заостренными ушами и, вообще говоря, длинной, белой и черной шерстью. Они свирепые, широкоплечие и часто с перепончатыми ногами; они хорошо плавают, охотятся вместе или в одиночку, а когда хозяева выгоняют их, чтобы самим добыть пропитание, часто ловят рыбу с большой ловкостью. Когда они ссорятся, они постоянно уничтожают друг друга, потому что никогда не сдадутся, пока живы. Среди них есть сибирские собаки, замечательные инстинктом, с которым они возвращаются к своим хозяевам после нескольких недель отсутствия и самостоятельного существования, чтобы тащить их сани. Это тем более любопытно, что тогда их всегда очень плохо кормят и с ними плохо обращаются. Они издают вопли, когда их вот-вот запрягут, но, выстроившись в шеренгу, двигаются бесшумно и быстро, иногда, однако, пытаясь сбить с толку своих погонщиков.

Хвост у эскимосов пушистый и сильно завивается по спине, покрытой длинной развевающейся шерстью. Они очень терпеливы и верны, быстры в походке, искусны и отважны на охоте, переносят ношу и очень добродушны. Они очень привязаны к своим хозяевам; и один из них, которого держали взаперти в Эдинбурге, будучи выпущенным на свободу, вошел в кухонную дверь, прошел через дом своего хозяина и, запрыгнув к нему на кровать, всячески

демонстрировал привязанность. В другой раз, когда его хозяин прогуливался по Принсес-стрит-Гарденс, его нога поскользнулась, и он упал, после чего собака попыталась поднять его за шерсть. Он был очень хитер и, когда ел, разбрасывал вокруг себя мясо, чтобы приманить домашнюю птицу и крыс. Затем он лег и притворился спящим; однако, как только они подошли, он набросился на них и убил.

Пара эскимосов жила в зверинце Ботанического сада, где они были большими любимцами; но было чрезвычайно больно видеть, как бедные создания задыхались от жары и почти не могли двигаться в жаркую погоду, чувствуя себя счастливыми только тогда, когда на них лили холодную воду. Любовь эскимосских собак к маслу никогда не прекращается, и они не любят пить воду, если только она не имеет вкуса этого вещества. Говорят, что двое из них час за часом стояли перед мастерской свечника, очевидно, с большим удовольствием вдыхая пары растопленного жира. Их запах особенно нежен, что делает их незаменимыми при охоте на вожжового оленя. Не менее полезны они, благодаря своей решительности и свирепости, и при нападении на медведя, само название которого, произнесенное у них на слуху, возбуждает их пыл. Даже в санях они бросаются за своей добычей, сбиваясь с пути, увлекая своего хозяина в погоню.

Чтобы проверить силу эскимосских собак, было проведено несколько экспериментов, в том числе капитаном Лайоном, который обнаружил, что трое из них могут протащить его на санях весом в сто фунтов со скоростью миля за шесть минут. При больших нагрузках их часто вынуждает напрягаться женщина, идущая перед ними с варежкой в руке. Привыкнув получать от нее пищу, они верят, что таким образом она предлагает им мясо. Они особенно послушны и привязаны к женщинам, потому что именно от них они получают единственную доброту, оказанную им, и одно слово женщины побуждает их к действию, в то время как удары и угрозы мужчин только делают их упрямыми.

Собака индейцев хэйр, или Маккензи Ривер, была впервые описана доктором Ричардсоном и имеет меньшие размеры, чем эскимосская порода, но с широкими лапами, которые не позволяют ей проваливаться в снег. Один из них, всего семи месяцев от роду, пробежал рядом с санями этого джентльмена девятьсот миль, часто держа в зубах одну из рукавиц своего хозяина; все они очень смирные и, как собаки эскимосов, не лают.

Большие, мощные и красивые собаки, которых называют ньюфаундлендами, не являются чистокровной породой этой страны. Последние более стройные по телосложению, имеют более острую морду, более дикий вид и обычно черного цвета, с ржавым пятном над каждым глазом и рыжевато-коричневой мордой. Их называют лабрадорами, и предполагается, что они и эскимосы внесли свой вклад в формирование общепринятой породы. Однако то, что последние потеряли в чистоте крови, было приобретено в плане красоты, и нет животного такого размера, которое выражало бы более высокое представление об интеллекте и достоинстве, чем так называемая ньюфаундлендская собака. Все они полупальчиковые, ныряют, плавают и дольше остаются в воде, чем кто-либо другой из их племени. Один был подобран в Бискайском заливе, вне поля зрения любого другого судна, усталый и голодный, и, судя по обстоятельствам, пролежал там, должно быть, много часов. Их верность, их мужество, их великодушие вошли в поговорку, и все же ходят слухи, что иногда они капризничают, и им нельзя доверять. За долгие годы общения с этими животными я ни разу не встречался с подобным случаем; и мне сказали, что это более вероятно, когда они содержатся в неволе.

Благородное создание смешанной породы обычного черно—белого окраса принадлежало мне, а его чрезвычайное добродушие и стремление беречь все, что принадлежит семье, делали его похожим на доверенного слугу. Великий дефекты в его распоряжения были беззаботными, и при оценке его собственной власти, он не переставал думать прежде, чем он поступил, как многие, более осторожные собаки будут делать, и он забыл, что его вес был так велик, как испортить и сокрушить все, что он возложил на себя. Например, однажды ему показалось, что он увидел на улице кого-то знакомого, и он немедленно влетел в окно, разбив не только стекло, но и раму. Как только он это сделал, он почувствовал, что был неправ, и, вернувшись через разбитое окно, которое было открыто для него, он опустил голову и без приглашения прошел в нишу в комнате, покрытую циновками, куда его всегда прогоняли, когда он шалил, и сел сам. Прозвенел звонок, призывая горничную прийти и убрать разбитое стекло, и когда женщина улыбнулась, проходя мимо Лайона, я повернул к нему голову. Там он сидел, держа во рту пару моих тапочек, случайно оставленных в комнате, как будто думал, что они принесут ему прощение. Моя серьезность была нарушена, и Лайон, видя это, смиренно подошел ко мне и положил подбородок мне на колени. Затем я прочитал ему лекцию о проказе, которую он совершил; и он так прекрасно понял, что долгое время, когда кто-нибудь указывал на окно, он опускал голову и хвост и выглядел пристыженным. Во время моего отсутствия он постоянно собирал принадлежавшие мне вещи и спал на них. Однажды, возвращаясь из церкви, он встретил меня на лестнице, волоча за рукав новое шелковое платье, которое, должно быть, сам умудрился снять с крючка в шкафу.

Следует признать, что, каким бы умным ни был мой Лев, профессор Оуэн был знаком со Львом, который превзошел его. Этот джентльмен прогуливался со своим другом, хозяином собаки, по берегу реки, недалеко от ее устья, на побережье Корнуолла, и подобрал небольшой пучок морских водорослей. Оно было покрыто мельчайшими животными, и мистер Оуэн заметил своему спутнику, бросая водоросль в воду: "Если бы этот маленький кусочек представлял собой столько соковок, каким микроскопически богатым было бы все растение; я бы очень хотел иметь такое!" Джентльмен пошел дальше, но, услышав плеск воды, обернулся и увидел, что она сильно взволнована. "Это Лев!" - воскликнули оба. "Что это может быть? Минуту назад он достаточно тихо шел рядом с нами". В какой-то момент они увидели его хвост над водой, затем он поднял голову, чтобы глотнуть воздуха, затем окружающая стихия снова содрогнулась, и, наконец, он выбрался на берег, тяжело дыша от натуги, и положил к ногам мистера Оуэна целое растение точно такого же сорняка. После такого доказательства сообразительности неудивительно, что, когда Лайон радостно ожидал сопровождать своего хозяина и его гостью на экскурсию, ему было велено пойти и позаботиться о миссис Лайон и утешить ее. Оуэну, который был болен, велела немедленно вернуться в гостиную и лечь рядом с ней, которую он никогда не покидал в отсутствие своей хозяйки; только выражение его лица выдавало разочарование, да и то всего на несколько минут.

Зарегистрировано много случаев, когда ньюфаундлендские собаки спасали жизни тех, кто падал в воду, и среди них был мой отец; когда он однажды пропал, его следы были найдены в глубоком пруду в саду его матери. Был вызван его друг Триал; собаке показали кое-что из одежды его молодого хозяина, указали на пруд, и Триал бросился туда, вскоре вытащив тело. Он наблюдал за всеми усилиями, предпринимаемыми для восстановления жизнедеятельности, и, наконец, помог работе, разрешив, когда высохнет, забраться в постель и теплом своего тела обеспечить теплом и кровообращением полумертвеющего ребенка.

Приводится очень интересный анекдот о человеке, который путешествовал по Голландии в сопровождении большой собаки ньюфаундленда. Прогуливаясь однажды вечером по высокому берегу канала, он поскользнулся; он упал в воду и, не умея плавать, вскоре потерял сознание. Когда к нему вернулась память, он обнаружил себя в коттедже на противоположной стороне канала, окруженным крестьянами, которые использовали все средства, чтобы вернуть его к жизни. Ему рассказали, что один из них, возвращаясь домой со своей работы, увидел на значительном расстоянии большую собаку, плавающую в воде, иногда толкающую, а иногда волокащую что-то, что он, по-видимому, с большим трудом удерживал; но в конце концов ему удалось загнать это что-то в небольшой ручей. Оказавшись там, животное вытащило этот предмет как можно дальше из воды, и крестьянин обнаружил, что это тело мужчины. Собака встряхнулась, лизнула руки и лицо своего хозяина; крестьянину была оказана помощь, и тело было перенесено в дом, где попытки реанимации оказались успешными. Появились два синяка со следами зубов, один на плече, другой на затылке, откуда было сделано предположение, что его спаситель сначала схватил его за плечо, но его проницательность побудила его перенести хватку на шею, поскольку таким образом он мог удержать голову над водой. Он продолжал делать это по меньшей мере четверть мили и таким образом сохранил своего хозяина как своим умом, так и привязанностью.

Ньюфаундленд, как и многие другие собаки, обладает чувством времени, и м-р Белл рассказывает пример этого, произошедший под его собственным наблюдением. Он говорит, что прекрасный ньюфаундлендский пес, которого держали в гостинице в Дорсетшире, имел привычку каждое утро, когда часы пробивали восемь, брать в рот определенную корзинку, предназначенную для этой цели, с несколькими пенсами, и нести ее через улицу к булочнику, который вынимал деньги и заменял их соответствующим количеством булочек. С этими словами Нептун поспешил обратно на кухню и благополучно передал свое доверие; но что вполне достойно внимания, он никогда не пытался взять корзину или даже приблизиться к ней воскресным утром. Однажды, возвращаясь с булочками, другая собака напала на корзину с целью украсть ее содержимое; когда верный Нептун поставил корзину на землю, сурово наказал незваного гостя, а затем с триумфом унес свою добычу.

Доказательства интеллекта, о которых я рассказывал, возможно, превосходят доказательства Дэнди, ньюфаундленда, принадлежащего мистеру Макинтайру из Эдинбурга; но следует помнить, что воспитание Дэнди проводилось более тщательно и непрерывно, чем у его вышеупомянутых братьев. Он выбирал шляпу своего хозяина из множества других или карточку, выбранную своим хозяином из целой колоды; выбирал перочинный нож своего хозяина из кучи других и любой конкретный предмет, который ему могли сказать найти, хотя ему пришлось бы искать среди множества других, принадлежащих одному и тому же человеку; доказывая, что им руководил не запах, а понимание того, что от него требуется. Однажды вечером джентльмен в компании с другими случайно уронил на пол шиллинг, который после тщательных поисков найти не удалось. Затем мистер Макинтайр сказал ему, что Дэнди сидел в углу комнаты, очевидно, не понимая, что происходит. "Найди нам шиллинг, Дэнди, и ты получишь печенье", - пес мгновенно вскочил и положил шиллинг на стол, который он незаметно для собравшихся взял. Однажды вечером, вернувшись домой после того, как семья отправилась отдыхать, мистер Макинтайр не смог найти свой сапожный домкрат; на что он сказал: "Дэнди, я не могу найти свой сапожный домкрат; поищи его". Собака поскреблась в дверь комнаты, его хозяин открыл ее, и, отойдя в дальнюю часть дома, Дэнди вернулся с сапожным домкратом в зубах; мистер Макинтайр вспомнил, что оставил его под диваном.

Несколько джентльменов имели привычку давать Дэнди по пенни в день, которые он всегда относил в булочную и обменивал на хлеб для себя. К одному из них собака подошла за своим обычным подарком, но он сказал: "Сегодня у меня с собой нет ни пенни, хотя он у меня есть дома". Вернувшись к себе домой, некоторое время спустя он услышал шум у двери; она открылась, и Дэнди бросился за своим пенни. Чтобы порезвиться, джентльмен дал ему плохой пенни; пекарь отказался обменять на него буханку; собака вернулась к двери, постучала, а когда служанка открыла, положила пенни к ее ногам и ушла с презрительным видом. Однако он не всегда тратил все свои деньги, и однажды в воскресенье, когда было очень маловероятно, что он мог получить подарок, было замечено, что он принес домой буханку хлеба. Удивленный этим, мистер Макинтайр приказал слуге обыскать комнату в поисках денег. Дэнди казался совершенно беззаботным, пока она не подошла к кровати, когда он осторожно поднял ее с нее. Мистер Макинтайр удержал его, потому что он рычал и вырывался; и, продолжив поиски, женщина нашла семь с половиной пенсов под куском ткани. С тех пор пес терпеть ее не мог и с тех пор прятал свои деньги в углу лесопилки, под кучей пыли. Он постоянно сопровождал друзей мистера Макинтайра домой, когда того желал, на каком бы значительном расстоянии они ни находились, и, когда они были в безопасности, возвращался к себе.

Мистер Джакс в своих "Экскурсиях по Ньюфаундленду и его окрестностям" рассказывает о собаке, которая, по-видимому, принадлежала к чистокровной породе и которую он считал более разумной, чем представители смешанной расы. Это животное поймало свою собственную рыбу, для чего уселось на выступающий камень, под рыбным помостом, на котором рыба была разложена сушиться, наблюдая за водой, глубина которой составляла от шести до восьми футов, а дно было совершенно белым от рыбьих костей. Когда в воду бросали кусок трески, три или четыре тяжелые, неуклюжие на вид рыбы, которых в Ньюфаундленде называют *скульпинами*, заплывали, чтобы поймать ее. Как только одна из них поворачивалась к нему широким бортом, он бросался вниз и редко всплывал без рыбы во рту. Поймав их, он регулярно относил их на место в нескольких ярдах от себя, где складывал, иногда за день набирая по пятьдесят-шестьдесят штук. Поскольку он никогда не пытался их съесть, он, казалось, ловил рыбу для своего развлечения.

Длинная, долговязая, с жесткой шерстью, с опущенным пушистым хвостом; длинные уши, наполовину стоячие; длинная острая морда; черный и малиновый окрас, часто с примесью коричневого и белого, пастушья собака никому не уступает в верности и проницательности. В своем особом призвании ничто не может превзойти его бдительность, его быстрое понимание и его глубокое знание каждого человека, вверенного его попечению. Врываясь в середину своего стада, он выделяет любого его члена и приносит его своему хозяину. Яростный в защите всех, он удерживает их вместе, постоянно рыская вокруг них, оттаскивая странников обратно к их товарищам и яростно нападая на тех, кто хотел причинить им вред. Ночью он ведет их в их загон; и если это происходит в незащищенной ситуации, он бросается поперек входа, так что вторгшемуся врагу придется пройти по его телу, чтобы начать свою разрушительную работу.

Смехотворный пример быстроты, с которой он наказывает правонарушителей, описан полковником Смитом следующим образом: "Мы были свидетелями того, с какой заботой они относятся к своим подопечным и с какой готовностью наказывают тех, кто им досаждают, в случае с дворняжкой, укусившей овцу в хвосте стада и невидимой пастухом. Это нападение было совершено собакой портного, но не осталось незамеченным другой собакой, которая немедленно схватила ее и, затащив провинившегося в лужу, зажимая ему ухо, продолжала

вывалить его в грязи с образцовой серьезностью; дворняжка завопила, портной поспешил на помощь со своим гусем в неаккуратных ботинках и, бросив его в овчарку, промахнулся и стоял, разинув рот, не решаясь забрать его обратно, пока наказание не закончилось и собака не последовала за стадом".

ПАСТУШЬЯ СОБАКА И ДВОРНЯЖКА.—Страница 102.

В качестве доказательства понимания пастушьей собаки я цитирую описание мистера Сент—Джона в его книге "Горные виды спорта": "Однажды пастух, чтобы доказать сообразительность своей собаки, которая лежала перед камином в доме, где мы разговаривали, сказал мне посреди предложения, касающегося чего-то другого: "Я думаю, сэр, что корова в картошке". Хотя он намеренно не сделал ударения на этих словах и произнес их тихим, беззаботным тоном, собака, которая, казалось, спала, немедленно вскочила. вскочил и, выпрыгнув в открытое окно, вскарабкался на дерновую крышу дома, откуда ему было видно картофельное поле. Затем он (не увидев там коровы) побежал и заглянул в хлев, где она была, и, убедившись, что все в порядке, вернулся в дом. Через некоторое время пастух повторил те же слова, и собака повторила свое наблюдение; но когда ложная тревога прозвучала в третий раз, собака встала и, виляя хвостом,

посмотрела своему хозяину в лицо с таким комичным выражением вопроса, что мы не могли удержаться от громкого смеха над ним, на что он, слегка зарывав, улегся в своем теплом углу с обиженным видом, как будто решил больше не выставлять себя дураком".

Мистер Хогг, эттрикская овчарка, единственный из всех, кто дает адекватное представление о пастушьей собаке, и я использую почти его собственные слова. "Мой пес Сиррах был, вне всякого сравнения, лучшей собакой, которую я когда-либо видел; у него был угрюмый, необщительный нрав; презирая всякую лесть, он отказывался, чтобы его приласкали; но его внимание к моим командам и интересам, возможно, никогда больше не сравнится ни с одним представителем собачьей расы. Мне показалось, что я обнаружил в его лице некий угрюмый ум, несмотря на его удрученный и заброшенный вид; я дал погонщику гинею за него. Ему едва исполнился год, и он так мало знал о пастушьем деле, что никогда в жизни не обращал овец; но как только он обнаружил, что это его долг и что это обязывает меня, я никогда не смогу забыть, с каким рвением и тревогой он изучал свои эволюции. Он намеренно пробовал все способы, пока не выяснял, чего я от него хочу, и когда я однажды давал ему понять направление, он никогда больше не забывал и не путал его. Как хорошо я его ни знал, он часто удивлял меня; ибо, когда на него оказывали сильное давление при выполнении поставленной перед ним задачи, у него появлялись сиюминутные соображения, которые требовали значительной доли способности рассуждать.

"Однажды около 700 ягнят, которые находились под его опекой во время отъема, в полночь разбежались и разбежались тремя группами по соседним холмам, несмотря на все, что он и его помощник могли сделать, чтобы удержать их вместе. Ночь была такой темной, что мы не могли разглядеть Сирраха; но верное животное услышало, как его хозяин оплакивает их отсутствие словами, которые, несомненно, насторожили его больше всего; и без лишних слов он молча отправился на поиски мятежного стада. Тем временем пастух и его спутник не преминули сделать все, что было в их силах, чтобы вернуть свою потерянную подопечную; они провели всю ночь, прочесывая холмы на многие мили вокруг, но ни от ягнят, ни от Сирры им не удалось найти ни малейшего следа. С наступлением дня им ничего не оставалось, как вернуться к своему хозяину и сообщить ему, что они потеряли все стадо ягнят и не знают, что стало с одним из них. Однако по дороге домой мы обнаружили множество ягнят на дне глубокого оврага, а неутомимый Сиррах стоял перед ними, оглядываясь в поисках облегчения, но все еще верный своему подопечному. Тогда взошло солнце, и когда мы впервые появились в поле зрения, мы пришли к выводу, что это была одна из дивизий, которой Сиррах не мог управлять, пока не оказался в таком командном положении. Но каково же было наше изумление, когда мы обнаружили, что ни в одном ягненке из всего стада не было недостатка. Как ему удалось собрать все подразделения в темноте, выше моего понимания. С полуночи до восхода солнца он был предоставлен самому себе, и если бы все пастухи в лесу были рядом, чтобы помочь ему, они не смогли бы выполнить это с большей пристойностью".

Чрезвычайно хорошая пастушья собака, по-видимому, концентрирует все свои силы на своем непосредственном призвании; и в этом она напрягает и исчерпывает все свои способности. Если его внезапно разбудить и поспешно позвать, он встает на дыбы, чтобы посмотреть, какие овцы убегают, и он настолько благороден, что будет лежать среди ведер, полных молока, и сам не притронется к ним и не позволит кошке, крысе или любому другому существу приставать к лавке.

Собаки погонщиков несколько крупнее и более выносливые. Они проницательны, как пастушья собака, но приучены действовать с большей жестокостью по отношению к своим подопечным.

Оригинальная собака сенбернар, которая на протяжении многих лет была объектом такого большого интереса, напоминает ньюфаундленда по форме, шерсти, окрасу и размеру. Другая раса с короткой стрижкой обучена тем же навыкам; и один из последних некоторое время принадлежал мне, завоевав всеобщее расположение своим добрым нравом и верностью. Однако он должен, при всех своих хороших качествах, уступить Басу, собственности сэра Томаса Дика Лаудера, который так пишет о нем. "Моего сенбернара привезли домой прямо от Большого Сенбернара, когда он был щенком примерно четырех-пяти месяцев. Его лай оглушителен; действительно, настолько громкий, что я часто различал его почти за милую. Он отсутствовал уже некоторое время, когда, к моей великой радости, один из почтальонов привел его обратно; по словам этого человека, проходя по определенной улице, он услышал его лай изнутри двора и сразу узнал его. Он постучал в ворота и сказал владельцу помещения: "У вас большая собака сэра Томаса Лаудера". Мужчина отрицал это. "Но я знаю, что вы слышали, - продолжал разносчик писем. - Я могу поклясться, что слышал лай большой собаки сэра Томаса; потому что ни в одном Эдинбурге и во всем Эдинбурге нет собаки, которая так лаяла". Наконец, с большой неохотой мужчина отдал собаку разносчику писем, который привел его сюда домой. Но хотя Басс так потрясюще лает, это самая добродушная и игривая собака, которую я когда-либо видел; настолько, что маленький кинг-Чарльз-спаниель Рейт тиранил его в течение многих месяцев после того, как он приехал сюда из-за границы. Я видел, как маленькое существо яростно набрасывалось на большое животное, когда грызло кость, которое мгновенно покорно переворачивалось на спину, задрав все лапы в воздух, в то время как Рейт, схватив кость, предпринимал самые нелепые и тщетные попытки оседлать огромную голову своего покоренного товарища с самым нелепым наигранным ужасным рычанием, которое могло бы свидетельствовать о самом возвышенном описании собачьего негодования. Когда собака нападает на Басса на улице, она скорее убегает, чем затевает ссору; но когда нападающая сторона вынуждена драться из-за какой-либо настойчивости, она в одно мгновение сбивает своего врага с ног, а затем, не кусая его, наваливается на него всем своим огромным телом, пока почти не душит его. Ему особенно приглянулся один из почтальонов, доставляющих сюда письма, в обязанности которого, помимо доставки писем, входило переносить сумку с письмами из одного дома приема в другой, и эту сумку он обычно отдавал Басу для переноски. Басс всегда следовал за этим человеком по всем виллам в округе, куда ему нужно было доставить товары, и неизменно расставался с ним напротив ворот монастыря Святой Маргариты и возвращался домой. Когда наши ворота здесь закрывали, чтобы он не последовал за почтальоном, собака всегда перепрыгивала через высокую стену, чтобы догнать его. Однажды, когда почтальон заболел или задержался по какой-то случайности, он прислал вместо себя человека. Басс подошел к мужчине, с любопытством вглядываясь в его лицо, в то время как мужчина скорее отошел от собаки, которому отнюдь не понравился его внешний вид. Но когда мужчина покинул заведение, Басс последовал за ним, демонстрируя явные признаки того, что он твердо решил завладеть почтовой сумкой. Мужчина сделал все, что мог, чтобы сохранить ее. Но в конце концов Басс, видя, что у него нет ни малейшего шанса завладеть сумкой вежливыми мольбами, приподнялся на задние лапы и, положив огромные передние лапы на плечи человека, уложил его навзничь на дорогу и, спокойно подобрав сумку, мирно продолжил свой привычный путь. Мужчина, сильно встревоженный, встал и последовал за собакой, время от времени предпринимая безуспешные попытки уговорить ее отдать сумку. В

первом же доме, к которому он пришел, он рассказал о своих страхах и дилемме, в которой оказался, но люди утешили его, сказав, что собака всегда носила сумку. Басс прошелся с этим человеком по всем домам, в которые тот доставлял письма, и по дороге, пока не дошел до ворот церкви Святой Маргариты, где бросил сумку и вернулся домой".

Особые услуги, которым обучают сенбернаров, сделали их благословением заснеженных регионов, в которых они обитают; их обоняние очень острое, их большие, выпуклые глаза очень выразительны, а их интеллект спас многих людей от смерти, когда их настиг холод на альпийских перевалах. Одно из этих благородных созданий носило медаль в память о том, что он спас двадцать две жизни, и в конце концов он потерял свою собственную в лавине вместе с теми, кого пытался защитить. Они несут с собой еду и вино; и сопровождаемые монахами, которые дали обет посвятить себя этой задаче, ищут тех, кто нуждается в помощи.

Проходя мимо ряда собак, упомянутых полковником Смитом, относительно которых у меня нет данных для анекдотов, я на мгновение останавлиюсь на погонщике скота на Кубе и Терра Фирмаа в Америке, которого он поместил среди местных собак (*Canis Laniarius*), потому что они очень полезны при выгрузке скота с судов. Быков вытаскивают с помощью строп, продетых вокруг основания их рогов; и когда им позволяют упасть в воду, мужчины обычно плывут и направляют их за рога. Эта операция, однако, часто выполняется одной или двумя собаками, которые, схватив испуганное животное за уши, заставляют его плыть к месту высадки, мгновенно отпуская его, когда оно касается берега, и могут идти пешком к месту назначения. По силе они равны мастифам; и полковник Смит считает их дикими собаками Сан-Доминго, которые по-прежнему живут в домашних условиях и были вывезены из Испании на Запад.

Элегантность формы, грация движений, красота лица, необычайная быстрота и огромная сила - все это сочетается в Борзой, как это было зафиксировано за последние три тысячи лет; и сохраняется в настоящий момент в различной степени, от благородной охотничьей собаки до изящного домашнего любимца гостиной. Узкая, острая голова, легкие, наполовину висячие уши, длинная шея, выгнутая спина, тонкие, но жилистые конечности, глубокая грудь, свидетельствующая о высоком развитии органов дыхания, и приподнятые задние конечности - все это подчеркивает особые качества этих собак. Их шерсть была адаптирована к климату, в котором они изначально жили: здесь она гладкая, но становится более лохматой, поскольку они родом из более холодных регионов. Тем не менее, их восточное происхождение всегда можно определить по уху, которого они требуют в наши зимы; и (подобно арабским лошадям) тех, кого содержат для бега, кутают в попоны в периоды наших холодов. Их форма, их ясные, выпуклые глаза показывают, что они настигают добычу скоростью, а не запахом, и в этом отношении их сила такова, что они пробегают восемь миль за двенадцать минут и от усталости загоняют зайца, в то время как сами они сравнительно свежи. Полковник Смит указывает на их самое раннее происхождение к западу от азиатских гор, где начинаются Бактрийские и Персидские равнины, а на севере простираются скифские степи. Оттуда они распространились по Европе, Азии и части Африки, многие снова стали дикими, а другие являются избалованными иждивенцами спортсменов-любителей. Многие русские дворяне держат их пачками в Степях.

Говорят, что шотландская борзая (*Canis Scoticus*), обычно белая, с черными облаками, самая интеллектуальная из всех, и раньше у нее был настолько хороший нюх, что ее использовали в качестве ищейки. Мейда, чье имя увековечено как любимица сэра Вальтера Скотта, была шотландской борзой.

Ирландская порода - самая крупная из всех западных пород, и предполагается, что этим отличием она обязана смешению с большой датской собакой. Ему Ирландия обязана истреблением волков, и сама сейчас существует лишь номинально.

Известен случай с черной борзой в Ланкашире, которая выбрала свободную жизнь и жила грабежом. Было предпринято много попыток застрелить ее, но она ускользала от них всех; в конце концов ее поймали в ловушку в сарае, куда она поместила своих щенков; они были уничтожены, и она частично восстановилась, чтобы быть полезной при беге; но она всегда сохраняла тот дикий вид, который говорил о ее резвости. У мистера Киркпатрика была борзая, которая всегда заботилась о мясе на кухне и защищала его от кошек и других собак.

Грубый, ширококостный, неприятно выглядящий бродяга, как говорят, произошел от грубой борзой и пастушьей собаки. Сейчас это редкость, но некоторых из его зловещего вида беспородных отпрысков все еще можно увидеть. Они всегда пользовались репутацией собак браконьеров и глубоко привязаны к своим владельцам. У них прекрасный нюх, и один человек признался мистеру Бьюику, что с помощью своей пары ловчих он мог бы добыть столько кроликов, сколько ему заблагорассудится. Они никогда не распускают язык, но приступают к своей работе молча и осторожно, охотятся на зайцев и куропаток, загоняя последних в сети незаконных охотников. Они даже убьют оленя.

Есть еще много сердец англичан, которые учащенно бьются при лае собаки; есть и старые сердца, которые трепещут при воспоминании о хорошо подготовленном поле боя, когда горн призывал их к погоне, когда доблестные кони несли их через ворота, изгородь, канавы и реки; они даже гордятся, когда вспоминают об ужасных падениях, едва избежав гибели, а некоторые встречают смерть, по их понятиям, следующую по чести за смертью солдата в бою. Есть молодые люди, которые завороченно слушают о деяниях своих предков и среди тяжелого труда темной бухгалтерии мечтают, чтобы для них наступили такие времена. Они никогда больше не вернутся; были изобретены железные дороги, умы людей были направлены в другие русла; и охота на лис с сопутствующими ей пороками и сопутствующими удовольствиями постепенно исчезает из Англии, где охотятся на лис. Некоторые, на кого дух Нимрода снизошел с такой силой, что лишил их терпения, отправляются в далекие страны и там совершают подвиги, достойные могучего охотника; но это не касается ни ястребов, ни гончих, и прежде чем пройдет много поколений, наша прекрасная раса охотничьих собак будет существовать только по названию.

Разновидностей этих гончих больше, чем я могу здесь перечислить; но все они обладают более развитым мозгом, чем борзая; их нос шире, как и челюсти; их уши большие и висячие; их хвост приподнят и укорочен, и у них твердая, смелая и прямая походка, вид силы, независимости и (если мне будет позволено использовать это выражение) прямоты, которых тщетно ищут у других собак. Они пришли к нам с Востока, вероятно, в более поздний период, чем те собаки, которые больше напоминают волка.

Некогда почитаемая гончая-ищейка теперь встречается редко, и я копирую описание породы, данное мистером Беллом, у его тезки: "Они достигают двадцати восьми дюймов в высоту в холке; морда широкая и полная, верхняя губа большая и отвисшая, макушка головы выпуклая, выражение лица строгое, вдумчивое и благородное; грудь широкая; конечности сильные и мускулистые, а первоначальный окрас - темно-коричневый с большими черными облаками. Они бесшумны, когда идут по своему запаху, и в этом отношении отличаются от других гончих,

которые, как правило, одарены тонкими, глубокими голосами. Раньше на Границах держали отряды под названием "ищейки", и королям и солдатам, возможно, в равной степени мародерам, в старину было трудно уклониться от них. Благородному Брюсу несколько раз чудом удавалось ускользнуть от них, и единственным верным способом уничтожить их след было пролить кровь на след. Во всей обычной рутине жизни они добродушны и умны, из них получаются отличные сторожевые собаки. Рассказывают историю об одном дворянине, который, чтобы проверить, хорошо ли проинструктирована молодая гончая, приказал одному из своих слуг дойти пешком до городка, расположенного в четырех милях отсюда, а затем до рынка, расположенного в трех милях оттуда. Собака, не видя человека, которого она должна была преследовать, последовала за ним по запаху в вышеупомянутые места, несмотря на множество рыночных людей, которые шли по той же дороге, и путешественников, которым довелось побывать; и когда ищейка добрался до перекрестного рыночного городка, он прошел по улицам, не обращая внимания ни на кого из тамошних людей, и не останавливался, пока не добрался до дома, где отдыхал человек, которого он искал, и где он нашел его в верхней комнате, к удивлению тех, кто сопровождал его в этой погоне".[4]

Статная гончая-олень, с ее уравновешенными, осторожными качествами, немногим менее ценна по следу, чем гончая-ищейка. О его упорстве и силе в погоне за дичью рассказывают удивительные подвиги, но со времен правления Георга Третьего эта порода не сохранилась. Этот монарх особенно любил это описание охоты; но теперь, когда оно вышло из употребления, вряд ли его возродят. Гончие-олени несколько меньше ищейки; более грубые, с более широким носом, более короткой головой, свободно висящими ушами и стремительным хвостом, почти стоячим. Самая замечательная охота на оленя зарегистрирована в Уэстморленде, который простирался на территорию Шотландии. Были выброшены все собаки, кроме двух, которые всю дорогу преследовали свою добычу. Олень вернулся в парк, откуда стартовал, где перепрыгнул через стену и испустил дух, сделав круг не менее чем в 120 миль. Собаки были найдены мертвыми на небольшом расстоянии, так как не смогли перепрыгнуть через стену.

Гончие-фоксхаунды все еще меньше гончих-оленей, обычно белого окраса с небольшими вкраплениями черного и подпалого. Известно, что они мчались во весь опор в течение десяти часов, в течение которых охотникам приходилось трижды менять лошадей или прекращать преследование.

Лунь и бигль - еще более мелкие разновидности: как следует из названия, первые используются исключительно для охоты на зайца и почти вытеснили бигля, который ценен главным образом своей музыкальной ноткой. Во времена королевы Елизаветы их вывели причудливую породу, таких маленьких, что их можно было носить в мужской перчатке, и называли певчими собаками. Раньше их доставляли на поле боя в Панире.

Тернспиты произошли от собак дурной породы, на которых они похожи телом, но у них очень короткие и даже кривые ноги. Они грубые или гладкие. Говорят, что они также произошли от терьеров, и мне кажется, что сохранение пороков развития у нескольких пород приведет к появлению вертела. Они получили свое название от того, что использовались для вращения кухонного вертела, будучи вставленными в закрытое колесо, специально расположенное на конце. Любопытный факт, что теперь должность упразднена, раса практически вымерла. Я извлекаю следующее из "Популярной естественной истории" капитана Брауна, чтобы доказать, что если у вертелов были кривые ноги, то у них не было кривого ума: "У меня на кухне, — сказал

герцог де Лианкур месье Декарту, - были два вертела, которые регулярно через день сменяли друг друга на колесе; одному из них не понравилась его работа, и он спрятался в тот день, когда должен был работать, когда его товарища заставили взобраться на колесо вместо него; но, плача и виляя хвостом, он дал понять, что присутствующим следует держаться подальше. сначала следуйте за ним. Он немедленно отвел их на чердак, где выгнал бездельничающую собаку и тут же убил ее". Следующее происшествие в колледже иезуитов во Флеше показывает, что другие представители этого вида сохранили терпение к выполнению этой неприятной обязанности. Когда повар приготовил мясо к запеканию, он обнаружил, что собака, которая должна была натывать вертел, исчезла. Он попытался нанять другую, но она укусила его за ногу и убежала. Однако вскоре после этого упрямый пес вошел в кухню, гоня перед собой вертел-прогульщик, который тут же, сам по себе, попал в колесо. Компания вертелов была собрана в церкви аббатства Бат, где они вели себя очень тихо. Однако в одной части службы было произнесено довольно громко слово "вертел". Это напомнило собакам об их долге, и все они дружно бросились к своим жилищам.

Поскольку слово "испанский" часто добавляется к названию пойнера, предполагается, что эти собаки попали к нам с полуострова; но поскольку все собаки пришли с Востока, их более древнее происхождение следует приписать финикийцам, которые привезли их не только в эту страну, но, вероятно, и в Англию, хотя многие думают, что они не были известны здесь раньше 1688 года.

В результате длительной дрессировки особая способность указывать на дичь стала их врожденным качеством; молодые собаки наследуют ее, и им требуется только та дисциплина, которая необходима для того, чтобы все щенки вели себя прилично. Если мы посмотрим на пойнера, первое замечание, которое естественно возникает, это то, что это крупная, ленивая гончая. Однако он чрезвычайно послушен и ласков. Считается, что черные самые лучшие, но они различаются по цвету; их мех довольно гладкий, и они считаются очень ценными собаками. Мистер Гилпин говорит о группе пойнеров, которые простояли без движения час с четвертью. Это, однако, превзошла Клио, собака моего отца, которая более двух часов простояла задними лапами на воротах, держа гнездо с куропатками у самого носа. Должно быть, она увидела их, когда перепрыгивала через ворота, и если бы сдвинулась хоть на дюйм, они бы отпугнули ее. Мой отец пошел дальше, у него были другие собаки, и он долго не скучал по Клио; наконец он заметил, что ее нет с остальными, и ни одна не пришла на его зов или свист; он вернулся, чтобы найти ее, и она стояла там, как только переступила через калитку. Его приближение потревожило птиц, и он подстрелил нескольких из них; но Клио, когда ей стало легче, так одеревенела, что не могла пошевелиться, и ее хозяин сел на траву и растирал ей ноги, пока она снова не смогла их согнуть. Она умерла от старости, пробыв с нами четырнадцать лет с момента своего рождения; никаких признаков болезни не было, и утром она ушла со съемочной группой. Первым вопросом по возвращении спортсменов был запрос о Клио; был произведен обыск, и ее нашли совершенно окоченевшей в конюшне, очевидно, вернувшейся домой умирать.

Доказательством общего интеллекта пойнера является следующее. Джентльмен, стрелявший в Ирландии с собакой, совершенно не привыкшей приносить добычу, убил бекаса. Она упала на мягкую, заболоченную землю, где он не смог ее поднять. После нескольких тщетных попыток приблизиться к ней, он указал на указку, сказав: "Принеси ее, Фанат! принеси это. - На мгновение она, казалось, была озадачена таким необычным поступком и раз или два с любопытством оглянулась, как бы спрашивая: "Что ты имеешь в виду?" Внезапно перед ней,

казалось, встала дилемма спортсмена. Она пошла дальше, довольно осторожно взяла птицу в рот и отнесла туда, где земля была твердой; но ни на дюйм дальше она ее не продвинула, несмотря на все уговоры своего хозяина, который теперь хотел заставить ее постоянно подбирать. Однако это была первая и последняя птица, которую она когда-либо подняла.

Один джентльмен одолжил другу любимого пойнтера; но после нескольких лет испытаний, обнаружив, что собака не хочет охотиться с ним, друг попросил своего хозяина, находившегося в то время в Ирландии, забрать его обратно. Его доставили в пакете из Бристоля в Корк, и его владелец отправился встречать свою собаку. Судно находилось на некотором расстоянии от берега, но, увидев его на палубе, джентльмен окликнул матросов и попросил прислать за ним шлюпку. Однако как только собака услышала голос своего хозяина, она прыгнула в воду и, выражая огромную радость, поплыла к нему по берегу. Такие встречи часто оказывались непосильными для собак, которые умирали от чрезмерной радости увидеть тех, кого они любили, после долгого отсутствия.

Спортивная собака по кличке сеттер отличается длинной шелковистой шерстью и, следовательно, считается крупным спаниелем. Голова свидетельствует о необычном развитии мозга; и его характер привязанности и интеллекта соответствует этому формированию. Он очень красив, говорят, что приехал в эту страну из Испании, и его первоначальный цвет был темно-каштановым или белым. Теперь он отмечен коричневым или черным цветом, а также имеет эти цвета.

Один джентльмен в Ирландии получил в подарок красивого щенка черного сеттера из неизвестных рук. Он вырастил и лелеял его, и память о Блэк-Йорке все еще свежа в его стране; не только из-за его идеальной симметрии, шелковистых волос цвета воронова крыла, но и из-за его мягкого, покорного нрава. В молодости он был нервной собакой, потому что даже громкое слово пугало его, что в сочетании с его таинственным появлением и невольной привязанностью побудило хозяина перевести его из конуры в гостиную. С этого времени Йорк обрел уверенность в себе и утратил свою робость; сначала он гулял с няньками и детьми, а затем сопровождал своего хозяина. Последний отправился однажды утром на заросшее тростником поле посмотреть на новорожденных жеребят, и там Йорк указал на бекаса. Птица поднялась в воздух и упала в нескольких сотнях ярдов от него, но Йорк засек ее во второй раз: она отползла на дюжину шагов и снова улеглась. Это обстоятельство свидетельствовало о его природном совершенстве; но с его темпераментом стрельба из ружья могла быть опасным испытанием. День за днем его водили отмечать снайперов и хвалили за его поведение. После этого его хозяин взял ружье и слугу, приказав последнему, если Йорк попытается сбежать, поймать его на руки. Все произошло так, как он и ожидал; бедный Йорк был ужасно напуган; все члены его тела дрожали, но его успокоили ласками и побудили пойти туда, где лежал мертвый бекас. Через мгновение он, казалось, понял все целиком. Он почуял запах бекаса, посмотрел на ружье, затем на лицо своего хозяина и осмелел, когда увидел там одобрение. Еще одно очко, еще один выстрел и еще один бекас; и Йорк со своим хозяином вернулись домой; ружье было поставлено в угол, а бекасы рядом, на ковре. Дюжину раз, пока его хозяин пил вино, Йорк тихонько прокрадывался в угол, нюхал бекасов и осматривал ружье. С того дня он перестал гулять с няньками и стал непревзойденным полевым псом.

Йорк никогда добровольно не разлучался со своим хозяином и был очень недоволен его отсутствием; вскоре он убедился, что коврая сумка, положенная в двуколку, была сигналом к

отъезду; и однажды он тайно последовал за ним и показался только тогда, когда подумал, что находится на таком расстоянии, что его нельзя отправить обратно. Его взяли на концерт, и таким образом он избежал печальной смерти.

Пока его не было, бешеная собака заразила питомник, и девять сеттеров и двух скай-терьеров были вынуждены убить, остался только Черный Йорк. "С того момента, - говорит хозяин Йорка, - как я перевел его из питомника в гостиную, он порвал все низменные связи; казалось, его привязанность была сосредоточена на человеческой расе, и однажды он показал яркий пример своей преданности и ума. Его хозяйка отправилась со своей служанкой купаться на пляж, а слугам было дано общее разрешение отправиться на соседнюю ярмарку, расположенную в миле отсюда. Молодая медсестра в легкомысленном девичестве оставила ребенка в его кровати. Согласно существовавшему в то время обычаю, дверь в холл была широко открыта, и, кроме спящего младенца, Черного Йорка и кошек, ни одно живое существо не находилось в помещении. Прибыл странный священник, чтобы попросить гостеприимства и получить его. Он вошел в холл, и собака, в остальном спокойная, прыгнула вперед и набросилась на него, как тигр. Священник отступил, спина Йорка была готова к бою, а полный рот неоспоримых зубов намекал его преподобию, что собачий покупатель окажется уродом. Он удалился, и Йорк сел рядом со своим спящим подопечным. Там он оставался на страже до возвращения отсутствующей матери; когда она вошла в гостиную, ее четвероногий представитель нежно провел языком по лицу младенца и без сопротивления позволил отцу Малахии войти".

Не менее интересна биография сеттера мистера Белла, Джуно, который со щенячьего возраста был одной из лучших собак, когда-либо выходивших на поле. "Казалось, она всегда была начеку, демонстрируя свою любовь и благодарность тем, кто был добр к ней"; и у нее были друзья не только среди людей. Котенок, которого забрали у его матери, при приближении Юноны проявил обычный кошачий ужас. Однако она, казалось, была полна решимости преодолеть эту антипатию и с самым подкупающим упорством полностью привязала котенка к себе; и поскольку она недавно потеряла своих щенков, она стала его приемной матерью. Юнона также играла с несколькими ручными кроликами, соблазняя их своими добрыми манерами; и она так любила ласкать детенышей своего вида, что, когда у спаниеля моего отца родились щенки и все, кроме одного, были уничтожены, Юнона пользовалась любой возможностью, чтобы украсть их у матери, и лизала и ласкала их с величайшей нежностью. Когда бедная мать обнаружила кражу, она поспешила вернуть своего малыша; только для того, чтобы его снова украли при первой же возможности, пока, наконец, Джуно и Буси не убили бедного щенка вдвоем от избытка нежности".

Я завершаю этот рассказ о сеттере, приводя пример замечательной способности собак возвращаться в свои дома издалека, который так часто цитируется и примером которого был сеттер моего отца Флаш, собака замечательной красоты и ценности. Хозяин отвез его в своей собачьей повозке до Лондона, на расстояние более пятидесяти миль, что было первым этапом охотничьей экскурсии в другом графстве. Экипаж был сконструирован таким образом, что отверстие для поступления воздуха находилось вверху, а не по бокам, так что Флаш никак не мог видеть какую-либо часть дороги. По прибытии в город конюх привязал его веревкой к конуре во дворе гостиницы, где остановился мой отец. Последнее, что он видел ночью, но утром веревка была перерезана, и собака исчезла. Всерасспросы оказались бесплодными, предполагалось, что огромная ценность собаки побудила кого-то украсть ее, и в большой беде его хозяин написал домой свои жалобы. Поздно вечером того дня, когда его не стало, моя мать услышала

царапанье и поскуливание у входной двери, когда проходила через холл. Не предполагая, что это каким-либо образом может иметь к ней отношение, она не обратила на это внимания. Примерно через полчаса до ее ушей донесся приглушенный лай, и тогда она приказала слуге открыть дверь в холл и выяснить причину. Там был бедняга Флаш - мокрый, грязный, голодный и усталый, с остатками веревки, болтающейся у него на шее. Он никогда не был домашней собакой, и то, что ему следовало искать жилой дом, а не конюшню на некотором расстоянии, было еще одним доказательством его проницательности; он знал, что там о нем позаботятся лучше, и так оно и было. Моя мать сама накормила его, и, растянувшись у огня, он забыл о своих тревогах. Радостная весть была передана моему отцу со скоростью, на которую была способна почта, и с тех пор Флаш стал моим спутником в гостиной, а также на охоте.

Бесконечное разнообразие спаниелей почти исключает отдельное перечисление каждого из них в ограниченной работе, поэтому я ограничусь несколькими общими замечаниями. Его можно назвать маленьким сеттером, как сеттера называют большим спаниелем, у которого такая же длинная шерсть и уши; но у первого еще более шелковистая текстура. У некоторых она сильнее вьется и становится немного жестче, и они больше любят воду, чем другие. Их привязанности сильны, их ум велик, а красота некоторых из них делает их очень желанными домашними животными; однако в целом они полезны спортсмену. Единственная вина, которую можно возложить на них, и это, возможно, распространяется лишь на немногих, заключается в том, что они склонны любить незнакомцев так же, как друзей. В качестве примера обратного можно привести красивого маленького красно-белого Бленхейма, который был самым необщительным, и чье расположение было труднее всего завоевать. Я, однако, преуспел, когда был в гостях у ее хозяйки; и два года спустя, когда я повторил свой визит, ожидал столкнуться с теми же трудностями. Однако, когда раздался первый лай, она замолчала и не удостоила меня хитрым укусом за пятку, как имела обыкновение делать с незнакомцами. Еще до окончания вечера узнавание было полным, и она запрыгнула ко мне на колени. Ее хозяйка изо всех сил старалась оградить ее от общения с вульгарными собаками, всегда считала, что у нее самые изысканные привычки, и была уверена, что она никогда не станет слишком толстой, потому что так деликатно питалась. Однажды вечером мы на небольшой светской вечеринке слушали музыку Генделя в исполнении двух лучших исполнителей в мире, когда через дверь, которая была слегка приоткрыта, скользнула Фанни с большим куском сала и кожи во рту. Я думал, что я был единственным человеком, который видел ее, и оставался совершенно неподвижным; вскоре мой взгляд упал на хозяина дома, который сделал знак, что он тоже обнаружил ее, и наше хладнокровие было сильно нарушено. Она скорее присела, чем прошлась по комнате, волоча за собой *bonne bouche* по богатым складкам тонких шелковых дамастных занавесок, лежавших на полу, пока не добралась до очень темного уголка под пианино, где продолжила наслаждаться. Как только великолепная музыка закончилась, "Ты видел Фанни?" раздался возглас, и преступника вытащили прежде, чем был съеден последний кусочек; так что доказательство было положительным. На следующее утро кухарка сказала своей хозяйке, что у нее была привычка красть такие кусочки, как я описал, и прятать их, и что она брала их есть только тогда, когда она [кухарка] уходила в церковь. Репутация утонченной бедняжки Фанни была навсегда омрачена.

В том же доме жил более крупный спаниель из той разновидности, которая любит воду, по имени Флора. Она была превосходной домашней собачкой и, вообще говоря, не поддавалась никаким ограничениям. Однако некоторая тревога, вызванная реальным или заявленным несчастным случаем, заставила магистрата города, в котором проживал ее хозяин, издать

приказ, согласно которому ни одна собака не должна покидать территорию своих владельцев без намордника. Соответственно, Флора, когда она выходила со слугой, надела этот инструмент; сначала она ненавидела его, делала все возможное, чтобы снять, но в конце концов, казалось, стала равнодушна к стеснению, которое он вызывал. Вследствие этого он, возможно, был пристегнут более небрежно, и однажды он оторвался, и мужчина наклонился, чтобы водрузить его на место; Флора, однако, оказалась проворнее его, она взяла его в рот, нырнула с ним в соседний пруд, а когда достигла самой глубокой части, опустила в него намордник и поплыла обратно с выражением восторга на лице.

Всем собакам нравится спорт, для которого они выведены, и мсье Блейз рассказывает нам, что однажды он охотился недалеко от Версаля, когда его друг мсье Гиллеман сопровождал его, получив разрешение убивать диких уток в заповеднике. Между ними была всего одна собака, но при первом же выстреле к ним на полной скорости подбежал прекрасный спаниель. Он нырнул в воду и, лаская мсье Гиллемана, казалось, говорил— "Вот я к вашим услугам; развлеките меня, и я позабавлю вас". Джентльмены занимались своей забавой весь день, и собака показала себя превосходно. Никто, казалось, не признал ее своей; но забава закончилась, он ускорился во весь опор, и они его больше не видели. Они рассказали о нем смотрителю водоема, который сообщил им, что собака принадлежала спортсмену, живущему в двух лье от них, который в то время лежал с подагрой. "Собака знает, - добавил сторож, - что люди приходят сюда поохотиться каждое воскресенье; и в этот день регулярно появляется. Выполнив свой долг перед первым встречным спортсменом, он возвращается к своему хозяину".

Мистер Мартин в своем умном маленьком трактате о собаках ручается за правдивость следующей истории: "Однажды утром, когда дама зашнуровывала свои ботинки, один из шнурков порвался. Она игриво сказала своему любимому спаниелю, стоявшему рядом с ней: "Я бы хотела, чтобы ты нашел мне другой шнурок для ботинок", но, ухитрившись воспользоваться тем, который был сломан, она больше не думала об этом. На следующее утро, когда она снова зашнуровывала ботинки, пес подбежал к ней с новым шелковым шнурком в зубах. Это вызвало всеобщее изумление, ибо никто не мог сказать, где собака его раздобыла. Однако не было никаких сомнений, что он украл его у кого-то другого".

Черно-белый спаниель, принадлежащий моему другу, казалось, понимал все, что ему говорили, и если его хозяин шептал ему на ухо: "Найди что-нибудь для своего хозяина", - то каждый незакрепленный предмет, который он мог унести, обязательно клал к ногам хозяина, и часто дамам семьи приходилось запереть свои шкатулки для работы, чтобы Дэш не унес их содержимое. Если пропадала одна перчатка, а ему показывали другую, он не успокаивался, пока не находил ее; и однажды я видел, как он сдвинул стопку нотных тетрадей с Этажерки и вытащил перчатку, которую сочли невозможной. Некий соотечественник, которому было поручено доставить письмо хозяину Дэша, прибыл в дом, когда этот джентльмен завтракал. Мужчину провели в гостиную, где он уже собирался сесть, когда до его ушей донеслось рычание. Обернувшись, он увидел Дэша, лежащего в кресле у камина, который поднял голову, и кольцо от звонка, висевшее рядом, он просунул в него лапу. Всякий раз, когда человек пытался сесть, Дэш так же часто рычал; пока, наконец, любопытство незнакомца относительно того, что будет делать собака, если он будет упорствовать, не возбудилось, и он не сел в кресло. Затем Дэш решительно дернул за звонок, и слуга, явившийся на зов, был очень удивлен, когда услышал, кто звонил. Он, однако, был не менее доволен, потому что это объясняло тайну, которая долгое время ставила в тупик его и его товарищей-слуг. Казалось, что всякий раз, когда

кто-нибудь из них засиживался за своим хозяином или хозяйкой, когда их не было дома, звонок в гостиную обязательно звонил сразу после того, как они укладывались спать. Конечно, они никогда не подозревали о спаниеле, хотя, когда впоследствии обсуждали этот вопрос, вспомнили, что, когда проснулись, его нигде не было видно. Не было никаких сомнений, что, как только он увидел, что их глаза закрыты, он подошел к звонку, чтобы призвать их к бдительности.

Даже превосходит эти истории разума и верности то, что рассказывает м—р Белл почти в следующих выражениях: "Мой друг путешествовал по континенту, и его верный пес был его спутником. Однажды, прежде чем покинуть утром свою квартиру, рассчитывая отсутствовать до вечера, он достал из своей комнаты кошелек, чтобы убедиться, взял ли он достаточно денег для дневных занятий, а затем пошел своей дорогой, оставив собаку. Пообедав в кофейне, он достал свой кошелек и, потеряв золотой луидор, принялся усердно искать его, но безрезультатно. Вернувшись домой поздно вечером, его слуга впустил его с выражением печали на лице и сказал ему, что бедная собака очень больна, так как она ничего не ела весь день, и, что показалось очень странным, она не позволила ему отобрать у нее еду у нее на глазах, но лежала носом к сосуду, не пытаясь к нему прикоснуться. Когда мой друг вошел в комнату, она мгновенно набросилась на него, затем положила к его ногам золотой луидор и немедленно принялась с большой прожорливостью поглощать свою еду. Теперь правда была очевидна: мой друг уронил деньги утром, когда выходил из комнаты, и верное создание, найдя их, держало во рту до тех пор, пока его возвращение не позволило ей вернуть их в его собственные руки; он даже целый день отказывался есть, чтобы они не попали под ее опеку".

Все собаки, обученные для службы, могут стать ретриверами или ловцами дичи, которую они приносят своему хозяину без травм. Спаниелям, однако, обычно отдается предпочтение. У мистера Сент-Джона был один по кличке Ровер, черный водяной спаниель, который замечал все, что говорилось, и действовал соответственно. Если во время завтрака его хозяин говорил: "Роверу сегодня придется остаться дома, я не могу взять его с собой", Ровер никогда не предлагал пойти; но если он говорил: "Сегодня я возьму Ровера с собой", - как только завтрак заканчивался, он был начеку, никогда не теряя своего хозяина из виду. В присутствии пса часто строились планы на следующее утро; и однажды его не взяли; с тех пор, когда Ровер слышал ночью о том, что должно было произойти, он отправился в путь один, очень рано, и встретил компанию, сидя у дороги со своеобразной ухмылкой на лице, выражающей сомнение в том, что его хорошо примут из-за того, что он пришел без разрешения. Однако, как только он увидел, что его хорошо приняли, он отбросил свою притворную застенчивость и запрыгал от восторга.

Хотя по своим обычным привычкам он был в высшей степени аристократичным псом, во время пребывания в Англии у мистера Сент-Джона он завел знакомство с крысоловом и его собаками, помогал им в их делах, наблюдал за крысиными норами, где прятались хорьки, и был лучшим псом из всех; потому что он никогда не подавал ложной тревоги и не подводил настоящей. Однако в тот момент, когда он увидел своего хозяина, он оборвал своих скромных друзей и отказался от знакомства самым комичным образом.

Темно-коричневый ретривер по кличке Сэм имел привычку заходить в псарню с гончими, которые всегда толпились вокруг и ласкали его. Когда они были на тренировке в поле, Сэму было велено пойти и позабавить их; затем он подошел к ним, прыгнул на Джима Кроу и разыгрывал всевозможные шалости, прыгая и кувыркаясь самым смешным образом, а они

смотрели на него очень внимательно. Он пошел со своим хозяином навестить даму; она погладила его, спросила, тот ли это знаменитый Сэм, и, услышав, что это так, пригласила его погостить у нее. Животное подбежало к своему хозяину, подняло глаза и, казалось, спрашивало его согласия. Ему было велено вернуться к даме и позаботиться о ней, после чего он подбежал к ней, забрал у нее корзинку и попытался выразить свою готовность услужить ей. Он оставался с ней несколько часов, и когда его хозяин приехал за ним, леди была так довольна, что попросила его побыть с ней до следующего дня. Хозяин Сэма погладил и похвалил его, сказал, чтобы он был хорошим псом и оставался с хозяйкой, пока она не накормит его завтраком на следующий день. Пес остался доволен, на следующее утро съел свой завтрак, затем посмотрел в лицо хозяйке, завилял хвостом, вышел из дома и побежал домой. У него была привычка приносить одежду своего хозяина и возвращать ее на положенное место; и он знал их имена. Он сидел в кресле за обедом с семьей, не создавая никакого беспорядка; или обедал в одиночестве, поочередно беря кусок хлеба и мяса, а затем выпивая немного молока; и если кто-нибудь говорил: "Дай мне кусочек, Сэм", - он немедленно подчинялся. Когда все было убрано, он убирал вещи. Он приводил лошадь своего хозяина из гостиницы, платил конюху и возвращался в седле. Короче говоря, он, казалось, понимал все, что ему говорили, и был образцом добродушия и послушания.

Какими бы чудесными ни были эти истории с точки зрения разума, они, возможно, превосходят некоторые трюки, выполняемые собаками-пуделями, которых легко отличить по их густо вьющейся шерсти, большой круглой голове и длинным ушам, и для которых вода так же желанна и привычна, как суша. Двое из них, получившие образование в Милане, проявили свои способности в Париже, и я могу поручиться за правдивость следующего утверждения: Старшего звали Фидо, а младшего - Бьянко. Первый был серьезным, уравновешенным псом, который ходил с большой торжественностью, но Бьянко был легкомысленным и резвым. Фидо давали слово из греческого, латинского, итальянского, французского или английского языков и выбирали из книги, где было записано по пятьдесят слов на каждом языке, что в общей сложности составляло триста комбинаций. Он выбрал из букв алфавита те, которые составляли данное слово, и сложил их по порядку к ногам своего учителя. Однажды ему сказали словенебеса, и он быстро расставил буквы, пока не дошел до второй е, когда после тщетных поисков буквы в своем алфавите он взял ее из первого слога и вставил во второй. Он прошел через четыре первых правила арифметики таким же образом, с необычайной быстротой, и расположил двойные цифры таким же образом, как двойную гласную на небесах. Однако Бьянко, хотя и был таким невнимательным, оказался проворнее Фидо, и когда последний допустил ошибку, его призвали исправить ее, но так же быстро отпустили, поскольку он имел обыкновение дергать своего товарища за уши, чтобы тот подошел и поиграл с ним.

Однажды Фидо написала слово *Юпитер* через *б*, но младший ученый, которого вызвали, чтобы исправить ошибку, тщательно обдумал слово и, убрав *б*, заменил его на *п*. Какая-то дама поднесла к уху Фидо свои часы с будильником и заставила их пробить восемь с тремя четвертями. Фидо немедленно выбрал 8, а затем 6 для трех четвертей; присутствующая компания и мастер настаивали на его ошибке, и он снова просмотрел свои шифры, но, будучи не в состоянии исправить это, хладнокровно сел посередине и посмотрел на окружающих. Снова зазвонили часы, и было установлено, что они пробивали два раза в каждую четверть, что вполне оправдывало Фидо. Обе собаки садились играть в экарте, прося друг у друга карты или отказываясь от них с самым важным видом, делая бросок в нужное время и никогда не перепутав одну карту с другой. Бьянко иногда выигрывал и шел к сайферам отмечать свои очки,

а когда его спрашивали, сколько набрал его противник, он зубами ставил 0. Иногда они играли в экарте с кем-нибудь из компании, собравшейся посмотреть на них, когда те проявляли такую же корректность и, казалось, знали все условия игры. Все это происходило без малейшего слышимого или видимого знака между ними и их хозяином.

В Гастингсе есть водяная собака, принадлежащая лодочнику Пейджу, который, получив пенни, немедленно несет его в булочную, чтобы купить булочку, и не расстанется с ней до тех пор, пока человек, который его обслуживает, не положит хлеб на прилавок; затем он кладет его и уходит со своей покупкой во рту. Другая собака этого вида, также моя знакомая, была семейной носильщицей; то есть она носила книги, работу и т.д. Любому человеку или в любое помещение, указанное ей; и поскольку мы несколько посягнули на нее, она потеряла почти все зубы от тяжелой ноши, которой ее нагрузили. Нам нужно было только сказать: "Кора, отнеси это такому-то", и если хорошая собака не могла найти человека, она приносила его обратно и стояла перед нами. Каждый день в одно и то же время она, как ни в чем не бывало, приносила в кабинет своего хозяина сапоги и шлепанцы, чтобы быть готовой к его возвращению.

Под презируемым именем curs полковник Смит относит к классу самых сообразительных, забавных, задиристых терьеров, самых озорных и в то же время самых полезных собак; вместе с несколькими другими маленькими собаками. Длинношерстные, жесткошерстные, длинноухие, короткоухие, щеткохвостые, гладкохвостые, длинноногие, коротконогие, черноглазые, черноносые; белые, коричневые, черно-подпалые, песочные, смешанные; любой степени чистокровности или помеси; терьеры всех видов кишат вокруг нас, разыгрывая всевозможные выходки, проявляя всевозможную дерзость, ловя всевозможных паразитов и представляя себя нам во всех формах красоты или уродства, к которым относится их раса. способный.

Самым древним из этого влиятельного, если не сказать респектабельного племени собак, действительно самой древней собакой Великобритании, является скотч-терьер, завезенный к нам, вероятно, с северо-запада Европы нашими первобытными обитателями. Существует две разновидности местных терьеров— гладкая, обычно белого или черного цвета, с подпалинами; острая морда; яркие и живые глаза; заостренные или слегка опущенные уши; и высоко поднятый хвост. Однако предполагается, что шотландская порода с более короткой и полной мордой, более крепкими конечностями, жестким, лохматым мехом, иногда белого цвета, но чаще песочного или охристого, является старейшей и наиболее подлинной породой. Одно из этих умных и превосходных животных, по имени Питер, прожило с моей матерью несколько лет и все это время проявляло величайшую проницательность и привязанность. Он всегда понимал разговор, если он касался кошек, крыс или его самого; и часто, когда мы говорили о нем небрежно, даже не подозревая, что он находится в комнате, или называли его по имени, он клал голову нам на колени и вилял хвостом, как бы говоря: "Я понимаю". Он был самым закоренелым врагом всех крыс, мышей и кошек, кусал их за загривок и перебрасывал через голову со скоростью одной в минуту. До того, как он появился в нашей семье, он выиграл пари, что убьет двенадцать крыс за двенадцать минут: вторая крыса вцепилась ему в губу и висела там, пока он расправлялся с остальными десятью, а затем, в течение заданного времени, он прикончил и эту. Бесчеловечность таких пари не оставляла его в покое. Его не раз крали и возвращали обратно, когда объявлялось вознаграждение; и в первый раз признаки страданий на его лице были очень заметны. Борода под подбородком, пучки ушей, бахрома на ногах - все было срезано, и его натерли красной охрой, чтобы замаскировать для продажи. Его поместили вместе со многими другими в подвал, готового к отправке, и торговец собаками, или, скорее,

собачий вор, который привел его к нам, сказал, что, по его мнению, он умер бы от горя через день или два, потому что он отказывался есть и, казалось, был нечувствителен ни к доброте, ни к гневу. В течение трех недель он опускал голову и забивался в угол, как будто чувствовал себя униженным; но наконец наши ласки и ободрение вернули ему его обычную смелую и оживленную осанку.

Последние три месяца жизни моей матери Питер почти постоянно находился у ее постели, днем и ночью; а в течение последних четырех недель, когда ежедневно ожидали смерти, он был печальным и унылым, что объяснялось переменой в привычках семьи. За сорок восемь часов до того, как все закончилось, Питер забился в угол под кроватью, который всегда был его убежищем в беде; и мы с трудом уговорили его покинуть его, даже когда его любовница пожелала увидеть его и попрощаться с ним. В тот раз он опустил голову и выглядел таким несчастным, что возникли опасения, не заболел ли он. Он вернулся в свой угол, и некоторое время о нем не вспоминали. Наконец в комнате все стихло, и я уже собирался уходить, когда вспомнил о Питере. Его с трудом уговорили покинуть свой угол, где он лежал, свернувшись калачиком и дрожа. Я поднял его, чтобы в последний раз взглянуть на его любимую хозяйку, но он положил голову мне на плечо и был так огорчен, что я немедленно унес его прочь. На следующий день он проводил меня наверх, и когда я проходила мимо маминой двери, он посмотрел мне в лицо, как бы говоря: "Ты идешь туда?" но я ответил "Нет!", и он больше никогда не просил разрешения войти. Гроб был запаян и перенесен из спальни в столовую; таким образом, ему пришлось пройти через гостиную, где собралась вся семья. В обычных случаях Питер приходил в ярость при звуке чужих шагов в доме и даже громко лаял, когда кто-нибудь стучал или звонил в входную дверь. В этом случае, однако, он позволил нанятым людям часто проходить мимо, не производя ни малейшего шума; но то, что он осознал, что произошло что-то необычное, было очевидно по тому, что он прыгнул ко мне на руки, где, когда опускали гроб, он сидел, наострив уши и вытаращив глаза, тяжело дыша и дрожа самым взволнованным образом, пока все не стихло. Пока тело оставалось в доме, он пользовался любой возможностью, чтобы обойти его и полежать под ним, и когда однажды в пять часов утра его убрали, чтобы отправить в семейный склеп, он снова был очень взволнован, но никогда не предлагал полаять. На следующий день я и другие люди отправились на похороны на значительное расстояние, а мои дочери должны были прибыть в восемь часов, чтобы провести день в доме своей покойной бабушки. Я попрощался с Питером, положил его на коврик в холле и сказал: "Оставайся там, пока не придут девочки". Он улегся; и слуги заверили меня, что он не двигался с места, пока не прибыли гости; тогда он встретил их сдержанным взглядом и тесно привязался к ним, пока они присутствовали. Я вернулся через два часа после полуночи, и первым звуком, который я услышал, когда экипаж остановился у дверей, была шумная демонстрация радости со стороны Питера. С тех пор он вернулся ко всем своим обычным привычкам, лаял по всем поводам; но характер у него уже никогда не был совсем прежним. Он стал равнодушен ко всем, кроме моего брата, больше никогда не играл, а четыре года спустя был найден мертвым в своем убежище.

Но мы должны рассматривать скотча или любого другого терьера не только в мрачном свете, ибо это самые неутомимые игривые существа под солнцем. Однажды я подобрал бедного маленького умирающего щенка на берегу пруда, вылечил его, вырастил, и никогда еще не было более преданного и забавного зверька. Он оказался лохматым скотч-терьером, и его беспечной юности пришлось претерпеть множество исправлений, прежде чем он стал совершенным образцом послушания, который представляла его зрелость. Одним из его проступков было

убийство молодых цыплят. Женщина, которая ухаживала за домашней птицей, не могла себе представить, почему эти маленькие создания умерли так быстро, и сначала заподозрила, что они подобрали и проглотили что-то, что их отравило. Она, однако, открыла одно из них и не нашла в нем ничего, что подтверждало бы ее подозрения; но перья были взъерошены на затылке, и тогда она убедилась, что они были уничтожены гораздо более крупным животным, чем они сами. Она наблюдала несколько дней и, наконец, увидела, как мистер Бруин, мой пес, пролез через маленькую дырочку в ограде двора и сел на корточки, очень серьезно, как будто у него и в мыслях не было проказничать; вскоре мимо него пробежал маленький цыпленок, щелкнул Бруина по загривку и, подкинув его через голову, как крысу, малыш сдох. Другой был отбит таким же образом, и затем меня вызвали, чтобы назначить наказание, которое я счел наиболее подходящим. Сначала мне не хотелось бить его, поэтому я указал на курицу и так сильно отругал его, что он, казалось, очень сожалел о содеянном. Но тогда он был молод и легкомыслен, и произведенное впечатление было незначительным. Через три дня он вернулся к своим фокусам, и мне пришлось наказать его более сурово. Я привязал ему на шею мертвого цыпленка, избил его и запер на весь день в сарае для инструментов, где несколько раз навещал его, показывал на цыпленка и повторял, какой он непослушный. Ему было так стыдно, что он не мог смотреть мне в лицо, а вечером, когда я отпустил его, он не мог есть. Через день или два к нему вернулась прежняя веселость, потому что он был полностью прощен; но он больше никогда не заходил на птичий двор, а если случайно видел курицу, то опускал голову и хвост и обходил ее на таком расстоянии, что, очевидно, вспоминал свое прежнее поведение.

Большим другом и товарищем по играм Бруина был Пинчер, очень опытный, покладистый терьер, отличная собака для охоты с гончими и убийства всевозможных неприятных животных. Если казалось, что эти двое спят, и мы восклицали "Кошка!" или "Крыса!", они в одно мгновение вскакивали на ноги, ища во всех направлениях свою добычу. Иногда они охотились сами по себе, и их часто видели с рыжим спаниелем, бегущим рысью по полям, без сомнения, сговорившись устроить пир. И Бруин, и Пинчер прекрасно понимали, когда наступало воскресенье; и хотя в другие дни, когда они видели, что мы снаряжены для прогулки, они были самыми громогласными в своих просьбах пойти с нами, в воскресенье они спрятались под диваном и никогда не предлагали сопровождать нас. Они знали, куда мы ходим, и обычно выходили встречать нас по возвращении, иногда отваживаясь дойти до ворот церковного двора, которые находились в миле от нас, но никогда не заходили за ограду.

Один из моих братьев, который был главным мастером Пинчера, очень мечтал стать врачом, как он это называл; и он обтесывал различные кремневые камешки для изготовления причудливых инструментов. С их помощью он делал вид, что делает операцию Пинчеру, который совершенно пассивно лежал у него в руках, чтобы ему вырвали зубы, вправили конечности, перевязали раны, вскрыли вены. Грандиозным финалом обычно была полная разделка, которую мальчик скопировал с того же процесса, который практиковался на свиньях. Собаку клали на стол, вытянув ноги, которые он делал как можно более жесткими. Затем ему отрубили голову, и как только кремнь прошел по его горлу, голова упала набок, и можно было подумать, что собаке показалось, что она действительно отключена, настолько он оставил ее лежать без движения. Затем вокруг его ног провели кремнем, и каждая из них опустилась без дальнейших движений, как можно ближе к телу, насколько он мог их подтянуть. Наконец, когда все было закончено, мой брат сказал: "Прыгай, хороший пес!" - и Пинчер, спрыгнув со стола, снова встряхнулся, возвращаясь к жизни.

Любимый терьер имел обыкновение сопровождать своего хозяина, который был священнослужителем, в церковь, где он вел себя настолько тихо, что мало кто знал о его присутствии. Однажды он пошел на похороны и, когда процессия покинула церковь, проводил своего хозяина до могилы, где смешался со служителями. Присутствующие еще некоторое время смотрели на гроб после того, как его опустили, и священник ускользнул, не замеченный даже своей собакой. Час спустя, когда он сидел за ужином со своими друзьями, его пономарь попросил разрешения поговорить с ним. Его впустили в комнату, когда он сказал, что закрыть могилу невозможно и что он не знает, что делать. "Почему?" - спросил джентльмен, "Потому что, сэр, ваш терьер стоит там и так яростно бросается на нас всякий раз, когда мы пытаемся полностью засунуть лопату, что мы не осмеливаемся идти дальше". Одну из домашних служанок послали на церковный двор, и там она увидела собаку в совершенной ярости, защищающую могилу; она отказалась прийти на его зов, поэтому он силой поднял ее и отнес в гостиную. Там, в тот момент, когда она увидела своего хозяина, ее радость сравнялась с прежней яростью; и предполагается, что, не видя, как ее хозяин уходит, и скучая по нему, она вообразила, что он в могиле, и таким образом попыталась защитить его от травм.

Та же самая собака и ее компаньон, столь же верные и сообразительные, привязывались к лошади своего хозяина и при любой возможности выезжали с ней на прогулку. Он поехал на нем обедать в сопровождении двух собак, которые, довольные, отправились в конюшню со своим другом. Он приказал своей лошади, когда пришло время уходить; но так как она долго шла к двери, были наведены справки о задержке, после чего появился конюх и сказал, что не осмеливается вывести лошадь из конюшни, потому что одна из собак священника была у нее на спине, а другая - сбоку, бросаясь на каждого человека, который приближался к животному. Хозяин разгадал тайну и, сам отправившись в конюшню, вывел оттуда коня: конюх был чужим, и собаки не осмеливались доверить ему имущество своего хозяина.

Терьера, знакомого профессору Оуэну, учили играть в прятки со своим хозяином, который подзывал его, говоря: "Давай поиграем", после чего пес немедленно самым почтительным образом прятал глаза между лапами, и когда джентльмен клал шестипенсовик или кусочек торта в самое невероятное место, он вскакивал и неизменно находил его. Его силы были равны тому, что называлось фокстерьером по кличке Фоп, который прятал глаза и позволял тем, кто играл с ним, прятаться до того, как он поднимал взгляд. Если его товарищ по играм прятался за оконной занавеской, Фоп в течение определенного времени осторожно обходил эту занавеску и заглядывал за все остальные, за двери и т.д., А когда он думал, что смотрел достаточно долго, хватался за скрывающую занавеску и с триумфом отдергивал ее в сторону. Однако самым забавным было наблюдать, как он в свою очередь прятался; он забирался под стул и воображал, что его не видят; конечно, те, кто играл с ним, делали вид, что не замечают его, и было очень забавно наблюдать за его волнением, когда они проходили мимо. Когда он был болен, его вылечили какими-то гомеопатическими шариками, и с тех пор, если с ним что-нибудь случалось, он стоял возле аптечки с открытым ртом.

Черно-подпалый терьер, принадлежавший торговцу бельем в Суиндоне, сразу после открытия магазина по утрам имел привычку ходить со своим хозяином на почту; пакет для писем клали ему в рот, и он нес его домой. Однажды утром ему взбрело в голову опередить своего хозяина и отправиться одному. Начальник почты, увидев его, был настолько уверен, что его хозяин стоит у двери, что передал ему сумку, с которой тот побежал домой, пока его хозяин искал его. С этого времени ежедневное получение писем стало его постоянной обязанностью.

Сэр Вальтер Скотт рассказывает нам о замечательном понимании человеческого языка, проявленном его бульдогом-терьером по кличке Кэмп. Он понимал так много слов, что сэр Уолтер был убежден, что общение с бессловесными животными может быть расширено. Кэмп однажды укусил булочника, за что сэр Уолтер избил его, и в то же время объяснил чудовищность проступка; после чего до последнего момента своей жизни он никогда не слышал ни малейшего намека на эту историю, каким бы голосом или тоном она ни упоминалась, без того, чтобы не встать и не удалиться в самый темный угол комнаты с выражением крайнего огорчения на лице. Затем, если говорили, что пекарю хорошо заплатили или что пекарь в конце концов не пострадал, Кэмп выходил вперед, прыгал, лаял и радовался. Когда к концу своей жизни он не мог сопровождать своего хозяина в его прогулках верхом, он ждал его возвращения, и слуга обычно говорил ему, что сэр Уолтер спускается с холма или идет через вересковую пустошь, Кэмп никогда не ошибался в нем, хотя он не делал никаких жестов, а либо выходил впереди, чтобы подняться на холм, либо сзади, чтобы добраться до торфяной стороны.

Эти анекдоты, взятые из многих других, касающихся терьеров, не могут быть закончены лучше, чем некоторые, касающиеся русского терьера. Как я когда-то был знаком с неподражаемой обезьяной по имени Джек, так и теперь я знаю неподражаемую собаку с таким именем. Он маленький, белый, с несколькими причудливо расположенными темно-коричневыми пятнами на теле и голове; его глаза самого яркого черного цвета, он слегка и благородно сложен, и у него много вьющихся волос только на спине, что придает ему своеобразный вид. Раньше он жил в Ирландии с матерью своего нынешнего владельца, к которой проявлял ту преданную привязанность, которую следовало бы назвать собачьей, ибо ни у одного другого животного нет ничего равного ей. Эта дама была больна за несколько лет до своей смерти и могла заниматься спортом только в инвалидном кресле. Когда она была готова выйти, она говорила: "Теперь, Джек, я готова сесть в кресло", - после чего он немедленно убежал в конюшню, садился в экипаж, и его тащили к двери. Затем он вылез, пока его хозяйка не устроилась в нем поудобнее, после чего уселся у ее ног. Когда они проезжали через сад, экипаж останавливался у любимых клумб Джека с цветами, потому что у него, как у кошки, была замечательная фантазия наслаждаться их ароматом; резеда всегда была источником наслаждения. Однажды в Дублине он потерялся, его искали, и он оказался на руках у полицейского, который нес его домой. Мужчина сказал, что он действительно сдался в участке, потому что зашел в комнату, где сидели несколько мужчин, посмотрел на одного из них, когда тот стоял у его ног, и спокойно позволил осмотреть свой ошейник, а самого подняли и понесли.

Он вошел в гостиную, где сидели две его любовницы, и сделал знак одной из них подойти к двери. Она не вняла его просьбе; на что он зубами дернул ее за платье, и она, думая, что у него, должно быть, есть для этого какая-то экстраординарная причина, последовала за ним; в тот момент, когда она широко открыла дверь, он присел на корточки посреди расстеленного там коврика, постукивая хвостом по полу; перед ним лежали шесть мертвых крыс, которых он убил и принес показать всем, они были разложены по крысиному образцу, по надлежащей форме, и он с большим удовольствием демонстрировал свою доблесть. Джек отправился в Торки со своей молодой любовницей, где однажды лежал на балконе, наслаждаясь морским бризом. Мимо проходил итальянец со своим органом и обезьянкой; он остановился перед Джеком и позволил своей обезьянке взобраться на колонны, поддерживавшие балкон, и войти. Джек никогда покорно не переносил вторжения незнакомцев; но такой незнакомец, как этот, был выше всякого терпения; он схватил его, встряхнул; бедная обезьянка завизжала, итальянец позвал своего товарища, а любовница Джека бросилась к окну и спасла несчастное создание, как раз

вовремя, чтобы избавить его от последней хватки Джека. Через несколько дней после этого Джек гулял с братом своей любовницы, который был глубоким инвалидом, когда до его ушей донеслись звуки органа. В одно мгновение он догнал ее, схватил зубами сопровождавшую его обезьяну и промчался мимо своего изумленного хозяина, при этом задние лапы существа болтались с одной стороны, а шляпа с перьями - с другой. Тщетно звал джентльмен; Джек либо не слышал, либо не внял; он направился к конюшне, где содержалась лошадь его хозяина, и принес бы обезьяну в жертву, если бы тамошние конюхи не спасли его от смерти. Инвалид и владелец обезьяны прибыли в один и тот же момент, каждый обрадовался безопасности бедной жертвы. Джек по сей день терпеть не может ни органа, ни обезьяны.

Индийские собаки-парики, когда они одичали, обитают в лесах многочисленными стаями; у них длинные спины, заостренные уши, острые носы и хвосты с бахромой. Их любовь к людям очень примечательна; и они привязываются к незнакомцу и не терпят никакого дурного обращения, чтобы держать их на расстоянии. Было известно, что один из них следовал за джентльменом, путешествующим в паланкине, до тех пор, пока тот не падал от усталости. Есть небольшая разновидность, белая, с длинной шелковистой шерстью, похожая на комнатную собачку, и она приучена носить факелы и фонарики. Епископ Хибер рассказывает о бедной собаке-парике, которая следовала за ним во время части его путешествия по Индии. Он приказал повару дать ему немного объедков, и животное сильно привязалось к епископу. Когда отряду пришлось переходить быструю реку по довольно опасному броду, собака была так напугана черной ревущей водой, что села на обочину и жалобно завывала, когда епископ подошел к ней. Он, однако, набрался храбрости последовать за ними; но снова был огорчен, когда пропал один из сипаев; он побежал обратно на место и завыл, вернулся к епископу, затем снова позвал нарушителя, и продолжал это до тех пор, пока человек не присоединился к своему отряду.

Епископ рассказывает историю об одной из таких собак, которая, находясь в поисках воды, сунула голову в глиняный кувшин и не могла его оттуда вытащить; она металась во всех направлениях, рыча и завывая самым устрашающим образом. Стражники вскочили на ноги и приготовились встретить врага, о приближении которого, как им показалось, возвестил звук боевого рога. Были сломаны поводья, и лошади и мулы запрыгали по веревкам от палаток; и прошло несколько минут, прежде чем была установлена причина этого замешательства.

Массивная форма, изогнутый череп, глубокая нижняя челюсть, сильные ноги и шея, полуопущенные уши, усеченный хвост и частое наличие пятого пальца отличают благородного мастифа. Это молчаливые, флегматичные собаки, сознающие свою силу, кажется, считающие себя скорее компаньонами, чем слугами, решительные и встречающие опасность с предельным самообладанием. Холодный регион, такой как высочайшие хребты Центральной Азии, лучше всего приспособлен для их совершенного развития, и все же их единственный дикий вид встречается в Африке. Они давние обитатели Великобритании, и, как говорят, были завезены сюда еще до того, как римляне завоевали страну. Предполагается, что родом они были не из Африки, а из Тибета, через север Европы.

Известно, что они побеждают львов; и все же, хотя они обладают самой неукротимой силой и мужеством, они самые кроткие из животных, терпящие, когда дети садятся на них верхом, грубо тянут их, а маленькие собачки огрызаются на них. Само по себе заключение выводит их из себя. Они отличные охранники, и их нарочитое хладнокровие таково, что они, как известно, спокойно

идут рядом с вором, не причиняя ему вреда, а просто предотвращая его побег. Однако они позволяют мошеннику уйти, если он еще ничего не украл.

Хорошо известно, что собаки любят находиться в толпе людей, и это часто является для них искушением войти в церковь. Несколько собак в одной из деревень Богемии последовали этой практике, в том числе английский мастиф, принадлежавший жившему там дворянину. Мировой судья, председательствовавший в суде, заметил это и сказал авторитетным голосом: "Ни одной собаке не разрешается ходить в церковь, пусть я больше ни одной там не увижу". Мастиф присутствовал и, казалось, слушал со вниманием, не без эффекта, потому что в следующее воскресенье он, поднявшись рано, с лаем бросился на деревенских собак, занял свой пост у дверей церкви, убил единственную собаку, которая отважилась войти, несмотря на запрет; и всегда становился часовым на посту перед церковью, но никогда впоследствии не заходил в нее.

Некоторое время назад английский джентльмен отправился в общественный сад в Сен-Жермене с большим мастифом, которому отказали во входе, и джентльмен оставил его на попечение телохранителей, которые были там размещены. Англичанин, через некоторое время после того, как вошел, вернулся к воротам и сообщил охранникам, что потерял свои часы, сказав сержанту, что если он позволит ему взять собаку, то вскоре найдет вора. Когда его просьба была удовлетворена, джентльмен знаками показал собаке, что он потерял, и та немедленно забегала среди компании и пересекла сады, пока, наконец, не наткнулась на человека. Джентльмен настаивал на том, что у этого человека были его часы; и при обыске в его карманах были обнаружены не только его часы, но и шесть других. Что еще более примечательно, собака взяла часы своего хозяина у остальных шести и отнесла их ему. Это довольно старая история, но она является прекрасным примером проницательности мастифа.

Следующий анекдот был прислан мне во время написания вышеизложенного джентльменом, который был свидетелем этого происшествия, и, поскольку Главк был наполовину мастифом, я привожу его в этом месте:

"У ирландского джентльмена была пара огромных собак, самец и самка, наполовину ньюфаундленд, наполовину мастиф, которые славились своей проницательностью, храбростью и высокой дрессировкой. Они были, в самом широком смысле, земноводными, и их дом находился недалеко от моря, поэтому они ежедневно проводили в воде много часов.

Однажды молодой джентльмен, родственник владельца этих собак, к которому самец по кличке Сизый привязался с пылкой привязанностью, столь характерной для его вида, прогуливался с ним по берегу. Вода была почти низкой, и песчаная отмель, покрытая во время прилива, виднелась на расстоянии нескольких сотен ярдов от берега. Его внимание было привлечено к этому объекту тем обстоятельством, что вода вокруг него находилась в состоянии волнения, в то время как море в других местах было совершенно спокойным. При дальнейшем осмотре он обнаружил, что какая-то крупная рыба преследовала косяк путассу, и в своем стремлении поймать добычу он не раз выбегал на песчаную отмель.

Направив внимание собаки на эти предметы, ему было предложено плыть к песчаной отмели, которой он вскоре достиг, и не пробыл там и минуты, как крупная рыба сделала еще один рывок почти у него под носом. Собака немедленно погналась за рыбой; и прежде чем она достигла глубокой воды, он схватил ее за плечи и потащил к песчаной отмели. Рыба, однако, отнюдь не

оставалась пассивной при таком обращении, ибо, как только ее выпустили, она раскрыла свои большие челюсти и укусила собаку так яростно, что ее морда покраснела от крови.

После нескольких попыток рыба снова оказалась в своей стихии, в которой быстро исчезла. Но собака, хотя и была сильно покусана, не испытала смущения. За подбадривающим криком своего юного друга последовал бросок в воду вслед за своим врагом-финном, и, нырнув, он снова появился с рыбой, вывалившейся у него из пасти. Он снова отнес его на песчаную отмель, и снова рыба хорошо попользовалась его зубами.

"Но было очевидно, что борьба не могла продолжаться долго. Пользуясь любой возможностью, собака со страшным эффектом вонзила свои мощные клыки в плечи рыбы и, наконец, хорошенько вцепившись в свою добычу, направилась к берегу. Примерно на полпути рыбе удалось вырваться, но Главк был слишком быстр для нее, и, снова схватив ее, он вытащил свой приз со всем очевидным триумфом опытного рыболова, который после долгой битвы добывает лосося-монстра. Рыба оказалась хеком; она весила семнадцать фунтов, и когда ее вскрыли, оказалось, что она полностью заполнена рыбой".

Бульдог с его усеченным носом, широкой пастью, красными веками, большой головой, лбом, опускающимся между глазами, вздернутым носом, выступающей нижней челюстью, часто обнажающей зубы, и плотным телосложением не обладает теми внешними признаками, которые составляют красоту.

Их головы всегда покрыты черным, но остальное - пестрое, желто-желтое, охристое или белое. Говорят, что они менее проницательны, чем другие собаки, и менее способны к привязанности; но их огромная сила, смелость и чрезвычайное упорство в удержании, когда они однажды схватились, делают их наиболее ценными для пополнения свор гончих, обученных охотиться на кабанов, волков и еще более крупных животных. В возбужденном состоянии они имеют потрясающий вид и раньше использовались в этой стране для травли быков. В Испании и на Корсике, где эта практика все еще продолжается, их можно увидеть во всей их силе. Мне говорили, что они нежны, когда не заняты своим жестоким спортом.

Некоторые считают мопса разновидностью бульдога, а другие отвергают это мнение. Они считают, что его круглая голова, гротескно сокращенная морда и маленький, туго закрученный хвост дают ему право на собственное место среди собак. Власти утверждают, что это сердитая, вспыльчивая собачонка, но мой собственный опыт противоречит этому. Двое, с которыми я часто общался, были удивительно игривыми и добродушными. Один из них был любимчиком леди, и его воспитание должно было сделать его джентльменом; но у него было несколько низких трюков в еде, таких как воровство из судомойки, которое обычно провоцировало его хозяйку. Украденные лакомства он прятал под подушкой ее кровати, и часто, осматривая это место по ночам, она находила не только кости, но и дохлых мышей.

Мопс номер два был очень умным парнем, который каждый день выходил один, и когда он хотел вернуться в дом, он всегда звонил в дверной звонок, либо встряхивая проволоку лапой, либо беря ее зубами. Он умел доставать все необходимое из дальних уголков дома, но очень боялся оставаться один в темноте. У него завязалась большая дружба с котенком, и они часто вместе грелись у камина. Если Пагу говорили принести какую-нибудь вещь из спальни после того, как дом закрывался на ночь, он настаивал на том, чтобы побыть в обществе пусс. Если она не

желала двигаться, он тащил ее за собой своим ртом и часто поднимался с ней по нескольким ступенькам, прежде чем она давала согласие на дальнейшие действия.

Существует множество дошедших до нас анекдотов, касающихся собак, без какой-либо информации о видах основных действующих лиц, как в следующих примерах.

Только что умершего пожарного пса можно было увидеть почти на каждом пожаре в Лондоне, либо сидящего на паровозе, либо мчащегося рядом с ним, казалось, считая свое присутствие необходимым во всех подобных случаях. Его хорошо знали на всех машинных станциях, хотя он не принадлежал ни к одному отдельному лицу и не получал от него поддержки. Теперь в Храме есть собака, которая принадлежит гостинице, а не какому-то одному человеку; это дворняжка, ее кормят везде, где она пожелает попросить, и ее можно увидеть повсюду в окрестностях этого места. Известно, что собаки часто прикреплялись к полкам таким же образом. Одна из них, названная батальоном, принадлежала к первому полку королевской гвардии Франции. Поскольку он всегда находился на гауптвахте, то и остался там. Частая смена начальников не имела для него никакого значения; он даже не ходил в казармы и считал себя собственностью двенадцати солдат, двух капралов, сержанта и барабанщика, кем бы они ни были; но если полк менял гарнизон, он устраивался на новой гауптвахте. Он никогда не обращал внимания на тех, кто не носил такую же форму.

Истории контрабандных собак на границах Франции хорошо известны, но сейчас почти все эти контрабандисты уничтожены. Масштабы, в которых осуществлялась эта незаконная торговля, были огромны. Однако представления собак о собственности часто очень щепетильны; леди в Бате, проходя мимо собаки, столкнулась с препятствием, которое обнаружило пропажу ее вуали, хотя она этого не делала; животное бросило своего хозяина, чтобы тот поискал ее для нее; он нашел ее, а затем вернулся к своему владельцу. Они часто демонстрируют предчувствие опасности и уведомили оземлетрясении в Габалуаско в 1835 году, покинув город, а также Консепсьон, таким же образом.

Некоторые собаки испытывают сильную антипатию к музыке, другие - только к определенным тонам, и я знал собаку, которая всегда поднимала вой при определенных пассажах. Был один человек, который до великой революции во Франции маршировал с оркестром в Тюильри, потому что ему это нравилось, а по ночам часто посещал оперу и другие театры.

Самые удивительные истории, рассказанные о собаках, касаются их речи. Либниц сообщил Французской академии наук, что собаку научили модулировать свой голос, чтобы она могла отчетливо просить кофе, чай и шоколад. После этого мы можем поверить, что собака училась говорить "Элизабет". Я часто наблюдал за подобными звуками у энергичных, умных собак, которые, очевидно, пытались *живым голосом* познакомить меня с какими-то обстоятельствами, но так и не слышали ничего вразумительного, и я не могу представить, что органы речи дарованы немногим избранным; без них произнесение слов должно быть невозможным.

Можно было бы заполнить тома этими анекдотами о собаках, но я завершу свой список картиной, данной мистером Сент-Джоном о его питомцах, изображающей счастье, которое сильно контрастирует с жалким состоянием многих животных, с которыми плохо обращаются, принадлежащих жестокосердным хозяевам, которые оказывают ценные услуги, и все же их пинают, отвергают или морили голодом.

"Напротив окна комнаты, в которой я сейчас нахожусь, - говорит этот джентльмен, - греются на солнышке обезьяна и пять собак: гончая-ищейка, скай-терьер, сеттер, русский пудель и молодой ньюфаундленд, которого воспитывают как ретривера. Все они живут в большой дружбе с обезьяной, которая сейчас самым нелепым образом обыскивает шерсть пуделя в поисках блох, поднимая локон за локоном и исследуя корни шерсти. Иногда, если ей кажется, что она слишком грубо потянула собаку за шерсть или подняла одну из ее ног, она вопросительно смотрит собаке в лицо, чтобы увидеть, не сердится ли она. Собака, однако, кажется, скорее наслаждается этой операцией, и, не выказывая никаких признаков недовольства, обезьяна продолжает свои поиски; и когда она видит блоху, ловит ее самым активным образом, некоторое время смотрит на нее, а затем съедает с большим удовольствием. Исчерпав охоту на пуделя, она запрыгивает на спину ищейки и, заглянув ей в лицо, чтобы увидеть, как она это перенесет, начинает новые поиски, но, ничего не найдя, отправляется поиграть в возню с ньюфаундлендом. В то время как ищейка, услышав голос одного из детей, который ей особенно понравился, уходит в детскую. Сеттер дремлет, и ему снятся куропатки; в то время как маленький терьер сидит, наострив уши, прислушиваясь к любым звукам собаки или человека, которые она может услышать; иногда она убегает на трех лапах, чтобы посмотреть на заднюю дверь дома, опасаясь, что охота на крыс или забавы подобного рода могут проходить без ее приглашения. Почему хайленд-терьеры так часто бегают на трех лапах, особенно когда замышляют какую-нибудь пакость? Нужно ли держать одну в резерве на случай чрезвычайных ситуаций? У меня никогда не было хайленд-терьера, который не прыгал бы постоянно на трех лапах, подняв одну из задних, как бы давая ей отдых ".

Доказательство внезапной привязанности, которую формируют собаки, приводит мистер Мюррей, которому приглянулась собака его проводника. Мистер Мюррей провел ночь в доме своего хозяина, покормил его, и животное сидело, глядя ему в лицо. На следующее утро группа отправилась пешком пересекать Пиренеи, и когда проводник выполнил свое обещание и получил вознаграждение, он откланялся; собака, однако, последовала за мистером Мюрреем, и никакие угрозы или мольбы не могли заставить его повернуть назад. Он направился в гостиницу со своим новым другом, и мистер Мюррей заключал сделку с хозяином гостиницы о передаче собаки ее владельцу, когда от этого человека пришел мальчик, чтобы забрать животное. Он два или три раза проходил за мальчиком несколько ярдов и неизменно возвращался. Затем ему обвязали вокруг шеи прочную веревку, и мальчику было велено вести его за собой; но на небольшом расстоянии, обнаружив, что не может избавиться от веревки, собака прыгнула на мальчика, повалила его на землю, вырвала веревку у него из рук и вернулась к мистеру Мюррею. После этого казалось неизбежным, что они должны путешествовать вместе. мистер Мюррей послал за хозяином, купил собаку и в конце концов увез его в Шотландию, навсегда обеспечив ему место в дилижансе; и с того момента, как он прибыл, он стал любимцем семьи.

Другой пример того же чувства у собак произошел с туристом-любителем спорта в Норвегии (мистером Ллойдом, если не ошибаюсь), которому собака крестьянина внезапно понравилась.

[4] Бойл.

ВОЛКИ.

[Наверх](#)

Сильные, изможденные, свирепые, хитрые, трусливые и зловещего вида волки (*Canis Lupus*) все еще обитают в лесных и горных районах Европы, Азии и Америки; некоторых из них иногда можно встретить на равнинах. К счастью, они были истреблены из Великобритании и Ирландии, но во многих частях густонаселенных стран Европейского континента необычайно суровая зима приводит их в места обитания человека.

Их внутреннее и внешнее сходство с собаками привело к предположению, что они были первоначальными родителями последних; но я уже упоминал об этом нерешенном вопросе в другом месте.

Мышцы головы, шеи и плеч волков чрезвычайно сильны, и щелчок, с которым они кусаются, никогда нельзя ошибиться, поскольку он, по-видимому, присущ только им. Они пьют путем всасывания, и говорят, что если потомство, которое они заводят от собаки, должно лакать, они невзлюбят это. Крик, который они издают, - это не обычный лай, а хриплый, уродливый звук, а вой, который они с удовольствием издают по ночам, - один из самых печальных звуков из всех возможных. Они сильно различаются по цвету: бывают белыми, черными, серыми, коричневыми и т.д. Их оцилиндрованная походка, острая морда, раскосые глаза и свисающий хвост в их диком состоянии менее заметны при одомашнивании, и затем они постепенно ассимилируются внешне с нашими гончими.

Неисчислимы правдивые истории, которые были переданы нам о волках. Их ночные вылазки, их тихая, неутомимая настойчивость в преследовании, их скрытный нрав, их хитроумные уловки - все это придает им таинственность, которая усугубляется страхом и естественной склонностью человека преувеличивать ужасные истории.

Волки слишком подозрительны, чтобы их часто ловили в капканы; и когда их преследуют, они бегут, почти касаясь носом земли, их глаза горят, как огонь, шерсть на голове и шее встает дыбом, хвост прижат к ногам. Их обычный рост в плечах составляет около двух с половиной футов; их детеныши рождаются в пещерах или мрачных укромных уголках, и волчица яростно защищает их. Они часто дерутся друг с другом; и говорят, что если раненый волк появляется среди своих собратьев, его немедленно разрывают на куски и пожирают.

М-р Ллойд в своей книге "Полевые забавы на Севере Европы" рассказывает нам о крестьянине, которому в окрестностях Санкт-Петербурга едва удалось спастись: "Его преследовали одиннадцать этих свирепых животных, когда он ехал в санях. В это время он был всего в двух милях от дома, к которому и погнал свою лошадь во весь опор. У входа в его резиденцию были ворота, которые в тот момент оказались закрыты; но лошадь распахнула их, и таким образом его хозяин и он сам нашли убежище во дворе. Однако за ними последовали девять из одиннадцати волков; но, к счастью, в тот самый момент, когда они вошли в загон, ворота снова повернулись на петлях, и таким образом они были пойманы, как в ловушку. Из самых свирепых животных, теперь, когда они поняли, что сбежать невозможно, они полностью изменились и, вместо того чтобы приставать к кому бы то ни было, забивались в норы и углы и позволяли убивать себя, почти не оказывая сопротивления".

Более трагический случай произошел с несчастной женщиной, также в России, и о нем рассказывает тот же джентльмен: "Однажды женщина в сопровождении троих своих детей ехала в санях, когда за ними гналась стая волков. Она пустила лошадь в галоп и со всей возможной скоростью поехала к своему дому. Она была недалеко от него, но свирепые

животные настигли ее и были готовы броситься на сани. Чтобы сохранить свою собственную жизнь и жизнь оставшихся детей, бедное, обезумевшее создание бросило одного из них своим кровожадным преследователям. Это на мгновение остановило их продвижение; но, сожрав бедное дитя, они возобновили погоню и во второй раз настигли повозку. Мать, доведенная до отчаяния, прибегла к тому же ужасному средству и бросила другого своего отпрыска свирепым нападавшим. Третий ребенок также был принесен в жертву таким же образом, и вскоре после этого несчастное существо благополучно добралось до своего дома. Здесь она рассказала о том, что произошло, и попыталась смягчить свое собственное поведение, описав ужасную альтернативу, до которой ее довели. Однако крестьянин, который был среди прохожих и слышал рассказ, взял топор и одним ударом размозил ей череп надвое, сказав при этом, "что мать, которая могла таким образом пожертвовать своими детьми ради сохранения собственной жизни, больше не годится для жизни". Мужчина был заключен в тюрьму, но впоследствии император даровал ему помилование".

Ручной волк в Ботаническом саду описан месье Фредериком Кювье следующим образом: "Это животное воспитывалось как молодая собака, стало знакомым с каждым человеком, которого он имел привычку видеть, и, в частности, повсюду следовало за своим хозяином, выказывая огорчение из-за его отсутствия, повинаясь его голосу и демонстрируя степень покорности, почти ни в чем не отличающуюся от таковой у самой полностью одомашненной собаки. Его хозяин, вынужденный некоторое время отсутствовать, отдал своего питомца в Ботанический сад, где животное, запертое в берлоге, продолжало безутешничать и почти не принимало пищу. Наконец, однако, его здоровье вернулось; он привязался к своим хозяевам и, казалось, забыл всю свою прежнюю привязанность, когда через восемнадцать месяцев его хозяин вернулся. При первом же произнесенном им слове волк, который не заметил его в толпе, узнал его, выказал самую живую радость и, будучи отпущен на свободу, осыпал своего старого друга самыми нежными ласками. За второй разлукой и возвращением последовали аналогичные проявления печали, которые, однако, снова уступили времени. Прошло три года, и волк счастливо жил в компании с собакой, когда его хозяин снова вернулся, и на все еще памятный голос немедленно отозвались самые нетерпеливые крики, которые усилились, как только бедняга оказался на свободе, когда, бросившись к своему хозяину, он закинул передние лапы ему на плечи, облизывая его лицо со всеми признаками живейшей радости и угрожая своим хозяевам, которые предложили забрать его, и по отношению к которым за мгновение до этого он проявлял все признаки нежности. Однако третья разлука, казалось, была слишком тяжела для нрава этого верного животного; он стал мрачным, унылым, отказывался от пищи, и долгое время его жизнь, казалось, была в опасности. Его здоровье, однако, вернулось; но он больше не терпел ласки никого, кроме своих сторожей, и по отношению к незнакомцам проявлял изначальную дикость своего вида".

В том же Зверинце был еще один волк, который был очень послушным и ласковым, отличал тех, кого знал, от незнакомцев и искал их ласки. Мы были очень хорошими друзьями, и я часто играл с ним, так что он знал мой голос. После двухлетнего отсутствия, к моему великому удивлению, он узнал меня, бросился к решетке логова, протянул лапы, чтобы поприветствовать меня, и всячески выражал восторг. Вполне вероятно, что это обстоятельство в сочетании с другим могло послужить поводом к истории, изложенной капитаном Брауном в его "Популярной естественной истории", правильную версию которой я сейчас позволю себе изложить: "Мадам Браун. Дюкрест (затем мадемуазель). Мы с Дювоселем выходили из дома барона Кювье, когда мужчина, державший в руках что-то, завязанное в носовой платок, спросил, принадлежим ли

мы этому дому. Получив утвердительный ответ, он протянул ей свой сверток; она отшатнулась от него, так как то же самое пришло в голову и мне несколькими днями раньше, и я получил высушенную и татуированную голову новозеландца; но он развернул платок, и показался красивый маленький волчонок, покрытый шелковистой черной шерстью. Она с радостью приняла его; мы отнесли его к зрителям Зверинца, и было приказано кормить его супом и вареным мясом. Волчица оставалась очень красивой, очень игривой и очень ручной около года, когда она стала матерью, и с тех пор была дикой и нелюдимой по отношению к людям, так и не восстановив свой прежний дружелюбный нрав. Она была родом из Пиренеев.

Следующая история рассказана джентльменом, который занимался спортом в Венгрии в то время, когда произошло это происшествие: "Около сумерек, как раз когда последние сани подъехали на четверть мили к деревне по пути домой и миновали опушку леса, который ограничивал дорогу на расстоянии нескольких ярдов на значительном протяжении; владелец, который сидел сзади, спиной к лошадям, заметил, как из-за угла леса выскочил волк и на предельной скорости погнался за санями. Мужчина крикнул мальчику, который был за рулем: "Фаркас! фаркас!" (волк! волк!). Itze het! itze het! (езжай дальше)", - и юноша, в ужасе оглянувшись, увидел животное, которое только что выбралось из зарослей, тянувшихся вдоль дороги, по которой они проехали. Быстрый, как молния, с криком и хлыстом, изо всех сил он погонял лошадей, чтобы добраться до деревни. Они полетели во весь опор, как будто почувствовав опасность позади себя, о чем им донеслось по восклицанию мальчика и страшному имени животного, которое он прокричал им в уши. Мужчина повернул свое сиденье и еще энергичнее подтолкнул мальчика, чтобы тот нахлестывал лошадей до предельной скорости. Ему не требовалось никакого дополнительного поощрения, но он с бешеным напряжением нахлестывал кляч. Сани летели по скользкой дороге со страшной скоростью, но волк еще больше ускорил свой бег и быстро догнал их. Деревня находилась примерно в двухстах ярдах ниже гребня холма; ничто, кроме самой бешеной скорости, не могло спасти их, и человек чувствовал, что волк неизбежно набросится на них прежде, чем они доберутся до подножия. Оба дико кричали, продолжая свой стремительный путь, сани страшно виляли с одной стороны дороги на другую и каждую минуту грозили перевернуться. Затем человек натянул на голову свою толстую бунду (овечью шкуру); он оглянулся и увидел свирепого, тяжело дышащего зверя в нескольких ярдах от себя; ему показалось, что он почувствовал его горячее дыхание на своем лице; он снова спрятал голову в бунду, и в следующее мгновение волк прыгнул ему на спину и вцепился в толстую овечью шкуру, покрывавшую его шею. С замечательным присутствием духа отважный крестьянин вскинул обе руки и, изо всех сил схватив волка за голову и шею, железной хваткой вцепился ему в плечи. - Ице хет! - теперь уже крикнул хладнокровный парень, и, держа своего врага мертвой хваткой, они ворвались в деревню, волоча свирепого зверя за собой, несмотря на его отчаянные попытки высвободиться. Крики мальчика и мужчины, бешеная скорость и ржание лошадей заставили жителей деревни выйти посмотреть, в чем дело. "Фаркаш! фаркаш! - закричали оба, и крестьяне, сразу же увидев свое опасное положение, бросились в погоню с топорами, призывая мужчину держаться храбро. Наконец мальчику удалось замедлить бег животных, сани остановились, и крестьяне, бросившись вперед, посадили свирепое существо на спину человека, руки которого так оковенели от огромного мускульного напряжения, которое он так долго сохранял, что он с трудом оторвал их от шеи мертвого волка".

Несчастному священнику из окрестностей Оксбона в Нижних Пиренеях повезло меньше, чем словацкому крестьянину; ибо, когда он возвращался после посещения больных в январе 1830

года, на него напали голодные волки и разорвали их на куски; только осколки, которые они оставили, и кровь на снегу говорили о его судьбе.

Североамериканские волки не такие изможденные, как европейские, у них более короткие ноги, более густой мех, более короткая морда, более широкие головы, более пушистый хвост и в целом они более компактные. Однако их привычки во многом схожи: фермера из Нью-Гэмпшира однажды ночью разбудил шум в его свинарнике; выглянув наружу, он увидел то, что, по его предположению, было лисой, на низкой покатой крыше хлева. Он вышел, но обнаружил, что животным был серый волк, который, вместо того чтобы убежать, яростно напал на него, бросившись к нему с крыши; и прежде чем человек успел отступить, волк трижды укусил его за руку быстрыми и повторяющимися щелчками, разорвав ее от локтя до запястья; затем, однако, он спрыгнул с крыши на землю и тем самым потерял свое преимущество; мужчине удалось схватить его руками за шею с обеих сторон и крепко удерживать в таком положении, пока его жена, которую он звал, не остановилась. Он крикнул, подошел с большим мясницким ножом и перерезал зверю горло. Прошло три месяца, прежде чем рука мужчины зажила; говорили, что каждый порез проникает до кости.^[5]

Белый волк всегда преследует быка, называемого буйволом, в Западной Америке; кроме того, в той же стране есть и другие разновидности. Среди них есть индейские койоты, или Волки-целители, которые относятся к ним с большим почтением. Они маленькие, сообразительные и хитрые; собираются стаями и охотятся отрядами от трех до тридцати человек на пастбищах оленей и антилоп и настигают свою добычу. Когда охотники убивают дичь, они терпеливо сидят на небольшом расстоянии, в то время как более крупные волки рыщут вокруг, набрасываясь на куски, брошенные ими людьми, и которые маленькие волки мгновенно бросают. Ночью они дежурят вокруг лагеря и грызут веревки из кожи лошадей и крупного рогатого скота.

Когда мексиканские койоты, или маленькие белые волки, теряют всякую надежду на спасение, они сворачиваются калачиком и ждут смерти. Если, побуждаемый голодом, кто-то выхватывает кусок у охотника, пока тот разделяет свою дичь, все стадо бросается на него, дерется, рычит и разрывает друг друга из-за него. Мистера Райана, из чьих оживленных описаний взяты эти заметки, в течение нескольких дней преследовал большой серый волк, и каждый вечер, когда он разбивал лагерь, волк садился на корточки и угощался, чем мог. Однако ему обычно что-нибудь оставляли; и он стал таким ручным, что останавливался, когда отряд останавливался, а когда что-нибудь было убито, ходил кругами, облизывая челюсти в ожидании своей доли. Никто никогда не приставал к нему, и, следовательно, он оставался совершенно безобидным. Такого рода разбирательства иногда происходят с целой стаей.

Однажды мистер Ракстон убил старого самца и оставил его на земле, где его охраняли шесть маленьких волчат. Через десять минут после того, как он покинул свою игру, к нему подошли шесть волков, у одного из которых нос и лицо были перепачканы кровью, и казалось, он вот-вот лопнет. Считая невозможным, чтобы они сожрали оленя за такое короткое время, он из любопытства вернулся и посмотрел, какое впечатление они произвели на него и почему оставили. К своему удивлению, он обнаружил, что остались только кости и немного волос, а плоть была снята, как будто ее соскоблили ножом. Они размахивают хвостами, рычат, кусаются, пищат и глотают все время своей трапезы; и если к ним относиться по-доброму, они придут погреться у костров охотников, когда те спят, и будут сидеть, сонно кивая головами.

Эскимосские собаки, хотя и очень смелы при нападении на медведей, настолько боятся волков, что едва ли оказывают какое-либо сопротивление, когда те нападают на них. Сэр Джон Ричардсон рассказывает нам, что волк, раненный мушкетной пулей, вернулся после наступления сумерек и утащил собаку из числа пятидесяти других, которые жалобно выли, но не осмеливались попытаться спасти своего товарища.

Несколько волков объединяются и, образуя полукруг, медленно подкрадываются к стаду оленей, если поблизости есть пропасть, и, постепенно окружая их, чтобы не всполошить внезапно, загоняют к краю пропасти; затем все они разом издают самые ужасные вопли, и, обратившись в бегство, бедные олени перепрыгивают через пропасть, где волки на досуге следуют за ними более безопасной тропой, чтобы полакомиться их искалеченными тушами.

Однажды отряд из девяти белых волков попытался проделать тот же трюк с сэром Джоном Ричардсоном, очевидно намереваясь столкнуть его в реку. Однако, когда он поднялся, они остановились и, когда он двинулся вперед, уступили ему дорогу к палаткам.

Любители трагических историй найдут множество самых страшных среди легенд всех стран, где водятся волки; все они, вероятно, основаны на фактах, но в основном переплетены с романтикой. Не может быть ничего более шокирующего, чем случай с одиноким путешественником, который галопом влетает в деревню, преследуемый этими зверями, и стучит в двери, искренне умоляя о приюте. Жители в основном были погружены в сон; некоторые слышали и не двигались, другие имели смутное представление о происходящем и тоже оставались в своих постелях; в то время как другие снова ничего не слышали. На следующее утро о печальном событии стало известно, найдя плащ путешественника и несколько костей.

[5] Канадский натуралист Госсе.

ЛИСЫ.

Наверх

Крадучись в вечерней темноте, хитрая и хищная Лиса (*Canis Vulpes*) покидает свою нору в земле и бродит в поисках своей добычи. Птичьи дворы, кроличьи норы и охотничьи угодья рассказывают о его искусных набегах; но аппетит у него совсем не тяжелый. Конечно, когда ему удастся собрать спелый виноград, он устраивает пир. Если нет возможности добыть молодых индеек и зайцев, он питается молодым олененком, дикой уткой или даже ласками, мышами, лягушками или насекомыми. Он также спустится к морскому берегу и поужинает остатками рыбы или схватит крабов и заставит их изменить свой боковой курс так, чтобы они заползли ему в глотку. Рейнард также смотрит в будущее; ибо он никогда не упускает ничего, что попадает под его острый укус, и поскольку должно быть ограничение количеству, которое может содержать любое животное, когда оно больше не может есть, он в различных местах, хорошо отмеченных им самим, закапывает остатки для завтрашнего ужина. Касаясь земли только пальцами ног, он крадется бесшумно; его нос и уши чутко улавливают малейший звук или запах; его кошачьи глаза с линейным зрачком сверкают, как горячие угли, и он внезапно набрасывается на своих жертв, прежде чем они осознают его близость. Его пушистый хвост - завидный трофей охотников, которые называют его кисточкой. Его окрасы белые, черные, красные, желтые, голубоватые или пестрые; а в холодном климате он всегда становится белым

зимой. Отец не заботится о своих детях, но мать выполняет свой долг с образцовой преданностью в течение четырех месяцев.

Лиса, как правило, одинокое, подозрительное животное; даже будучи максимально прирученной, она, кажется, думает, что ее обманут и с ней будут плохо обращаться: возможно, она судит о других по себе. Он очень часто живет в норе, называемой землей, принадлежащей кому-то другому, потому что у него очень расплывчатые моральные принципы в отношении собственности и великая идея, что право устанавливается обладанием. Если его поймают и посадят в тюрьму, он становится очень свирепым или умирает от скуки; но он слишком застенчив и умен, чтобы его можно было легко заманить в ловушку. Его крик - своего рода визг, который, однако, он слишком осторожен, чтобы издавать, когда зарабатывает себе на жизнь.

Иногда лиса попадала в капкан, и есть история о том, как один из них сбежал и оставил после себя одну из своих передних лап. По прошествии времени его следы можно было увидеть в разных местах, и, конечно, их было легко узнать. Это продолжалось в течение двух лет, когда мистер Сент-Джон преследовал его и легко убил. Другой, которого откопали собаки, вместо того чтобы бежать, как обычно делают эти звери, внезапно поворачивался к каждой собаке, которая подходила, и перепрыгивал через него. Это не могло продолжаться долго, хотя и очень озадачило собак; он был схвачен, и только тогда была раскрыта причина его маневра, обнаружив, что у него всего три лапы.

Мистер Сент-Джон рассказывает следующую историю хитрости лисы: "Сразу после того, как рассвело, я увидел, как большая лиса очень тихо прошла вдоль края плантации; она с большой осторожностью заглядывала через дерновую ограду в поле и, казалось, очень хотела поймать нескольких зайцев, которые паслись на нем, но, очевидно, знала, что у нее нет шансов поймать ни одного на бегу. После недолгих раздумий он, по-видимому, составил свой план, осмотрел различные щели в стене, остановился на одной, которая казалась наиболее посещаемой, и улегся рядом с ней в позе кота у мышиной норы".

ЛИСА И ЗАЙЦЫ.—Страница 176.

Тем временем я наблюдал за всеми его планами; затем он с большой осторожностью и молчанием проделал небольшое углубление в земле, насыпав песок в качестве своего рода экрана; однако время от времени он останавливался, чтобы прислушаться, а иногда и очень осторожно заглянуть в поле. Сделав это, он улегся в удобную позу для прыжка на свою добычу и оставался совершенно неподвижным, за исключением случайной разведки кормящихся зайцев. Когда начало всходить солнце, они один за другим пришли с поля на плантацию; трое уже прошли мимо его засады, один в двадцати ярдах от него, но он не двинулся с места, только еще плотнее прижался к земле. Вскоре двое направились прямо к нему, и хотя он не осмелился поднять голову, я увидел по непроизвольному движению его ушей, что эти быстрые органы уже предупредили его об их приближении. Два зайца проскочили через щель вместе, и лиса, прыгнув с быстротой молнии, поймала одного и тут же убила его; затем он поднял свою добычу и уже уносил ее, когда пуля из моего ружья остановила его полет".

В "Популярной естественной истории" капитана Брауна я нахожу следующее: "Осенью 1819 года во время охоты на лис в Галлоуэе гончие загнали очень сильную лису. Оказавшись в большой опасности быть схваченным, Рейнард направился к высокой стене на небольшом расстоянии и, перепрыгнув через нее, подкрался вплотную к другой стороне; собаки

последовали за ним, но как только они перемахнули через стену, он снова перепрыгнул через нее и с помощью этого хитрого приема ускользнул от них и был в безопасности от своих преследователей".

Американский джентльмен из Питтсфилда в сопровождении двух ищеек нашел лису и преследовал ее почти два часа, когда внезапно появились собаки. Их хозяин поравнялся с ними возле большого бревна, лежащего на земле, и был очень удивлен, увидев, что они обошли несколько дворов без какой-либо цели в поле зрения, все следы лисы, казалось, были потеряны, в то время как собаки все еще продолжали лаять. Оглядевшись, джентльмен увидел лису, распростертую на бревне, по-видимому, безжизненную. Он предпринял несколько безуспешных попыток привлечь внимание собак к этому месту и, наконец, подошел настолько близко, что увидел, как животное дышит. Даже тогда Рейнард не выказал никакой тревоги, но его преследователь замахнулся на него веткой дерева, на которую он вскочил из своего укрытия и был схвачен.

Одним из самых забавных случаев охоты на лис был случай в Ньюри, в Ирландии, когда лиса, преследуемая очень яростно, запрыгнула на верхушку кучи дерна, где и улеглась совсем распластанной. Наконец, одна из собак заметила его, и ему снова пришлось бежать. После этого он взобрался по каменной стене, откуда спрыгнул на крышу ближайшей хижины и, взобравшись на верхушку трубы, оттуда осмотрел своих врагов. Однако старая собака последовала за ним и уже собиралась схватить его, когда Рейнард спрыгнул по трубе на колени пожилой женщине, которая курила свою трубку на углу. Собака не осмелилась последовать за ней, но охотники подошли и, войдя в хижину, обнаружили, что она принадлежит лисе; испуганная женщина и дети забились в угол, а лиса (которую взяли живой) ухмылялась им.

Во все века существования сказок лиса была главным героем. Самые древние из известных басен, о Локмане, арабе, у которого Эзоп позаимствовал большую часть своих, отводят ему очень заметное место среди коварных придворных льва. Главная фраза, которую использует коварный льстец, когда он с притворным смирением кланяется своему повелителю, - это "О, Отец Красоты", этим косвенным комплиментом он обычно добивается исполнения своих желаний. Ранние немецкие писатели также выбирали его главным героем различных исторических произведений, и поэма "Рейнард, лис" будет жить до тех пор, пока печатники и иллюстраторы будут проявлять свое искусство и талант.

Песец меньше нашего; даже подошвы его лап покрыты мехом, как у зайца, и одет он в целом плотнее. Часто предполагалось, что он пестрый по цвету, но это только в процессе превращения в оттенок зимы. В здешнем климате он гораздо более стадное животное, и на одной земле живет несколько семей. Епископ Хибер упоминает об одном из них в Индии, который питается главным образом полевыми мышами и белыми муравьями, и, вероятно, это тот вид, о котором местные жители говорят, что он может обернуться девять раз на расстоянии своей длины. Он примерно вдвое меньше европейца.

Много ценного меха получают как от европейских, так и от американских лисиц, окрас которых отличается большим разнообразием независимо от температуры.

В Ирландии есть маленький зверек по имени лисица, который не ест мяса, а довольствуется овощами и настолько совершенно безвреден, что бродит повсюду, не боясь даже собак.

ГИЕНЫ.

Наверх

Не может быть более неинтересного животного, чем суровая гиена с узкими коленями, которая является преимущественно африканской, хотя встречается на Востоке; согласно мнению некоторых натуралистов, она мигрировала туда вслед за караванами. У него свирепый, злобный вид, но первое впечатление, производимое его внешностью, можно выразить только словом "крадущийся". Он рыжевато-коричневого цвета, более или менее темнеющий, пока не приближается к черному, и обычно пятнистый или полосатый. У него грива, продолжающаяся вдоль всего позвоночника; его уши длинные и стоячие; у него большие пальцы, когти сильные, а не втягивающиеся; он обладает железой, издающей неприятный запах, а в его глазах есть зрачок, суженный сверху и круглый внизу, что придает им необычное выражение.

Большой особенностью формы гиены является непропорционально маленькая часть ее задних конечностей; кроме того, позвонки ее шеи очень часто становятся напряженными вследствие напряжения, оказываемого на них мощными мышцами этой части и челюстей. Хватка, за которую они берутся, настолько крепка, что ничто не заставит их оставить то, что они когда-то захватили. Они пожирают кости так же, как мышцы, отвергая только копыта, рога и череп; и эта способность, должно быть, существовала в прежние века, поскольку в пещерах, которые они населяли и в которые они утаскивали свою добычу, их ископаемые останки найдены вместе с останками гигантских мастодонтов и т. Д., На которых остались отпечатки их зубов. Эта жесткость заставила многих вообразить, что она состоит только из одного сустава, и побудила арабов сделать гиен символами упрямства.

Повадки гиен соответствуют их внешнему виду; они являются естественными падальщиками и питаются всем подряд, являясь, наряду с шакалом и кошкой Генет, особыми грабителями кладбищ. Рассказывается много историй об их жестоких набегах, таких как проникновение в kraali кафров и готтентотов и похищение спящих младенцев из-под одеяла их матери, которая осознает свою потерю только тогда, когда слышит крики жертвы. Майор Денхэм в своих "путешествиях" рассказывает нам о деревне, которую они взяли штурмом ночью, когда уводили ослов и других животных.

Мое собственное впечатление о гиене таково, что это робкое, трусливое животное. Я всегда замечал, что они избегают моего приближения; и мой дядя рассказывал мне, что, когда он часто сталкивался с ними во время своего командования аванпостом Тантум Куэрри на подветренном побережье Африки, они неизменно отворачивались от него и скрывались из виду своей волочащейся, шаркающей походкой. Я не могу сказать, что они нарушали ночную тишину, потому что тропическая ночь никогда не бывает тихой; но их крик обычно внезапно достигал наших ушей, и я не знаю почему, всегда казалось, что он где-то рядом с нами. Рев леопарда или льва наиболее оглушительен, хотя и ужасен; но то, что называется смехом гиены, подобно торжествующему ликованию свирепого безумца, когда он достигает своей долгожданной жертвы.

Все туземцы Золотого Берега свидетельствуют о способности гиены к подражанию; говорят, что она прячется в джунглях и подражает крикам других зверей, пока не переманивает их на свою сторону, после чего набрасывается на них и пожирает. Джентльмен, долгое время командовавший крепостью на Золотом берегу, рассказал мне следующую историю, которая

подтверждает приведенное выше утверждение: "Несколько женщин из соседней деревни имели обыкновение проходить мимо стен форта, чтобы принести воды после захода солнца, в обеденный час этого офицера, и производили так много шума, что потревожили его, поэтому он приказал им идти другим путем. На следующий вечер шум повторился, и тот же приказ повторился на следующее утро; на что женщины возразили, что они пошли совсем другим путем. На третий вечер, когда смех и разговоры, по-видимому, возобновились, сержант сделал вылазку, чтобы привести преступников в форт; но, к его удивлению, там были видны только три гиены, имитация человеческих звуков которых ввела в заблуждение всех, кто слышал их в предыдущих случаях".

Долгое время считалось, что гиена неспособна к привязанности, но мистер Берчелл привез с собой в эту страну гиену из Южной Африки, которая, очевидно, любила своего хозяина и ревновала к другим животным. Полковник Сайкс раздобыл в Индии одного из них, который повсюду следовал за ним, как собачонка, с величайшим добродушием играл с матросами на борту корабля и никогда не забывал своего первого владельца. Его поместили в Зоологический сад, где, хотя полковник Сайкс навещал его редко, он всегда узнавал его в толпе. Однажды, когда гиена спала, этот джентльмен внезапно позвал ее по имени; бедное животное так же внезапно вскочило на лапы, подняло голову, потерлось головой о прутья клетки, запрыгало вокруг, издавая короткие вскрики, печально посмотрело на полковника Сайкса, когда тот уходил, и повторило все эти проявления радости, когда он вернулся.

Пятнистую гиену называли *Huæna Capensis*, поскольку считается, что она обитает только в Южной Африке; но в Гвинее она встречается так же часто, как и полосатая разновидность, и имеет точно такие же склонности. Однако вблизи мыса это приносит больше вреда, потому что там обосновались колонисты, а их фермы дают более ценную добычу. Говорят, что они предпочитают нападать на сильных, энергичных животных, потому что те убегают, и гиены могут преследовать их; но более слабые животные поворачиваются лицом к своему врагу, который всегда их пугает.

Мистер Сидман, путешественник из Южной Африки, дает совершенно дурную характеристику пятнистым гиенам и говорит, что они так предпочитают человеческое мясо, что могут проходить даже мимо крупного рогатого скота и хватать детей в возрасте до восьми лет.

Голландский волк Страанд или ворсистая гиена доктора Абея Смита, который так много сделал для естественной истории Южной Африки, встречаются реже, чем другие виды, и часто питаются на берегу, поскольку предпочитают мертвых животных, выброшенных морем. Однако, если его подстегивает голод, он совершает столько же грабежей, сколько и другие. Он чрезвычайно хитер, днем прячется в горах или густых зарослях леса и охотится на большом расстоянии от своего жилища.

М-р Прингл подтверждает рассказы м-ра Сидмана об ужасном опустошении, причиняемом гиенами Южной Африки, и говорит, что в округе Сомерсет они за один год уничтожили семьдесят жеребят, принадлежавших фермерам; он, однако, считает, что они никогда не нападают на людей ни ночью, ни днем, и что они сбиваются в стаи и играют роль четвероногих стервятников, даже пожирая своих сородичей, если им случится быть убитыми; но ни один другой хищный зверь не съест их из-за отвратительного вкуса их мяса. Логово пятнистой гиены, которое содержалось в Башне около двадцати лет назад, нуждалось в некотором ремонте. Плотник прибил к полу толстую дубовую доску длиной около семи футов, вбив в нее по меньшей

мере дюжину гвоздей, каждый длиннее его среднего пальца. На одном конце этого куска дерева был небольшой выступ, и, не имея при себе подходящего долота, с помощью которого он мог бы его удалить, мужчина вернулся в свою лавку, чтобы принести его. Пока он отсутствовал, несколько человек пришли посмотреть на животных; и сторож спустил гиену в ту часть логова, где работал плотник. Как только зверь увидел выступающий кусок дерева, он схватил его зубами, оторвал доску и с предельной легкостью вытащил каждый гвоздь; это действие даст хорошее представление о мускульной силе этого существа.

Невозможно сказать, почему должны существовать такие противоречивые рассказы о гиене, данные теми, чья правдивость несомненна. На Золотом берегу их никто не боится, но, похоже, они наводят ужас на всех жителей Кейпа и к северу от него, а также в Абиссинии, где Брюс называл их "бедствиями своей жизни", и мы едва можем сдержать улыбку, когда читаем, что один из них стоял у его постели с украденным пучком свечей во рту; он нашел к нему дорогу даже по улицам Гондара.

КОШАЧЬЕ ПЛЕМЯ.—ЛВЫ.

Наверх

Мне должно быть позволено дать несколько более подробное описание, чем я давал другим животным, кошачьим, потому что для всех характерны одни и те же признаки; размер и окрас - почти единственное различие среди тех, о которых я буду говорить. Грация и сила являются их универсальными атрибутами, причем последние проявляются главным образом в передних частях их тела, таких как лапы, передние конечности, плечи, шея и челюсти; первые - в их дугообразной и округлой форме и чрезвычайной гибкости суставов. Их морда короткая и круглая, некоторые из их зубов огромного размера и силы, их зрение очень острое как днем, так и ночью; их глаза расположены косо на голове и всегда сверкают в темноте; а иногда и днем, когда они в ярости. Только у мелких племен зрачок имеет вертикальную линию, когда при ярком освещении он сужается. Уши большие, а слух сильно развит. Их запах не столь совершенен, а шероховатость их языка показывает, что их вкус не может быть очень нежным. Эта шероховатость вызвана роговыми сосочками, или маленькими выступами, направленными остриями назад, которые покрывают язык и позволяют ему слизывать мякоть с костей пищи. У них длинные щетинки с каждой стороны рта, которые образуют наиболее чувствительные органы осязания; каждая щетинка вставлена в ложе желез под кожей, сообщаясь с нервом. Когти кошачьих чрезвычайно сильны, остры и изогнуты; ими снабжены все четыре лапы, пять спереди, и четыре сзади; и наиболее эффективная система мускульных приспособлений не только придает такую силу передним лапам, что удар одной из них проломит человеку череп, но и не дает этим когтям касаться земли и позволяет животному втянуть их обратно в ножны. В помощь этому подошва стопы и каждый из пальцев имеют под собой мягкую, эластичную подушечку, по которой они ходят, и поскольку они никогда не касаются пяткой земли, их шаги бесшумны, если только они сами не захотят, чтобы было иначе. Именно своими грозными когтями и еще более грозными зубами они разрывают свою добычу на куски.

Никто из Кошачьего племени не будет есть овощи, если они не одомашнены, даже тогда, но редко; а в своем диком состоянии, если только их не подгоняет голод, они будут есть только то, что сами убили. Они испытывают отвращение ко всему, что подвергается разложению. Мех, за исключением львиной гривы и кошачьей, короткий, плотный и мягкий; при выделке способен придать высокий блеск. Многие из них полосатые и с черными пятнами, а более крупные виды, как правило, теплого, насыщенного цвета. Домашняя кошка, однако, часто бывает белой, черной, серой и пятнистой; некоторые леопарды черные, и есть маленькая, красивая дикая кошка, помеченная как пантера. Все они очень осторожны и хитры и редко встречаются лицом к лицу со своими врагами. Они подстерегают их в засаде и внезапно нападают на них, по-видимому, получая удовольствие от продления их мучений. Они очень чувствительны к ласкам и привязанности, но удар или сердитое слово приводят их в ярость. Они, безусловно, капризны и иногда без всякой видимой причины впадают в приступы дурного настроения, поэтому им ни в коем случае нельзя доверять, даже когда они полны любви и послушания.

Откинутая назад голова, величественная походка и неторопливая манера, с которой он смотрит на своего врага, стали причиной того, что Льва называют царем зверей. Его лишь изредка можно увидеть в лесах, и он обитает на равнинах, где скалы или низкие джунгли служат ему убежищем. Он, однако, отступает перед наступлением людей и теперь покинул многие из тех регионов, где он когда-то был бесспорным хозяином страны. Американский Лев совершенно другой; поэтому можно сказать, что он пересекает только Центральную Азию и почти всю Африку. Раньше восточная граница Европы едва ли служила пределом его присутствию; арабская литература полна упоминаний о нем, и Священное Писание постоянно свидетельствует о его присутствии в Сирии в те времена, когда они были написаны.

Красота львиной гривы хорошо известна. По словам мистера Гордона Камминга, его окрас меняется с возрастом: в молодости он бывает багровым и ярким, в расцвете сил - черным, и ужасным к старости. Однако недавно в Гузерате был обнаружен вид, у которого грива практически отсутствует, у него также более короткие конечности и хвост, причем последний имеет более крупную кисточку на конце. Он дерзок, причиняет большой ущерб скоту и, как предполагается, был изгнан из Катча из-за принятой у туземцев практики сжигания их травы. Часто встречается коготь или колючка на конце львиного хвоста, но они не имеют ничего общего с хвостовыми позвоночными. Вероятно, это затвердевший кусочек кожи или масса слипшихся волосков на манер рога; он снимается лишь при легком прикосновении.

Львы достигают полной силы в пять лет, но живут долго; например, было доказано, что одному из них из Гамбии исполнилось шестьдесят три года. Днем они спят, а ночью кормятся, пьют и наслаждаются тем, что выходят наружу в разгар яростных штормов, добавляя свой могучий рев к реву стихий. В тропической Африке редко бушует буря, но ее устрашающие звуки усиливаются ревом диких животных; рев льва слышен сильнее всех остальных. Бесчисленны истории его грабежей и многочисленны смелые и доблестные подвиги, совершенные европейцами против этой благородной дичи; ниже приводится краткое изложение рассказа, вышедшего из-под пера маркизы Гастингс; оно опубликовано в "Альманахе естественной истории"; героиней погони была она сама.

"Поле было взято в поисках трех львов, которые, как предполагалось, прятались возле палаток. Земля была ровной и вспаханной. Подойдя к опушке джунглей, мы немного остановились; люди толпились вокруг, и через несколько минут деревья были покрыты людьми, которых Фрейзер

разместил там для наблюдения. Когда за нами послали, мы нашли Фрейзера на берегу большого канала — он получил сведения о льве и тигре и попросил нас с Бартоном спуститься на слоне, понаблюдать за руслом канала и медленно двигаться наюг, в то время как он продвигался в противоположном направлении. Остальным членам отряда предстояло пробраться через джунгли наверху, которые были слишком густыми, чтобы через них мог пройти слон. Мы поравнялись с Фрейзером там, где канал был немного шире, и ни один из нас не добился успеха, хотя, проходя мимо, мы обшарили глазами каждый куст. Он попросил нас подождать, пока он не поднимется на берег, чтобы присмотреть за остальными слонами. Не успел он уйти, как львица пересекла узкое горлышко канала прямо перед нами и вскарабкалась на противоположный берег. Я выстрелил, но промахнулся, и она побежала вдоль берега на запад. Мы обернулись и испытали унижение, увидев, как она снова уходит в воду, после чего наш слон стал сопротивляться, завертелся и был настолько неустойчив, что помешал нам выстрелить. Мы последовали за ней в чащу, просунули туда голову слонихи и услышали рычание львицы совсем рядом с нами. Как раз в тот момент, когда мы ожидали ее атаки и приготовили наши ружья, слон снова развернулся и стал совершенно неуправляемым. Во время потасовки между слоном и его погонщиком мы услышали крик о том, что львица снова сбежала. Она снова пересекла Нуллу, и как раз в тот момент, когда мы заставили нашего слона углубиться, львица отбежала назад и притаилась в зарослях слева от нас, там, откуда она изначально появилась. Все это произошло меньше чем за минуту. Затем Фрейзер крикнул нам, чтобы мы вышли из-за куста, поскольку львица была на одной линии с нами, и мы помешали ему выстрелить. Как только мы оказались вне пределов его досягаемости, он выстрелил, и когда слон остановился, я сделал то же самое. Оба выстрела возымели действие, львица легла и глухо зарычала. После нескольких разрядов она попыталась сделать вылазку, но ее поясница была разорвана на куски, что было удачей для нас, так как ее передние части казались крепкими и невредимыми. Она встала на дыбы перед ними и бросила на нас взгляд, в котором читались месть, жалоба и достоинство. Ее голова, наполовину отвернутая от нас, была запрокинута назад, словно готовая наброситься на нас, если бы раны на чреслах не вывели ее из строя. Поскольку теперь было милосердием положить конец ее страданиям, я тщательно прицелился и выстрелил ей в голову. Она сразу упала замертво, и у нее оторвало нижнюю челюсть; ее вытащили на берег и объявили, что ей два года. Она повалила одного мужчину на землю и полностью подмяла его под себя с его тюрбаном во рту, когда пуля задела ее бок. Она немедленно покинула свой трюм и пересекла канал, где мы впервые заметили ее.

В брюссельском зверинце когда-то жил и, возможно, живет до сих пор лев, клетка которого нуждалась в некотором ремонте, и его смотритель попросил плотника заняться этим; но когда он увидел льва, то в ужасе отпрянул назад. Смотритель вошел в клетку, а затем отвел животное в верхнюю ее часть, где позабавился, поиграв с ним, а затем заснул. Плотник, полностью доверяя бдительности сторожа, продолжил свою работу, а когда закончил, подозвал его, чтобы проверить, что он сделал. Человек ничего не ответил; плотник звал снова и снова, но безрезультатно, и, встревоженный, поднялся в верхнюю часть берлоги и заглянул через перила. Увидев льва и его сторожа, спящих бок о бок, он издал громкий крик. Лев внезапно проснулся, встрепнулся, яростно посмотрел на плотника и, положив лапу на грудь своего хозяина, снова улегся спать. Плотник ужасно испугался и выбежал, рассказав о том, что он видел. Кто-то из слуг пошел и открыл дверь, которую плотник запер несколькими засовами, и ухитрился разбудить сторожа, который, открыв глаза, казалось, нисколько не испугался своего положения. Он взял лапу льва, пожал ее и тихо повел его вниз, в нижнюю часть своей резиденции.

Именно от мистера Прингла и мистера Гордона Камминга мы узнаем о самых захватывающих приключениях со львами; и я пользуюсь преимуществом, которое дают мне их страницы. Первый был моим родственником по браку, и я часто беседовал с ним о его путешествиях; это было еще более необычно из-за его хромоты, свидетельствовавшей об энергии того ума, который мог таким образом преодолеть телесную немощь.

Мистер Камминг все еще жив, чтобы рассказывать свои собственные истории; и никто не может слушать или читать его слова, не увидев, что он обладает одним из тех пылких духов, которые любят опасность ради самой опасности, и что его неукротимое мужество и отвага с ранних лет, когда он убивал оленей во владениях своего отца, подготовили его к тому, чтобы он стал тем, кем он является сейчас, самым успешным из всех людей в борьбе с дикими животными.

В примечании к "Поэтическим останкам мистера Прингла" я нахожу следующее примечательное отступление: "Лукас Ван Бюрен обычно носил с собой огромное слоновье ружье, такое же длинное и громоздкое, как он сам; но однажды оставил его дома, когда оно ему больше всего понадобилось. Однажды утром, на рассвете, он ехал верхом по открытым равнинам, недалеко от реки Литл-Фиш, и, заметив на расстоянии льва, попытался объехать его, сделав круг. На обширных равнинах были разбросаны тысячи весенних самок, но, судя по открытой природе местности, охота льва, вероятно, не увенчалась успехом. Лукас вскоре понял, что тот не расположен пропускать его без дальнейших разговоров и что он быстро приближается к месту встречи. Оставшись без ружья, фермер, не склонный завязывать знакомство, повернул свою лошадь под прямым углом и поскакал галопом, спасая свою жизнь. Но было слишком поздно; лошадь устала и несла на спине тяжелого человека; лев был свеж, разъярен от голода и обрушился на него, как удар грома. Через несколько минут он опустил человека и лошадь на землю. К счастью, человек не пострадал, а лев был слишком занят лошадью, чтобы обращать на него внимание. Едва ли понимая, как ему удалось спастись, он ухитрился это сделать и добрался до ближайшего дома. Его замечания, когда он рассказывал о своем приключении, касались дерзости льва, напавшего на христианина; но больше всего его раздражало седло. Он вернулся на то место на следующий день и обнаружил, что кости лошади дочиста обглоданы, а лев и седло исчезли. Лукас сказал, что может извинить зверя за убийство лошади, поскольку тот позволил себе сбежать; но отсутствие седла, для которого, по его словам, льву не могло быть никакой пользы, вызывало у него раздражение и вызывало поток оскорблений всякий раз, когда он рассказывал эту историю.

"Мы, - говорит мистер Прингл, - были на чаепитии у семьи капитана Камерона, от которой нас отделяло всего три мили, и мы считали себя ближайшими соседями; а поскольку погода была хорошая, мы ехали домой при лунном свете, всю дорогу подшучивая над дикими зверями и кофе и нисколько не подозревая, что всю дорогу домой лев преследовал нас в кустах.

Около полуночи я проснулся от необычного шума в загоне для скота и, выглянув наружу, увидел, как весь наш рогатый скот перепрыгнул через высокую изгородь из колючего кустарника и забегал вокруг. Решив, что гиена, вой которой я слышал, ложась спать, всполошил животных, я сделал вылазку, чтобы подстрелить ее. Я, однако, не мог найти никакой причины для беспокойства и, позвав готтентота, чтобы тот отогнал скот и запер его, снова лег спать. На следующее утро капитан Камерон прискакал сказать, что его пастух обнаружил, что большой лев преследовал нас по долине, а затем, при дальнейшем осмотре, мы обнаружили, что он посетил загон и утащил овцу. Казалось, он отступил в горы, и мы не стали его преследовать.

Лев, однако, не был расположен так легко нас отпускать. В ту ночь он вернулся и убил мою любимую верховую лошадь чуть более чем в ста ярдах от моей двери; тогда я счел правильным принять меры к защите и вызвал отряд для его преследования, готтентоты сказали, что, поскольку он съел лишь небольшую часть лошади, он должен быть поблизости. Вскоре собрались семнадцать всадников, мулатов и готтентотов, а также несколько сильных гончих.

"Готтентоты выследили льва пешком, обнаружив его след с удивительной ловкостью, и нашли его в густых зарослях примерно в миле отсюда. Собакам не удалось сбросить его с себя, мулаты объехали джунгли и выстрелили в него, но безрезультатно. Наконец трое шотландцев решили выступить вперед при условии, что мулаты поддержат их огнем. Невзирая на предупреждения более благоразумных людей, они вошли внутрь и, как им показалось, обнаружили льва, притаившегося среди корней большого вечнозеленого куста и свирепо глядящего на них из-под листвы. Они выстрелили и попали не в льва, а в большую глыбу песчаника, которую они ошибочно приняли за него, но за которой он на самом деле лежал. С яростным рычанием он выскочил из кустарника; мулаты бросились врассыпную, оставив шотландцев с разряженными ружьями, спотыкающихся друг о друга в спешке спастись бегством. В мгновение ока он оказался рядом с ними, одним ударом лапы повалил Джона Ренни на землю и, наступив на него одной ногой, оглядел своих противников с сознанием силы и гордости и с самым благородным и внушительным видом, какой только можно было себе представить. Это было самое великолепное зрелище, которое я когда-либо видел; но опасность для наших друзей была слишком велика, чтобы наслаждаться этой картиной. Мы каждую минуту ожидали увидеть одного или нескольких из них разорванными на куски; и все же в их положении, когда один лежал под лапой льва, а остальные карабкались к нам, мы не осмеливались стрелять. К счастью, однако, лев, пристально осмотрев нас, спокойно повернулся, отогнал собак пятками, как будто это были крысы, и, как кошка, перескочил через соседнюю чащу, расчищая кусты высотой в двенадцать-пятнадцать футов, словно это были пучки травы.

Наш товарищ не получил никаких других повреждений, кроме царапины на спине и сильного ушиба, и мы возобновили погоню. Мы обнаружили врага, стоящего в страхе под мимозой. Собаки лаяли вокруг него, но боялись приблизиться, потому что он яростно рычал и размахивал хвостом так, словно замышлял что-то недоброе. Готтентоты, сделав круг, достигли пропасти над ним, другая наша группа заняла позицию на другой стороне долины, так что лев оказался между двух огней; он растерялся, мы отбились от него, и он упал, пронзенный множеством ран. Он казался взрослым, ему было шесть лет, его рост составлял одиннадцать футов от носа до кончика хвоста. Его передняя нога, ниже колена, была такой толстой, что я не мог обхватить ее обеими руками; его голова была почти такой же большой, как у обычного быка. Его мясо, которое мне было любопытно попробовать, напоминало очень белую, грубую говядину с кровью и было скорее безвкусным, чем неприятным".

Последующие рассказы принадлежат перу мистера Гордона Камминга: "Буйвол был ранен, и к двум охотникам, преследовавшим его, присоединились три льва, которые тоже бросились в погоню и, опередив джентльменов, набросились на буйвола. Последний, будучи очень крупным, сильно сопротивлялся; охотники стреляли по лвам, и когда каждая пуля попадала в цель, последним, казалось, казалось, что кровь, которая текла, вытекала из костей буйвола; следовательно, двое были легко убиты, но у третьего хватило ума уйти.

Иногда орикс сражается со львом и выходит победителем; но тела были замечены лежащими близко друг к другу, лев был пронзен насквозь рогами гемсбока, и поскольку он не мог вытащить их снова, каждый умер от смертельного удара, нанесенного, по крайней мере, одним из них.

"Хендрик и Райтер лежали по одну сторону костра под одним одеялом, а Джон Стефолус - по другую; костер был очень маленьким, а ночь была непроглядно темной и ветреной. Внезапно в нескольких ярдах от нас над моим ухом раздался ужасающий и кровожадный рев разъяренного, жаждущего крови льва, за которым последовали вопли готтентотов. Снова и снова повторялся ужасающий рев атаки. Мы услышали, как Джон и Рейтер закричали: "Лев! лев!" И все же в течение нескольких минут все думали, что он всего лишь гоняется за одной из собак по краалю; но в следующее мгновение Джон Стефолус ворвался к нам, почти потеряв дар речи от страха, его глаза вылезли из орбит, и он пронзительно закричал: "Лев! лев! он схватил Хендрика; он оттащил его от костра; я ударил его горячей головней по голове, но он не ослабил хватки. Хендрик мертв! Давайте возьмем огонь и поищем его!" Остальные мои люди метались вокруг, визжа и вопя, как сумасшедшие. Я разозлился на них за их безрассудство и сказал им, что если они не будут стоять смирно, лев растерзает еще одного из нас; скорее всего, их там была целая стая. Собак спустили с поводка, и пожар усилился. Кто-то выкрикнул имя Хендрика, но затем все стихло. Я сказал людям, что он мертв, и приказал отнести все в загон для скота, разжечь костер и как можно лучше закрыть вход. Мы просидели с ружьями в руках до рассвета, каждую минуту ожидая появления льва; собаки дрались друг с другом, затем учуяли льва и лаяли на него до рассвета, время от времени он отгонял их; и всю ночь он пролежал в сорока ярдах от отряда, затащив человека в небольшую ложбинку позади куста. Он вцепился в него когтями и укусил в грудь и плечо, все время ощупывая шею, а когда ухватился за нее, оттащил его в тень. Бедняга закричал: "Помогите мне, помогите мне, о Боже! Люди, помогите мне!" затем все стихло, только его товарищи услышали хруст его костей. Зверь не обращал внимания на удары горящим деревом по голове. Лев утащил его останки на следующее утро, но в дупле была найдена одна из ног бедняги Хендрика, на ноге все еще был ботинок и обрывки его пальто. На следующий день настала очередь льва, ибо отряд, убив его, отомстил за смерть бедного Хендрика".

Часто говорили, что человеческий голос обладает огромной властью над самыми свирепыми животными; и я не думаю, что можно найти более убедительное доказательство этого, чем в этом приключении мистера Гордона Камминга: "Я выстрелил в ближайшую львицу, имея в своем ружье всего один выстрел. Пуля попала плохо; львица, в которую я выстрелил, резко развернулась и бросилась на меня, хлеща хвостом, оскаливая зубы и издавая то ужасное, убийственное, глубокое рычание, которое обычно издает разъяренный лев. Ее товарищ поспешно ретировался. В тот момент, когда львица приблизилась, я встал во весь рост, держа винтовку и вытянув руки высоко над головой. Это остановило ее на полпути, но, оглянувшись, не заметив своего товарища и заметив медленно приближающегося Рейтера, она пришла в еще большее раздражение и, вообразив, что ее вот-вот окружают, сделала еще одно движение вперед, страшно рыча. Это был момент большой опасности, я чувствовал, что моим единственным шансом на спасение была крайняя стойкость, поэтому, стоя неподвижно, как скала, не сводя с нее глаз, я позвал ясным, повелительным голосом: "Привет, старушка! К чему такая спешка? успокойся! Холлоа! холлоа! Она снова остановилась и, казалось, была озадачена, оглядываясь в поисках своего товарища. Затем я счел благоразумным отступить, что я и сделал очень медленно, все время разговаривая со львицей. Она, казалось, не определилась со своими дальнейшими действиями и смотрела мне вслед, обнюхивая землю, когда я видел ее в последний раз".

Я привожу следующий анекдот из второго путешествия мистера Кэмпбелла в Африку. "Лев всю ночь находился рядом с хижиной бушмена, ожидая, как предполагалось, прибытия своих товарищей, чтобы помочь напасть на семью; и если бы они совершили нападение совместно друг с другом, вполне вероятно, что они добились бы успеха. Два пастуха-бутчуана, дежурившие неподалеку на следующее утро, увидели его и побежали сообщить людям. По пути они встретили шестерых грику, которые собирались напасть на грозное существо, уже прослышав, что оно здесь. Приближаясь к нему, они открыли огонь и ранили, но не вывели его из строя. Взбешенный болью, он двинулся вперед, чтобы отомстить нападавшим. Увидев его приближение, грики соскочили со своих лошадей, выстроились в тесную шеренгу хвостами ко льву и встали у головы лошади. Разъяренное животное налетело на бутчуана, которого не защищали лошади и который пытался защититься своим кароссом, или плащом из шкур. Лев, однако, схватил его за руку, повалил на землю; и пока бедняга все еще пытался защищаться, удерживая каросса вокруг себя, лев забрался под него и отгрыз часть его бедра. Его товарищ-бутчуанец в это время метнул свой ассагай, который вошел льву в спину. Грики хотели выстрелить, но побоялись стрелять в человека; чтобы отогнать его, они подняли сильный шум и забросали его камнями. Затем лев оставил человека и бросился на них, когда они снова остановили его атаку, развернув лошадей. Затем он подлез под брюхо кобылы и схватил ее за передние ноги, но она мощным пинком заставила его ослабить хватку. В отместку он одним ударом лапы вспорол тело кобылы и удалился. После этого он попытался обойти лошадей и подойти к людям, но, когда собирался прыгнуть, был, к счастью, убит мушкетной пулей, попавшей за ухо".

Удивительно, говорит м-р Спаррман в своих африканских путешествиях, что, как сообщается, лев часто, несмотря на то, что его провоцируют, довольствуется иногда только ранением представителей человеческого рода или, по крайней мере, выжидает некоторое время, прежде чем нанести смертельный удар несчастной жертве, которая находится под ним. Один фермер имел несчастье увидеть, как лев схватил двух его волов в тот самый момент, когда он выводил их из повозки, но они упали замертво, сломав спины. Отец и двое сыновей искали льва, когда он бросился на них, бросил одного из них себе под ноги, но тот не сильно пострадал, потому что двое других застрелили его на месте. Другой фермер пролежал некоторое время под львом, получил от зверя несколько ушибов и был сильно укушен им в руку, но благородное животное, так сказать, спасло ему жизнь: тем не менее, другие говорят, что если лев однажды отведал человеческой крови, то после этого он всегда будет жаждать ее. Это мнение настолько сильно распространено в Индии, что офицер, который спал, свесив левую руку с кровати, был разбужен своим любимым львом, лизавшим его. Конечно, от шершавого языка пошла кровь, и он попытался отдернуть руку. Лев негромко зарычал, после чего офицер достал из-под подушки заряженный пистолет и застрелил его, будучи убежден, что если он тогда сбежит, то никогда больше не будет в безопасности.

Я мог бы множить свои истории о разрушениях и побегах, пока они сами по себе не составили бы целый том, но я предпочел бы привести несколько примеров благодарности этого великолепного создания. "Однажды, - рассказывает мистер Хоуп, - компания пришла к герцогине Гамильтон посмотреть, как кормят ее льва; и пока они дразнили и провоцировали его, подошел привратник и сказал, что сержант с несколькими новобранцами у ворот просит разрешения посмотреть на льва. Ее милость дала разрешениена это; лев рычал на свою добычу, сержант подошел к клетке, позвал: "Неро, Неро, ты меня не узнаешь", и животное мгновенно подняло голову; встало, оставило свою еду и, виляя хвостом, подошло к прутьям

своей клетки. Мужчина похлопал его по плечу, а затем сказал, что прошло три года с тех пор, как они виделись, что он взял на себя заботу о льве из Гибралтара и был рад видеть, что бедное животное выражает такую большую благодарность. Лев, действительно, казался совершенно довольным, ходил взад и вперед, терся о то место, где стоял его старый друг, и лизал руку сержанта, когда тот протягивал ее ему".

Лев, которого из-за его необычайной красоты должны были отправить в Париж из Сенегала, заболел перед отправлением судна, и его выпустили умирать на открытое пространство. Тамошний путешественник, вернувшись домой с охоты, нашел его в очень измученном состоянии и из сострадания влил ему в горло немного молока. Подкрепившись таким образом, бедное животное выздоровело. С этого времени он стал таким ручным и так привязался к своему благодетелю, что впоследствии ел у него из рук и ходил за ним, как собака, с привязанной к шее веревочкой.

Месье Феликс, один из зрителей животных Парижского зверинца, настолько заболел, что другой человек был вынужден выполнять его обязанности. Лев-самец, которого он сам привел сюда вместе с самкой, постоянно оставался в одном конце своей клетки и отказывался есть что-либо, что давал ему незнакомец, на которого он часто рычал. Ему даже не нравилось общество самки, и он не обращал на нее внимания. Предполагалось, что животное больное, и все же никто не осмеливался приблизиться к нему. Наконец мсье Феликс пришел в себя и, намереваясь застать льва врасплох, просунул свою морду между прутьями решетки. Через мгновение зверь прыгнул на решетку, приласкал его лапами, лизнул в лицо и задрожал от удовольствия. Самка тоже подбежала к нему, но лев отогнал ее, как будто она не собиралась отнимать какие-либо благосклонности у Феликса, а он собирался с ней поссориться. Затем смотритель входил в клетку и ласкал их по очереди, а после этого часто подходил к ним и полностью контролировал их. Они подчинялись всем его приказам, и единственной их наградой было лизать ему руку.

Любопытное обстоятельство имело место в Новом Орлеане в 1832 году, когда медведя спустили в клетку старого африканского льва, предполагая, что его разорвут на куски. Поскольку посмотреть на это варварское зрелище собралось много людей, медведь принял боевую позу и бросился на льва; но, к великому разочарованию всех присутствующих, лев положил лапу на голову медведя, как бы выражая свою жалость, и попытался подружиться с ним. Он взял медведя под свою защиту, не позволял никому приближаться близко к клетке и не спал, пока не выбился из сил, так пристально он присматривал за своим новым другом. Он позволил медведю поесть, но долго отказывался от еды для себя, и когда были получены последние отчеты, продолжал охранять медведя так ревностно, как только мог.

У львицы нет гривы; она меньше и более стройных пропорций, чем самец; она держит голову на одном уровне с линией спины и обладает величественной отвагой льва, но она более проворна. Характер у нее более раздражительный, и мистер Гордон Камминг говорит: "Она более опасна до того, как стала матерью; однако всякий след прирученности исчезает, когда она *становится* матерью, и тогда она находится в постоянном возбуждении, приходя в самую сильную ярость, если кто-нибудь попытается прикоснуться к ее детенышам". История львицы, которая однажды ночью напала на одну из лошадей эксетерской почты, рассказывалась так по-разному, что я рад скопировать правильный рассказ из "Популярной естественной истории" капитана Брауна: "Она сбежала из бродячего зверинца, направлявшегося на ярмарку в Солсбери, и внезапно

схватила одну из ведущих лошадей. Это, конечно, вызвало большую тревогу и замешательство, которые не уменьшились от осознания того, что собой представлял враг; и двое пассажиров, находившихся внутри, укрылись в доме. Крупный мастиф напал на незваную гостью, после чего она соскочила с лошади и повернулась к нему; он убежал, но она погналась за ним и убила, пробежав сорок ярдов. Когда была поднята тревога, ее сторожа бросились за ней, пока она не укрылась под амбаром, все еще держа собаку в зубах. Они забаррикадировали ее там, чтобы помешать побегу, и она редела там так громко, что ее было слышно за полмили. Впоследствии ее схватили и отвели в ее логово; и, конечно, ее приключение увеличило известность зверинца, к которому она принадлежала. До того, как это произошло, она считалась очень ручной и никогда не проявляла никаких признаков свирепости; поэтому она приводит еще один пример того, что доверять этим животным небезопасно: конечно, бедный конь был ужасно разорван, и выражения его агонии были самыми трогательными; львица, однако, не задела жизненно важные части тела".

Пуму или кугуара из Северной и Южной Америки обычно называют львом, но у него нет гривы или хвоста с хохолком, и в молодом возрасте его светло-палевая шерсть покрывается черновато-коричневыми полосами. Однако с возрастом эти отметины исчезают. Он самый крупный из кошачьего племени на этом континенте и очень губителен для мелких животных. Он редко нападает на человека, а в некоторых случаях проявляет столько же храбрости, сколько настоящий лев, и путешественники сделали любопытное наблюдение, что он становится менее смелым по мере приближения к северу. Один из них, подаренный профессору Джеймисону из Эдинбурга, казалось, доставлял удовольствие от игры с бадьей с водой, он также играл с собаками и обезьянами без малейшего нарушения их взаимопонимания; но если в поле зрения появлялась коза или домашняя птица, их немедленно хватили. Однажды ночью ему удалось сбежать из Лондона; и он не оказал сопротивления, когда его поймал сторож. В Пампасах за ним охотятся собаки, а индейцы держат его с помощью боласа или лассо. Он с большой легкостью лазают по деревьям; из его кожи получают отличные перчатки; и многие люди считают его мясо изысканной пищей.

Мистер Уотертон в одном из своих эссе делает несколько замечаний и рассказывает историю, которая должна быть включена в каждую книгу, посвященную кошачьим животным; поэтому, хотя многие другие цитировали их, я не извиняюсь за то, что привожу их здесь в сокращенном виде. Он говорит, что со всеми животными собачьего племени нужно бороться изо всех сил и с непрерывным напряжением в их нападениях на человека; ибо с того момента, как они овладевают собой, они беспокоят и разрывают свою жертву до тех пор, пока в ней остается жизнь. Напротив, животные кошачьего племени, однажды одолев свою жертву, на определенное время перестают наносить ей дальнейшие увечья. Таким образом, в течение важных промежутков времени, от удара, который уложил человека под львом, до того времени, когда лев начнет пожирать его, человек может иметь возможность подняться снова; либо своими собственными усилиями, либо благодаря удачному вмешательству вооруженного друга. Но тогда все зависит от спокойствия со стороны человека, пока он не вонзит свой кинжал в сердце животного; ибо если он попытается сопротивляться, то наверняка ощутит силу когтей и зубов своего противника с удвоенной силой. Много лет назад полковник Дафф в Индии был повержен ударом бенгальского тигра. Придя в себя, он обнаружил, что животное стоит над ним. Вспомнив, что у него при себе кинжал, он как можно осторожнее вытащил его из футляра и одним удачным ударом прямо в сердце уложил тигра мертвым рядом с собой.

Однако конкретный пример, на который ссылается мистер Уотертон и который был рассказан ему самими участниками, я сейчас вкратце привожу: Погода была невыносимо душной. После того, как они напрасно потратили значительное время на то, чтобы пробираться сквозь траву и кусты в надежде обнаружить место убежища льва, они (группа) пришли к выводу, что он полностью прошел джунгли, и ушли в противоположном направлении. Решив не дать дичи ускользнуть, лейтенанты Деламейн и Лэнг вернулись к слону и немедленно отправились в обход джунглей, надеясь обнаружить маршрут, по которому, по их предположению, прошел лев. Капитан Вудхаус, однако, остался в чаще, и поскольку он мог различить на земле отпечаток лапы животного, он смело решил идти по следу во что бы то ни стало. Охотник-индеец, продолжавший поиски дичи вместе со своим командиром, наконец заметил льва в укрытии и указал на него капитану, который выстрелил, но, к сожалению, промахнулся. Теперь не оставалось другого выхода, кроме как отступить и зарядить винтовку. Отойдя на некоторое расстояние, к нему присоединился лейтенант Деламейн, который спешил со своего слона, услышав выстрел. Эта неожиданная встреча укрепила надежды капитана на окончательный успех. Он указал лейтенанту место, где тот, вероятно, найдет льва, и сказал, что поднимется к нему через минуту или две.

Лейтенант Деламен, пройдя восемь или десять шагов, увидел льва и выстрелил в него из ружья. Это разозлило могущественного короля, и он бросился к нему. Теперь капитан Вудхаус оказался в неловком положении. Он понимал, что если он вернется по своим следам, чтобы занять лучшую позицию для атаки, то просто доберется до места, к которому приближался лев, поэтому он немедленно решил стоять неподвижно в надежде, что лев пройдет мимо на расстоянии четырех ярдов или около того, не заметив его, поскольку окружающее его укрытие было густым и прочным. В этом, однако, он был обманут, потому что разъяренный лев увидел его, когда он проходил мимо, и бросился на него со страшным ревом. В одно мгновение, как будто это было сделано ударом молнии, ружье было сломано и выброшено из рук капитана, его левая нога в тот же момент была схвачена когтями, а правая рука - зубами его отчаянного противника. Лейтенант Деламейн подбежал и разрядил свое ружье во льва; и это заставило льва и капитана вместе упасть на землю, в то время как лейтенант поспешил из джунглей перезарядить свое ружье. Лев принялся ломать капитану руку, но храбрец, несмотря на боль, имел хладнокровную решимость лежать неподвижно. Величественный дикарь выронил руку изо рта и спокойно принял лежащее положение, положив обе лапы на бедро своего поверженного врага. Пока все было в такой неблагоприятной ситуации, капитан машинально поднял руку, чтобы поддержать голову, которая при падении отклонилась. Однако не успел он пошевелить ею, как лев схватил разорванную руку во второй раз; хрустнул ею, как и в прошлый раз, и сломал кость еще выше. Это дополнительное *воспоминание о смерти* льва не ускользнуло от внимания капитана Вудхауса; оно сразу же напомнило ему, что он совершил неосторожный поступок, пошевелившись. Неподвижное состояние, в котором он пребывал после этого недвусмысленного намека, свидетельствовало о том, что он извлек пользу из этого болезненного урока.

Теперь оба лейтенанта спешили ему на помощь, и он слышал долгожданный звук приближающихся шагов; но, к несчастью, они шли не в ту сторону, так как лев был между ними и ним. Понимая, что, если его друзья выстрелят, пули попадут в него после того, как пройдут сквозь тело льва, капитан Вудхаус тихо произнес: "На ту сторону! на ту сторону! Услышав голос, они посмотрели в ту сторону, откуда он доносился, и, к своему ужасу, увидели своего храброго товарища в крайней нужде. Сделав круг, они осторожно подошли с другой стороны, и лейтенант

Деламейн, чье хладнокровие при столкновениях с дикими зверями всегда бросалось в глаза, с расстояния около дюжины ярдов выстрелил во льва поверх тела распростертого воина. Лев лишь задрожал; его голова упала на землю, и через мгновение он лежал мертвый на боку, рядом со своей предполагаемой жертвой.

ТИГРЫ.

Наверх

Тигр - исключительно азиатское животное, и ареал его обитания простирается не только на более южную часть этого континента, но и на более крупные острова архипелага, где он особенно разрушителен. Он такой же высокий, как лев, но не такой сильный; однако он более проворен, грациозен и коварен. Он приседает и в основном прыгает так же, как лев и другие животные семейства кошачьих; он более свиреп и может даже драться со львом. Кажется, ему нравится сама кровь, потому что он убьет несколько жертв, высосет их кровь и оставит их трупы на съедение при другой возможности.

Окрас тигра - ярко-рыжевато-коричневый, снизу белый, на спине, боках и хвосте широкие черные полосы. Голова у него круглее, чем у льва, и он совершает самые огромные прыжки; его до некоторой степени можно приручить, но никогда нельзя доверять. Он рыщет и днем, и ночью; и в некоторых местах причиненные им разрушения ужасающи. Ничто не может сравниться с трагическими историями, которые рассказывают о нем в странах, где он существует в большом количестве; и в одной части Индии, как говорят, ежегодно уносилось по меньшей мере триста жизней в округе, состоящем из семи деревень, независимо от огромного количества овец, коз и крупного рогатого скота. Лошади не будут стоять в его присутствии сколько-нибудь устойчиво, а слон ведет себя беспокойно, когда находится рядом с ним. Этому сообразительному животному часто удается стряхнуть его; и если оно ухватило за его хобот, оно топчет его передними ногами и таким образом уничтожает. Если он не может выбросить его из своего тела, он ложится на него и пытается убить, навалившись на него своим тяжелым весом. Однако тигр редко становится агрессором, если только его не подтолкнет к этому голод или обезумевшие от боли и отчаяния, и тогда он борется до самой смерти. Он прячется с такой осторожностью и мастерством, что путешественников хватают, даже не подозревая о его близости. Невесту отняли у ее верблюда, спортсмена - у его слона, а ребенка - у его матери.

Тигров гораздо легче поймать в капканы, чем львов; и те, которые используются чаще всего, сделаны так, чтобы бросаться на них, когда они схватят приманку. На Суматре туземцы отравляют туши, которые им оставляют, или привязывают эти приманки к столбу или дереву и ставят рядом сосуд, наполненный мышьяком и водой, которую тигр неизменно выпивает, насытившись.

Тигра легко вспугнуть внезапным шумом, как доказывает хорошо известная история о миссис Дэй и ее зонтике; но у меня есть другой, более свежий пример этого, который произошел с моим братом. Однажды вечером он возвращался к себе домой от своего собрата-офицера, с которым он обедал, и его встретили слуги, которые посоветовали ему поторопиться домой, потому что вокруг рыскал тигр; и действительно, рядом с ним был шакал, который так часто сопровождает тигра в поисках его добычи. Мой брат провел в Индии два или три года и все же никогда не

видел ни одного из этих животных, поэтому он сказал своим людям, что они могут вернуться, но он должен остаться, потому что ему очень хотелось увидеть тигра. Они тщетно пытались отговорить его; но, вообразив, что зверь где-то рядом, они все убежали, бросив его на произвол судьбы. Он тихо сел на берегу своего сада и пробыл там совсем недолго, когда тигр действительно появился. Он остановился, выглядел очень величественно и, казалось, сомневался, стоит ли ему нападать на неподвижного человека перед ним, и никогда не было более красивого животного, чем он казался. Он издал что-то вроде рычания и присел на корточки, как часто делает кошка, когда мучает мышь; и мой брат чуть не решил, что заблудился. Он вообразил, что его спрятали и что тигр не мог заметить его, когда он проходил мимо; но он снял свою гренадерскую шапку, которая была ему велика и покрыта медвежьей шкурой, и, поднеся ее к лицу, заревел в нее так громко, как только мог; шум и действие так удивили тигра, что он повернулся и прыгнул в соседнюю чащу. Мой брат поспешил прочь и встретил своих слуг, которые, когда опасность миновала, шли защищать своего господина с барабанами и факелами.

Известно, что тигр хватается, не прыгая, подтверждением чему является следующий анекдот, рассказанный мне другом. Он поднимался вверх по одной из рек в Ассаме в то время, когда наши войска овладели этой страной, в крытой лодке, и его главный слуга удалился на крышу навеса, чтобы покурить в свое удовольствие. Река была узкой, берега высокими, и они шли неторопливым шагом, когда мой друг услышал легкую возню у себя над головой, затем крик, за которым последовали крики его спутников. На вопрос о причине последний сказал ему, что тигр забрался на верх лодки, протянул лапу, схватил человека, когда лодка проплывала мимо, и утащил его в джунгли.

История одного неудачливого проводника - пример немедленного причинения вреда, вызванного первым ударом одного из этих могущественных существ. Бедняга упрекнул офицера, чей отряд он вел, в неосторожности выступать до рассвета; но офицер, предположив, что это из-за лени, пригрозил наказать его, если он не пойдет дальше. Человек взял свой щит и меч и пошел по узкой тропинке, окаймленной с обеих сторон высокой травой и бамбуком. Проехав пять миль, офицер услышал оглушительный рев, и большой тигр пронесся мимо него так близко, что чуть не задел его лошадь, и прыгнул на проводника. Последний поднял свой щит, но в одно мгновение оказался на земле, под лапами тигра, который вцепился в него зубами, зарычал и посмотрел на офицера. Тигр подвергся нападению и был так тяжело ранен, что уронил свою жертву; но с бедным проводником все было кончено, первый удар буквально разнес ему голову вдребезги.

На равнине у реки Нарбудда группа людей охотилась на тигра, но зверь, казалось, не был склонен вступать в схватку со своими противниками. Он рысцой пересек равнину и, проходя мимо несчастной коровы, поднял лапу, ударил ее по плечу, и она упала. Он пошел дальше, и когда охотники осмотрели корову, она была мертва, так как он оставил отпечатки всех пальцев ног и, фактически, каждой части своей лапы на лопатке, не нанеся ни малейшей раны.

Следующие анекдоты были получены из различных источников, и некоторые из рассказчиков были действующими лицами в описываемых сценах. Тигр прыгнул на плечо слона лейтенанта Колнетта, который в этой ситуации выстрелил в него, и он упал. Решив, что он выведен из строя, лейтенант спустился со слона, намереваясь прикончить его своими пистолетами; но, слезая, он столкнулся с тигром, который успел пригнуться только для второго прыжка и который, схватив

его за бедро, протащил некоторое расстояние по земле. Преуспев в том, чтобы вытащить из-за пояса один из пары пистолетов, лейтенант Колнетт выстрелил и попал пулей в тело тигра, когда зверь пришел в ярость, сильно встряхнул его, не выпуская из рук, и убежал со своей добычей в самую густую часть джунглей. Пытаясь высвободиться из лап животного, лейтенант схватил тигра за оба уха, и через некоторое время ему удалось повалить зверя на бок, после чего он воспользовался его мгновенным освобождением, вытащил оставшийся пистолет и, приставив дуло к груди тигра, выстрелил ему в сердце. Затем он вернулся к своему слону, на которого взобрался без посторонней помощи, не чувствуя в тот момент почти никакой боли от ран, хотя получил не менее тридцати пяти, от последствий которых еще долго продолжал страдать.

С какой-то высоты спустился очень большой королевский тигр. После того, как он устроился, к нему приблизился отряд, и он, казалось, хотел броситься в атаку, но выказывал большое нежелание покидать место, где отдыхал. Несколько пуль попали ему в бока, а мушкетная пуля, наискось пробив бок, прошла через печень, и он больше не поднялся. Его шкура достигала десяти футов четырех дюймов с половиной, и ему было десять лет от роду, потому что у него было десять долей печени, а туземцы определяют возраст тигра по внешнему виду печени.

Я процитировал приведенный выше анекдот не для того, чтобы доказать правдивость этого обстоятельства относительно печени тигра, а в качестве местной традиции.

Жители Читтагонга были встревожены появлением тигрицы, которая впервые была обнаружена среди крупного рогатого скота, пасущегося в устье реки. При первой тревоге местные жители собрались со всей быстротой и двинулись против нее. Раздраженная этим, она яростно прыгнула на ближайшего к ней человека и тяжело ранила его. Однако немедленная атака толпы увенчалась успехом и мужчина был вырван из ее рук. После этого тигрица, обнаружив, что окружена со всех сторон, и не видя другого способа скрыться от толпы, кроме как у реки, бросилась в воду и проплыла около пяти миль, преследуемая туземцами в их лодках, пока не пристала к берегу под деревом на верфи. Здесь она прилегла, очевидно, сильно утомившись; но прежде чем люди во дворе успели взять наизготовку огнестрельное оружие, она в значительной степени восстановила свои силы. В нее было произведено несколько выстрелов, и два из них попали в ее тело, один из которых привел к ее хромоте. Доведенная этим до отчаяния, она бросилась на своих новых противников и, заметив во дворе европейского джентльмена, у которого был кортик, прыгнула на него прежде, чем он успел воспользоваться своим оружием; сбила его с ног передней лапой, схватила его голову зубами, откусила значительную часть кожи у него на лбу и ранила в нескольких местах. После этого она набросилась на туземца, проломила ему череп и нанесла другие такие ужасные раны, что он умер на следующий день. Затем она вошла в заросли неподалеку, где ей позволили оставаться в безопасности. Утром следующего дня она отошла примерно на милю от берега и приблизилась к деревне сипаев. Здесь ее окружило около тысячи туземцев, когда, хотя она была очень хромой, она яростно набросилась на нескольких из них и так ужасно ранила одну бедную женщину, что та умерла. Однако удачный выстрел поверг животное ниц.

Есть рассказ о ручном тигре, который был привезен из Китая на пароходе "Питт Ост-Индиан", который был настолько одомашнен, что допускал всевозможные фамильярности со стороны людей на борту. Он казался совершенно безобидным и игривым, как котенок. Он часто спал вместе с матросами в их гамаках и позволял двоим или троим из них класть головы ему на спину, как на подушку, пока он лежал, растянувшись на палубе. Однако в обмен на это он, время от

времени воровал у них мясо. Однажды, стащив у плотника кусок говядины, мужчина последовал за животным, вынул его у него изо рта и жестоко избил за кражу, наказание за которую он перенес со всем терпением собаки. Он часто выбегал на бушприт, лазал по нему, как кошка, и выполнял множество трюков с поразительной ловкостью. На борту была собака, с которой он часто забавлялся самым забавным образом; ему было всего месяц или шесть недель, когда его взяли на борт, и он прибыл в Англию, прежде чем ему исполнился год".

Тигр не так любит своих детей, как лев, и часто бросает самку, пока она растит своих детенышей. Тигрица уничтожит свое потомство так же, как это делает кошка; но ниже приводится пример ее привязанности, взятый из книги капитана Уильямсона "Восточные полевые виды спорта". Этому офицеру принесли двух тигрят, которые были обнаружены вместе с еще двумя жителями деревни, когда их мать отправилась на поиски добычи. Капитан отвел их в конюшню, где ночью они очень шумели. По Прошествии нескольких дней их мать, наконец, обнаружила, где они, пришла на помощь и ответила на их крики ужасающим воем, который побудил их сторожа выпустить детенышей на свободу, чтобы не прорвало плотину. Она унесла их в соседние джунгли еще до наступления утра.

Епископ Хибер с удовольствием сравнивает легкое колыхание высокой травы в джунглях, которое выдает присутствие тигра, с пузырьками, поднимающимися к поверхности воды и указывающими на место, где прячется выдра.

Огромная сила тигра часто проявляется в том, как он перекидывает свою добычу через плечо и несет ее в свое логово на съедение. Говорят, что один из них нес таким образом буйвола, который весил тысячу фунтов. Капитан Браун дает следующий отчет о врожденной любви тигра к плоти: "Компания джентльменов из Бомбея, однажды посетивших колоссальный храм слонов, обнаружила тигренка в одном из темных закоулков. Желая похитить детеныша, не столкнувшись с яростью его матери, они поспешно выбрали его и осторожно отступили. Будучи полностью предоставленным свободе и чрезвычайно хорошо накормленным, тигр быстро рос, казался ручным и во всех отношениях одомашненным. Наконец, когда он достиг больших размеров и, несмотря на свою кажущуюся мягкость, начал внушать ужас своей огромной способностью причинять вред. Кусок сырого мяса, с которого капала кровь, упал у него на пути. До сих пор его старательно оберегали от животной пищи, но в тот момент, когда он окунул язык в кровь, животным, казалось, овладело нечто похожее на безумие. Разрушительный принцип, до сих пор дремавший, пробудился; он яростно бросился с горящими глазами на свою жертву, с яростью разорвал ее на куски и, рыча самым устрашающим образом, сразу же бросился в джунгли".

Мне не жаль заканчивать этот рассказ о тигре старой историей, в которой свирепый хищный зверь предстает в более приятном свете, чем большинство предыдущих историй.

"Необычайной красоты тигрица из Бенгалии, будучи чрезвычайно послушной по пути домой из Калькутты, получила разрешение бегать по судну и стала чрезвычайно фамиллярной с матросами. Однако по прибытии на Темзу ее характер стал очень вспыльчивым и даже опасным. Ее поместили в Тауэр, где она некоторое время продолжала демонстрировать угрюмый и дикий нрав. Однажды человек, который присматривал за ней на борту корабля, посетил Башню и попросил разрешения у смотрителя войти в ее логово, на что тот наконец согласился, хотя и с большой неохотой. Как только тигрица узнала своего старого друга, она принялась заискивать передним, лизать и ласкать его, проявляя самые экстравагантные признаки удовольствия; и когда он ушел от нее, она скулила и плакала весь последующий день".

ЛЕОПАРДЫ, ПАНТЕРЫ И Т.Д.

Наверх

Кошачий Леопард и Кошачий Пардус авторов представляют Леопарда и Пантеру; но было невозможно установить какие-либо признаки, которые отмечали бы разницу между ними. Использовались размеры, цвет, форма и расположение пятен, но возраст и местность отбросили все правила в сторону, и поэтому, описывая их, я буду использовать этот термин без разбора. Их необычайная красота и большая послушность делают их более интересными, чем тигр; тем не менее, с ними, как и с другими представителями кошачьего племени, не следует обращаться слишком откровенно. Их внутренняя анатомия и зубной ряд совпадают с анатомией тигра, но они меньше и тоньше ростом, являются уроженцами Востока, но особенно многочисленны в большинстве частей Африки. Они чрезвычайно активны и грациозны; плавают, лазают по деревьям или скользят по земле, как змеи, и очень склонны набрасываться на своих жертв с ветвей деревьев. Их шерсть того красивого рыжевато-коричневого оттенка, который так хорошо контрастирует с их черными розетками, или пятнами.

Мое первое личное знакомство с леопардами и пантерами состоялось на подветренном побережье Африки, и один из последних, привезенный м-ром Боудичем и мной в живом виде в эту страну, сначала привел в восторг людей науки, потому что в его удивительно красивой шкуре они надеялись найти признаки, которые обозначили бы разницу между этими двумя животными; но по мере того, как мы снимали шкуру за шкурой, они снова начали сомневаться, и проблема до сих пор остается нерешенной. Моя история пантеры Ашанти так часто повторялась в различных работах, что я не решился бы приводить ее здесь, если бы она не была неоднократно представлена публике в форме, придуманной не мной. Единственный другой отчет, написанный моим пером, был предоставлен мистеру Лаудону для его журнала естественной истории, к которому я сейчас вношу несколько дополнений.

Пантера, о которой я упоминаю, была одним из двух детенышей, найденных в одном из лесов королевства Ашанти. Их обоих доставили к королю, и когда мистер Хатчисон (резидент, оставленный в Кумаси мистером Боудичем) прибыл в штаб-квартиру, его Величество пожелал, чтобы это было представлено губернатору. Он задушил своего брата в припадке ревности, будучи гораздо крупнее из них двоих, но был чрезвычайно послушным и добродушным, и его вели только на цепи, освобождая, когда готовилась еда, и в этих случаях он получал свою долю; но раз или два он угощался домашней птицей, и так как он всегда отдавал ее своему хозяину, его иногда нанимали добывать провизию, когда туземцы угрюмо отказывались от нее. Однажды он сидел позади мистера Хатчисона, положив подбородок ему на плечо, когда этот джентльмен освежился, плеснув немного лавандовой воды на свой носовой платок. В одно мгновение эта пантера вырвала его у него из рук, словно в состоянии экстаза, и не переставала кататься по нему, пока батист не разорвался в клочья.

На следующий день после его прибытия в Кейп-Кост его провели в зал, где мы все обедали; и он принял наши приветствия с явным удовольствием. Однажды он встал на задние лапы, а передние положил на плечи офицеру, который поспешно ретировался, и было забавно видеть

непреодолимый страх перед ним, который охватывал людей, неустрашимых там, где дело касалось только людей. Мы называли пантеру "Сай" в честь короля, и он содержался при маленьком дворе; его когти и зубы были подпилены, и ему не давали живой пищи. Присматривать за ним был назначен мальчик. Он был совершенно безобиден, и единственное насилие, которое он проявил, было, когда слуга отобрал у него еду, а затем он оторвал кусок от ноги мужчины. Однажды он вырвался и бросился на крепостной вал, где устроил сцену замешательства, которая была довольно смехотворной; часовые разбежались, офицеры закрыли свои двери, ворота замка были заперты; но когда он устал от своей скачки, игривый зверь спокойно улегся под лафетом пушки и позволил своему слуге увести его. Наконец ему разрешили разгуливать на свободе, был отдан приказ не допускать его выхода за ворота; и мальчику пожелали не покидать его. Он, однако, часто засыпал, и в этих случаях Саи крадучись подкрадывался к нему сзади, когда он садился прямо, и сбивал его с ног ударом лапы, когда он от восторга вилял хвостом. Его главным развлечением было стоять на задних лапах, положив передние на подоконник одного из окон, просунув между ними подбородок, и оттуда созерцать все, что происходило в городе внизу. Но это также было любимым занятием детей моего дяди; и там не всегда хватало места для всех, поэтому они часто стаскивали его за хвост и занимали его место, не вызывая его гнева. Его привязанность к моему дяде была очень велика, и жил он в основном в его комнате. Однажды он скучал по нему, когда тот вел большую беседу в холле, и бродил в поисках его. Толпа помешала пантере увидеть своего друга, и он побрел в другие части замка, в том числе в мою комнату, где улегся с безутешным видом. Закончив беседу, губернатор вернулся в свою комнату, чтобы написать, и, когда дверь была открыта, он услышал, как Саи медленно поднимается по лестнице. Пантера вздрогнула, увидев объект своих поисков, и, когда она одним прыжком пересекла комнату, мой дядя счел себя потерянным; но ласковое создание уткнулось головой в плечо своего хозяина, потерлось о него щекой и только ласками пыталось выказать свое счастье. Он очень любил прятаться под одним из диванов в холле, где только шорох, высунутая лапа или случайный писк из-за укрытия выдавали его присутствие. Однажды губернатор принимал у себя нескольких офицеров из Эльмины, когда в разгар оживленной дискуссии они оба побледили и замолчали. Хозяин поднял глаза— "Прошу прощения, - сказал один из них, - но известно ли вам, какое животное сейчас лежит под этим диваном?" "Сай, - сказал мой дядя, - подойди и поговори с этими джентльменами". Пантера подошла к ним, и оба метнулись за спину Губернатора, и им стало не по себе, когда Саю приказали вернуться в его укрытие. Встретившись с одним из них за ужином, я подшутил над его страхами, и он признался, что никогда еще не был так напуган. Одно из самых забавных обстоятельств, сопровождавших пребывание Саи в замке, произошло с женщиной, которая каждый день перед подачей ужина подметала пол в большом зале маленькой ручной метелкой, называемой прах-прах. Она была занята своим обычным занятием, не зная, что Саи рядом, и опустила почти на четвереньки, когда во внезапном порыве веселья пантера запрыгнула ей на спину и стояла там, виляя хвостом. Естественно, предположив, что ее собираются сожрать, бедная женщина прах-прах закричала так яростно, что позвала других слуг, после чего они, будучи того же мнения, что и она сама, и думая, что их очередь может наступить следующей, убежали; и ее не отпускали, пока губернатор, услышав шум, не пришел ей на помощь.

Прежде чем Саи подняли на борт судна, на котором нам предстояло плыть вместе, мы стали самыми лучшими друзьями, какие только возможны; и мы с моим дядей уговорили его сесть в клетку, сделанную специально для него. Его посадили в каноэ, люди, принадлежавшие к которому, были так встревожены, когда он пошевелился, что перевернули каноэ, и бедное

животное погрузилось в море. Мы наблюдали за ним из окна замка и сочли его погибшим; но несколько матросов с корабля, увидев бедствие, прыгнули в лодку и спасли его. Он был так подавлен своим нырянием и неуютной сыростью в клетке, потому что никто не осмеливался открыть ее, чтобы вытереть его, что свернулся калачиком в углу и только через несколько дней проснулся от моего голоса. Когда я впервые заговорил, он поднял голову, склонил ее сначала в одну сторону, потом в другую, а когда я полностью появился в поле зрения, вскочил на ноги и, казалось, обезумел от радости; он катался снова и снова, выл, разевал свои огромные челюсти и, казалось, мог разорвать свою клетку на куски, чтобы подобраться ко мне поближе. Постепенно, однако, его буйство утихло; он был обильно обласкан и с тех пор ел все, что ему предлагали: возможно, он страдал морской болезнью. Я дважды в неделю поила его лавандовой водой, наливая в чашку из плотной бумаги, но никогда не позволяла ему пить, когда у него выдвигались когти; так что он научился втягивать их по моему приказу.

Пока мы неделями лежали в реке Габун, ему ни разу не разрешали покидать свою клетку, потому что палуба была постоянно заполнена чернокожими, к которым он всегда испытывал решительное отвращение. Я уже упоминал о его ярости при виде шимпанзе и обезьян, и лишь второстепенным по сравнению с этим было приближение свиней, которых он, казалось, жаждал сожрать.

По пути непосредственно в Англию я думал, что он умер бы с голоду; потому что мы были захвачены на abordаж пиратами, которые забрали почти всю нашу провизию, конечно, включая живность, и если бы не многочисленные попугаи на судне, Саи, должно быть, встретил бы печальную смерть. Некоторые умирали ежедневно, когда мы переезжали в более холодный климат, и ему разрешали по одному в день. Этого было как раз достаточно, чтобы не дать ему умереть с голоду, и это иногда заставляло его хватать пищу с такой жадностью, что он не давал себе времени обрывать перья; со временем они образовывали в кишечнике твердое вещество, от которого ему становилось очень плохо, он отказывался даже от своей небольшой порции пищи, и я думал, что умер бы; но я приготовил несколько пилуль из каломели, масла и муки и засунул их ему поглубже в глотку, в то время как его личный помощник, один из юнгбайков, держал его челюсти открытыми. Мальчик проспал с ним в клетке всю ночь, а на следующее утро я ввел еще одну дозу, которая привела к его излечению.

Поскольку после долгого отсутствия в Англии у нас не было жилья для такого заключенного, мы как можно скорее подыскивали для него дом. Он был представлен герцогине Йоркской, которая взяла его на борт в Эксетер-Чейндж, пока сама не отправилась в Отлендз. Я навещал его несколько раз; и только хитростью мне удавалось уйти так, чтобы он не последовал за мной. Однажды утром герцогиня позвонила и поиграла с ним, когда он, казалось, был в полном здравии. Вечером, когда ее кучер поехал за ним, он был мертв, *исказали* что его болезнь вызвана воспалением легких.

Пантера считается священным животным на Золотом берегу; и священники требуют штраф за каждого убитого; следовательно, они и леопарды (если есть какая-то разница) многочисленны и иногда причиняют много вреда. Они перепрыгивают через высокие стены или частоколы и уводят содержащихся внутри овец и коз, возвращаясь с ними в зубах. Ночью они выходят на улицы городов или деревень, где я часто видел, как они прыгают и гоняются друг за другом. У нашего главного хирурга был дом на окраине леса, чтобы у него было больше места, чем в казармах; и однажды ночью, когда он спал там, ему показалось, что он слышит, как его

мальчишки-слуги (которые обычно оставались всю ночь на веранде) танцуют за дверью его спальни. Он крикнул им, чтобы они замолчали, и на минуту или две шум прекратился; поскольку это повторялось несколько раз, он встал, взял большую палку, немного приоткрыл дверь, чтобы наказать их, когда вместо своих соболиных слуг увидел двух больших пантер, исполняющих свой собственный танец; и едва ли нужно говорить, что он быстро закрыл дверь и терпеливо отнесся к помехе.

У женщины из Аннамабу были сильные шрамы на одной руке и плече из-за того, что пантера прыгнула на нее, когда ее ребенок был у нее за спиной, а она несла кувшин с водой. Кувшин упал, и она так энергично атаковала его глаза, что он растерялся и отступил. Это не единственный случай, о котором я слышал, когда диких и свирепых животных отгоняли ударами в этой части города.

Маленькой девочке четырнадцати лет, которая должна была стать моей горничной, как только подрастет, повезло меньше, чем ее соседке: на нее напала пантера, которая прыгнула на нее через открытое окно в комнате, где она спала одна. Ее крики собрали вокруг нее ее семью, и зверь убежал так же, как и вошел, но, однажды попробовав крови, он был уверен, что вернется, и был сделан капкан, в который он попал следующей ночью; штраф был уплачен, а шкура передана мне. У бедной девочки был сорван кусок скальпа, треугольный кусочек был откушен от плеча, а на горле по обе стороны трахеи зияли глубокие раны. Все эти раны выглядели так, словно их нанесли ножом; ни одна из них не была смертельной, но у нее не было сил противостоять слабости, которую они порождали. Отец доставил ее на каноэ в штаб-квартиру для осмотра английским хирургом, но она скончалась, когда ее вынесли на берег.

Компания из нас отправилась в церковь Святой Марии недалеко от устья реки Гамбия, и вечером яркий лунный свет побудил нас совершить прогулку. Это было не очень благоразумно, но мы отправились - комендант, дама-квакерша и я - на опушку леса. Моя спутница после того, как мы отошли на некоторое расстояние, начала думать об опасности, и я из озорства зашуршал в ветвях чащи, чтобы еще больше встревожить ее. Мы дошли до источника под огромным баобабом, где простояли некоторое время, пока обезьяны не начали сбрасывать нас с дерева через наши головы. Легкое движение в кустах также, казалось, говорило о том, что пора уходить; и затем, рассуждая о нашей собственной глупости, мы пошли дальше и благополучно добрались до дома. На следующее утро нам сообщили, что огромный леопард был пойман в ловушку недалеко от источника, через полчаса после того, как мы были там, и его следы пересеклись с моими на песке. Мы так и не смогли понять, говоря по-человечески, что нас спасло, если только не длинные белые перья, развевавшиеся на шляпе коменданта. Эти ловушки, как правило, представляют собой ловушки, в которые слишком часто насаживают живого козленка, крики которого привлекают хищного зверя.

Ягуар - это американский леопард, который временами бывает очень разрушительным; однако причиной тому является голод; и барон Гумбольдт рассказывает историю об одной туземке, чьи дети ежедневно играли с леопардом, который приходил из близлежащего леса. Она обнаружила это из-за крика одного из детей, который получил царапину во время игры от своего товарища, который был немного слишком груб. Если бы ему потребовался ужин, рана, вероятно, была бы больше, чем царапина. Д'Азара, однако, говорит, что это очень свирепое животное, причиняющее большие разрушения лошадям и ослам. Он очень любит яйца, отправляется к берегам, часто посещаемым черепахами, и выкапывает их из песка.

Двое первых поселенцев в западных штатах Америки, мужчина и его жена, закрыли свою деревянную хижину и отправились в гости на расстояние, оставив внутри только что убитый кусок оленины.

Двускатная часть этого дома не была заколочена так высоко, как крыша, но было оставлено большое отверстие для света и воздуха. Сделав огромный прыжок, голодный ягуар, привлеченный запахом оленины, проник в хижину и сожрал часть ее; его потревожило возвращение хозяев, и он ушел. Оленину убрали: на следующую ночь муж ушел довольно далеко и оставил свою жену одну в хижине. Не успела она долго пробыть в постели, как услышала, как ягуар прыгнул в открытую дверь; между ее комнатой и той, в которую он вошел, не было двери, и она не знала, как защититься. Она, однако, кричала так громко, как только могла, и издавала все яростные звуки, какие только могла придумать, что в тот момент отпугнуло его; но она знала, что он придет снова, и она должна быть готова к нему. Она попыталась развести большой костер, но дрова были израсходованы. Она подумала о том, чтобы завернуться в постельное белье, но это было бы сорвано. Сама собой напрашивалась мысль забраться под низкую кровать, но она была уверена, что оттуда протянется лапа, которая вытащит ее наружу: ее муж забрал все их огнестрельное оружие. Наконец, услышав, что на этот раз "ягуар" карабкается вверх по стене дома, она в отчаянии полезла в большой сундук, крышка которого закрылась на пружину. Едва она оказалась внутри и опустила крышку, просунув пальцы между ней и стенкой сундука, когда ягуар обнаружил, где она находится; он понюхал сундук, попытался просунуть голову в щель, но, к счастью, не смог поднять крышку; он нашел ее пальцы и начал их облизывать; она почувствовала, что они кровоточат, но не осмелилась пошевелить ими, опасаясь, что задохнется. Наконец ягуар прыгнул на крышку, и его вес, придавив крышку, сломал эти пальцы. Она все еще не могла пошевелиться, он снова принохивался, тянул, прыгал назад и вперед, пока, наконец, устав от своих напрасных усилий, не ушел. Бедная женщина пролежала там до рассвета, и только тогда, почувствовав себя в безопасности от своего врага, она пошла так быстро, как только позволяли ей силы, к ближайшей соседке, находившейся на расстоянии двух миль, где она попросила помощи для своих раненых пальцев, которые долго заживали. Вернувшись, ее муж обнаружил в лесу неподалеку самца и самку ягуара с их детенышами; и все они были уничтожены.

В доказательство того, что эти животные пугаются так же быстро, как тигр, нам рассказывают об индейце, который увидел свирепого на вид ягуара, стоявшего прямо у него на пути, на расстоянии десяти шагов. Сначала он был крайне озадачен, не зная, что делать; но внезапный порыв побудил его снять свою широкополую шляпу, низко поклониться и сказать: "И вам доброго утра, сэр"; и, к его удивлению, ягуар развернулся и неторопливо зашагал прочь.

В зверинце Ботанического сада в Париже жила очень красивая Унция, которая стала чрезвычайно ручной; и мадемуазель. Мы с Кювье очень часто ходили с ним гулять, выводя его из его логова на небольшое пространство, окруженное высокими кольями: ему не требовалось никакого другого заключения, чтобы обеспечить его послушание, кроме как скручивать наши руки на дряблой коже его шеи, и он всегда с удовольствием узнавал нас, если мы оказывались поблизости.

Гепард нежен и ласков и успешно обучен охоте.

КОШКИ.

Наверх

Кошки являются уменьшенными представителями кошачьей расы, но их мех длиннее, чем у других, и они больше похожи на леопардов, чем на львов. Идея величия с ними не связана, но они славятся изяществом, податливостью и коварством. До сих пор существует дикий вид, который обитает в горных и лесистых районах северной части Англии, а также в Шотландии, где раньше он был очень распространен. Едва ли есть необходимость давать описание даже диких видов, настолько хорошо известны общие черты этих животных. Будет вполне достаточно сказать, что голова у последних треугольная, подошвы ног у самцов всегда черные, хвосты пушистые, они яростно набрасываются на всякого, кто приближается, и издают неземные крики. Мистер Сент-Джон, когда шел по колена в вереске, по неровной земле, внезапно наткнулся на дикую кошку. Она бросилась ему между ног, каждый волосок встал дыбом. Он срезал приличных размеров палку, и три скайтерьера гнались за ней, пока она не забилась в угол, плюясь и рыча. Пытаясь сбросить ее, она полетела в лицо мистеру Сент-Джону поверх голов собак; но он ударил ее в воздухе, и она упала среди собак, которые вскоре прикончили ее, хотя говорят, что у дикой кошки двенадцать жизней вместо девяти. Если один из них будет взят, те, кто живет по соседству, наверняка тоже окажутся в безопасности, поскольку все они, подобно лисам, соберутся вокруг тела своего родственника.

Домашние кошки часто убегают в леса и питаются собственной охотой; но их не следует принимать за настоящих диких кошек. Самка последнего из них поменьше ростом и прячется в расщелинах скал или устраивает какое-нибудь большое птичье гнездо, когда у нее вот-вот появятся детеныши. Они встречаются по всей Германии, России, Венгрии и на Севере Азии, где их мех ценится гораздо выше, чем здесь, вероятно, из-за длины и качества шерсти.

Большинство натуралистов полагают, что наши домашние кошки не произошли от вышеуказанных диких видов. Профессор Темминк приписывает их происхождение нубийскому коту, найденному в этой стране М. Рюппелем, но мистер Белл с ним не согласен.

Кошек было много в Египте, где они высоко ценились и удостоились чести быть забальзамированными. В Абиссинии они являются частью приданого при браке из опасения, что мыши съедят остальные порции. Тем не менее, возможно, будет больше похоже на правду, если мы признаем, что наши кошки азиатского происхождения. Когда они становятся дикими, говорит мистер Сент-Джон, они часто становятся неисправимыми и натворят невероятных бед. Однако есть случаи, когда они возвращались домой, принося с собой дичь. Один из знакомых вышеупомянутого джентльмена каждый зимний вечер приносил вальдшнепа; другой приносил кроликов и зайчат; последний постоянно попадался в капканы, что не излечивало его от скитаний, и он никогда не сопротивлялся, а сидел тихо, пока кто-нибудь не приходил и не освобождал его.

Все кошки немного спят, поднимают спину, топорщат шерсть и раздувают хвост, когда злятся. Те, которые были одомашнены, очень любознательны к вещам, а не к людям; обнюхивают и осматривают новый предмет мебели по несколько раз; привязаны к домам и чрезвычайно любят запахи, особенно определенные виды, исходящие от растений. Они редко едят крыс, которых убивают, хотя и пожирают мышей. Если они проглатывают землеройку, что случается очень редко, они почти сразу же отвергают ее. Они будут сидеть час за часом, наблюдая у входа

в нору, а после того, как схватят свою добычу, принесут ее своим любимцам в дом, чтобы показать свою доблесть, и расхаживать с видом большого самодовольства. Обычно они испытывают большую неприязнь к воде; но известно, что они преодолевали это, когда им удавалось поймать рыбу, к какому виду пищи они питают большое предпочтение. Обвинение в том, что они играют с вами в одну минуту, а в следующую царапают вас, слишком справедливо: изменение не является актом предательства, а вызвано волнением.

Я не знаю, откуда это взялось, но на протяжении веков кошки были связаны с суевериями и колдовством. Они всегда считались помощниками ведьм; и, как говорили, сами ведьмы заимствовали их облик во время своих таинственных экспедиций. Однажды мне рассказали, что лорда Кокрейна сопровождал любимый черный кот в круизе по северным морям. Погода была крайне неблагоприятной; не проходило и дня без каких-нибудь неблагоприятных обстоятельств, и матросы не замедлили приписать все это влиянию черной кошки на борту. Это дошло до ушей лорда Кокрейна, и, зная, что любая попытка разубедить его людей в столь абсурдной идее совершенно бесполезна, он предложил пожертвовать этим объектом своего внимания и приказал выбросить ее за борт. Это, однако, отнюдь не принесло никакого удовлетворения, а только еще больше встревожило мужчин; они были уверены, что бури, которые она тогда поднимет, будут намного страшнее всех, с которыми они до сих пор сталкивались; и они умоляли его светлость позволить ей оставаться в покое. "Помощи не было, и они могли только надеяться, что, если она не будет оскорблена, они смогут по истечении своего срока благополучно добраться до Англии".

Черные кошки всегда были особенно связаны с суеверными чувствами, и однажды ко мне обратилась жена крестьянина, которая, держа в руке склянку, попросила меня дать ей несколько капель крови из хвоста моего черного котенка; это не только принесет удачу в ее очаг, но и уберезет от чумы ее двери. Еще недавно одна работающая женщина сказала мне, чтобы я не прогоняла бездомную черную кошку из своего дома, потому что, если я это сделаю, у меня никогда потом не будет процветания. Капитан Браун рассказывает нам, что в Шотландии на Хэллоуин семьи обычно связывали свою кошку, чтобы уберечь ее от использования ведьмами в качестве пони в ту ночь. Те, кто пренебрегал этой предосторожностью, рисковали увидеть свою кошку, бегущую по полям с ведьмой на спине по большой дороге в Норвегию. В древности черную кошку обычно приносили в жертву Гекате, а у скандинавов - Фреа, северной Гекате. Черная кошка, посланная с молитвенником и мешком песка в новый дом, чтобы опередить хозяина во владении, раньше считалась необходимой для обеспечения процветания человека, меняющего место жительства. Кража черной кошки и закапывание ее заживо в Ирландском нагорье считается специфическим заболеванием крупного рогатого скота, называемым "черноногими", которое в противном случае приводит к летальному исходу.

Существует еще одно странное чувство, связанное с кошками, а именно странная антипатия, которую некоторые люди питают к ним, и она столь же непреодолима, как и суеверие. Конечно, во многих случаях болезни и слабое потакание своим слабостям значительно усилили его, но в некоторых случаях оно было подсознательно затаено, а в других - непобедимо. Один мой друг сказал мне, что это чувство сопровождало его всю жизнь, несмотря на все попытки искоренить его. Будучи маленьким мальчиком, он проснулся однажды ночью с той дрожью и холодным потом, которые всегда охватывали его, когда поблизости находилась кошка; и, зовя на помощь, он попросил вошедшего слугу забрать кошку, которая была в комнате. Мужчина поискал, но не нашел никаких следов гноя. Его молодой хозяин все еще настаивал, что она была там,

новозобновленные поиски оказались столь же безрезультатными, и он не мог успокоиться, пока слуга не останется в комнате, пока он не уснет. Покончив с этим, мужчина оставил его, и во второй раз мой друг проснулся таким же образом, с теми же мольбами о помощи. Им повиновались; он сам присоединился к поискам и вытащил из тесной печки кошку (это было в Германии), которая нашла там убежище и совершенно не была замечена слугой. Дочь этого джентльмена унаследовала ту же антипатию, и ни самые нежные чувства к другим "бессловесным созданиям", ни сильнейшие усилия необычайно сильного ума не могли заглушить неприятного и огорчительного ощущения, которое охватывало ее, когда в ее присутствии появлялась кошка.

Там, где в каждом доме есть кошка, часто две, где каждая кошка женского пола, по крайней мере, дважды в год, приносит выводок из трех-пяти котят, которые не все утонули, можно составить некоторое представление о невыразимом количестве кошек в Лондоне; но только обитатели так называемой тихой улочки в мегаполисе, которые могут составить какое-либо представление о шуме и кошачьих воплях этой части населения. Все кошки, впервые вступая во владение домом вместе со своими владельцами, обязаны вступить в союз, наступательный и оборонительный, со старшими обитателями по соседству. В некоторых случаях дружеские договоренности, хотя и менее шумные, доставляют больше всего хлопот, в чем я убедился в одном из своих жилищ. Задняя часть выходила на несколько садов, некоторые из которых были большими, и, чтобы насладиться ими в достаточной степени, из заднего окна гостиной была устроена небольшая, отделанная свинцом терраса. Здесь все кошки со всех садов, улицы и площади напротив вели свои беседы; и я предполагаю, что мои кошки были особенно дружелюбны, потому что часто, если окно гостиной оставалось открытым во время нашего отсутствия, мы находили несколько избранных, возможно, пять или шесть, сидящими в его пределах, как будто в дружеской беседе.

Мне кажется, что каждая кошка, которая приезжает в новый район Лондона, обязана драться до тех пор, пока не завладеет им без помех; по крайней мере, так было с моими кошками. Очень красивый, смелый, сильный полосатый кот проделал это дважды с совершенным успехом; но после неоднократных схваток, хотя и победоносных, борьба сделала его свирепым, а иногда и угрюмым. Другой, который был очень красивым созданием, но гораздо слабее, обычно приходил со своими красивыми перерезанными ушами, распухшими щеками, сорванным мехом, его резвость и живость исчезли; и он весь день сидел, скорчившись у огня. Ночью он был разбужен яростным вызовом своих врагов, и состязание продолжалось до тех пор, пока он не умер от своих усилий.

У одной моей кошки была странная манера демонстрировать свое разочарование или гнев, в зависимости от того, что это могло быть; в тот момент, когда она была оскорблена, она отошла и села спиной к оскорбляющим сторонам. Ее ребенок был примером эффекта разумного воспитания, ибо справедливое и нежное обращение превратило ее из буйного, возмутительного котенка в хорошо воспитанную кошку, и было любопытно наблюдать за мгновенным эффектом, который произвел голос его наставницы. Кошки учатся всевозможным выходкам и формируют всевозможные противоречивые привязанности; объектами часто становятся молодые птицы, щенки, крысы и мыши. У моей свекрови были и любимая канарейка, и не менее любимая кошка; первая жила в ее спальне; и когда она оставалась одна, она позволяла ей летать по комнате, потому что могла исключить появление последней. Случай, однако, обнаружил, что пусс так же любит канарейку, как и она сама; и, к ее удивлению,

однажды утром, подняв голову от работы, она увидела птицу, без страха усевшуюся на кошачье тело, а кошка явно обрадовалась. После этого больше не было никаких ограничений, и два питомца стали ежедневными компаньонами. Их хозяйка, однако, испытала еще один испуг, потому что Киска слегка зарычала и, схватив птицу зубами, запрыгнула на кровать; ее хвост распушился, шерсть встала дыбом, а глаза стали большими, как четыре. Птицу, конечно, сочли потерянной, но дверь случайно оставили открытой, и внутрь вошла незнакомая кошка; и именно ради сохранения птицы кошка схватила ее, и как только незванный гость был изгнан, она выпустила пленника на свободу. Кошек часто обучали действовать как охотников на дичь, не нанося ни малейшего ущерба своей добыче; они поднимали тревогу, когда в дом вламывались воры; и проявляли большие доказательства рефлексии и мышления, которые можно назвать разумом, не унижая этот акт интеллекта. Один из них, принадлежащий моей сестре, неизменно направляется в ее комнату, когда она звонит в свой колокольчик, но не предлагает пошевелиться, когда раздается любой другой звонок в доме. Другая, состоявшая на службе у подруги, имела привычку выходить в сад, ловить птицу и приносить ее кухарке, делая вид, что просит ее приготовить ее; и все же это было совершенно ее собственное предложение.

У моего брата была любимая черепаховая кошка по кличке Манки, которая всегда сидела у него на плече, когда он брился, и проявляла все признаки глубокой привязанности. Уезжая за границу, он оставил ее на попечение нескольких друзей; и два года спустя, в тот вечер, когда его ждали дома, эти дамы были удивлены крайней непоседливостью животного. Она услышала, как к садовым воротам подъехал экипаж, раньше, чем они, и, прежде чем прозвенел звонок, пришла в ярость оттого, что ее выпустили встречать его. Ее радость была неопишуемой, и на следующее утро она, как обычно, заняла свое место у него на плече, увидев, что он готовит бритву. Известно, что такая привязанность сохраняется и после смерти; и кошки умирали от горя на могиле своего хозяина.

Я уже заметил большую дружбу между мопсом и кошкой; и следующее доказательство подобной силы любви взято со страниц г-на Венцеля в его "Наблюдениях над языком животных". "У меня были кошка и собака, которые так привязались друг к другу, что по своей воле никогда бы не расстались. Всякий раз, когда собаке доставался какой-нибудь лакомый кусочек, она обязательно делила его со своим усатым другом. Они всегда ели из одной тарелки, спали в одной постели и ежедневно выходили на улицу вместе. Желая доказать эту, по-видимому, искреннюю дружбу, я однажды взяла кошку одну в свою комнату, в то время как собаку держала в другой квартире. Я развлекал кошку самым роскошным образом, желая посмотреть, какое блюдо она приготовит без своего друга, который до сих пор был ее постоянным спутником за столом. Коту понравилось угощение, и, казалось, он совершенно забыл о собаке. На обед у меня была куропатка, половину которой я намеревался оставить на ужин. Моя жена накрыла его тарелкой и убрала в шкаф, дверцу которого она не заперла. Кошка вышла из комнаты, а я ушел по делам; моя жена тем временем сидела за работой в соседней квартире. Когда я вернулся домой, она рассказала мне следующие обстоятельства: Кошка, поспешно покинув столовую, подошла к собаке и мяукала необычайно громко и разными тонами, на что собака время от времени отвечала коротким лаем. Они вместе подошли к двери комнаты, где обедал кот, и подождали, пока ее откроют. Затем двое друзей сразу же вошли в квартиру. Моя жена поднялась со своего места и тихонько подошла к приоткрытой двери, чтобы понаблюдать за происходящим. Кошка подвела собаку к буфету, в котором хранилась куропатка, отодвинула тарелку, на которой она лежала, и, достав мой предполагаемый ужин, поставила его перед своей собачьей подругой, которая быстро его проглотила".

Следующий анекдот ставит кошку почти на один уровень с собакой: "Лионскому врачу было поручено расследовать убийство, совершенное в отношении женщины из этого города. В соответствии с этой просьбой он отправился в жилище покойной, где обнаружил ее безжизненно распростертой на полу, залитую собственной кровью. Большой белый кот сидел на карнизе шкафа в дальнем конце квартиры, где он, по-видимому, нашел убежище. Он сидел неподвижно, не сводя глаз с трупа, и его поза и выражение лица выражали ужас. На следующее утро он был найден в той же позе, и когда комната наполнилась судебными приставами, ни бряцание солдатского оружия, ни громкие разговоры компании ни в малейшей степени не могли отвлечь его внимания. Однако, как только подозреваемых ввели, его глаза сверкнули с еще большей яростью, волосы встали дыбом, он выскочил на середину квартиры, где на мгновение остановился, чтобы посмотреть на них, а затем опрометью спрятался под кровать. Лица убийц были смущены, и теперь они впервые были поражены своим дерзким злодеянием".

Известно несколько случаев, когда кошки возвращались в свои прежние жилища при очень трудных обстоятельствах, и мне кажется, что один из самых поразительных из них — следующий, процитированный из письма: "Когда я жил в Четырех тропинках, Кларендон, Ямайка, я захотел завести кошку, и мне подарили ее, почти взрослую; она была привезена из поместья Морган Вэлли, где ее разводили, и никогда раньше оттуда не вывозили. Расстояние составляло пять миль. Его положили в холщовый мешок, и его нес человек верхом на лошади. Между этими двумя местами протекают две реки, одна из них шириной около восьмидесяти футов и глубиной два с половиной фута, полноводная; другая шире и стремительнее, но менее глубокая; через эти реки нет мостов. Кошку на несколько дней заперли в "Четырех тропинках", и когда сочли, что она смирилась со своим новым жилищем, ей разрешили разгуливать по дому. На следующий день после обретения свободы она пропала; и при моем следующем посещении поместья, из которого ее привезли, я был весьма поражен, узнав, что кошка вернулась снова. Переплывала ли она реки у бродов, где лошадь проходила вместе с ней, или поднималась по берегу на значительное расстояние в поисках более мелкого места, где течение было менее сильным? Во всяком случае, она, должно быть, переплыла реки вопреки своим естественным привычкам.

Странный порок развития кошек сохранился до тех пор, пока в настоящее время не появилась раса бесхвостых кошек, и это, безусловно, не является улучшением по сравнению с исходной породой; ибо ничто не может быть более изящным, чем положение кошачьего хвоста, или более выразительным для его чувства радости или гнева.

БЕЛКИ.

Наверх

Своеобразное формирование резцов, или передних зубов, объединяет ряд мелких животных под названием Rodentia, от латинского слова *rodens*, что означает грызть. Эти зубы действуют как напильники, так что пища, которой в основном питаются их владельцы, за счет трения доводится до состояния, пригодного для переваривания. Поскольку края этих зубов изнашиваются при постоянном использовании, они постоянно растут от корня. Если одна челюсть сломана, то противоположная ей, в другой челюсти, будучи лишенной своего обычного износа, растет так быстро, что не только раздражает своего владельца, но и вызывает его

разрушение, эффективно закрывая рот. Их нижние челюсти могут двигаться только взад-вперед; некоторые питаются исключительно овощами, другие едят все подряд, а третьи снова предпочитают мясо. Некоторые подносят пищу ко рту лапами и лазают по деревьям; и у многих задние конечности настолько длиннее передних, что они прыгают, а не ходят. Они широко и многочисленно распространены по поверхности земли и поэтому оказывают сильное влияние на ее историю; но мы не находим среди них того высокого интеллектуального развития, которым одарены многие другие животные.

Белки - одни из самых красивых грызунов, обитающих в основном на деревьях. Мех некоторых видов чрезвычайно красив и ценен; это очень активные, элегантные маленькие создания, их легко приручить, когда они становятся очень игривыми и ласковыми. У одной моей подруги отняли ее единственную дочь, и любимую белку, которую она потеряла, конечно, лелеяли; маленькое создание обычно взбегало по руке дамы, садилось ей на плечо, гладило ее головкой, прижималось к ее шее и пило ее слезы. Пока он был жив, мать никогда не ласкала его, не посмотрев сначала ей в лицо на наличие капель, которые он привык удалять.

У этих животных большой пушистый хвост, шерсть на котором раскидывается по бокам, как перышко; и с его помощью они направляются и поддерживаются при прыжках. У белок-летяг, как их называют, есть расширение кожи по бокам, которое простирается между задними и передними лапами, благодаря которому они подвешены в воздухе при переходе с дерева на дерево, и благодаря этому они могут преодолевать большие расстояния, фактически не имея возможности летать, как следует из их названия. Летом общая окраска английской белки рыжая, но зимой они часто приобретают сероватый оттенок, и в это время у них на ушах появляются длинные пучки шерсти. Этот серый цвет становится более выраженным в более северном климате; и иногда они бывают черными. Они всегда живут парами, а иногда ведут стайный образ жизни, обитая в норах. Они откладывают запасы провизии в разных местах; но большую часть холодных месяцев они спят, обернувшись хвостом, чтобы сохранить тепло, предварительно соорудив очень замысловатое гнездо из мха, листьев и переплетающихся волокон в дупле дерева или в развилке двух ветвей. Они питаются исключительно растительной пищей, и иногда их самих поедают более крупные хищные птицы.

Сэр Фрэнсис Хед приводит следующий отчет о своей встрече с белкой в Канаде. "Я ожидал приближения большой стаи диких птиц; но маленькая злодейка белка на ветке дерева неподалеку от меня, казалось, решила, что даже сейчас мне нельзя отдыхать спокойно; потому что она брызгала слюной и тараторила с такой яростью, что привлекла внимание моей собаки. Это было поистине унижительно, потому что он не сводил глаз с белки. Я пригрозил маленькому зверьку рукой, но он действительно подставил спину и бросил мне вызов, став еще более страстным, чем раньше; пока внезапно, словно нарочно, чтобы всполошить дичь, он не упал пухлым в паре ярдов от носа Ровера. Это было слишком для последнего, поэтому он подпрыгнул и прыгнул на дерзкую белку, которая через секунду оказалась вне его досягаемости, задрал хвост и оскалив зубы, на той самой ветке, где он сидел раньше. Вся дикая птица улетела, и мой спорт был полностью испорчен. Мое ружье непроизвольно вскинулось к плечу, чтобы застрелить белку; но я чувствовал, что собираюсь совершить акт чистой мести отважному маленькому зверьку, который заслуживал лучшей участи. Словно почувствовав мою нерешительность, он яростно закивал головой и топнул передними лапами по дереву; в то время как в его щебетании слышалась интонация, похожая на презрение. Какое мне было дело вторгаться в его владения и пугать его жену и маленькую семью, за которых он был готов отдать

свою жизнь? Там он сидел бы назло мне, и у меня звенело бы в ушах от его "у-у-у", пока источник жизни не перестал бы биться в его маленьком сердечке".

Именно со страниц капитана Брауна я извлекаю следующее. "Один джентльмен достал белку из гнезда, найденного в Вудхаусе, недалеко от Эдинбурга, которую он вырастил и сделал чрезвычайно послушной. Оно хранилось в ящике под отверстием, куда была подвешена веревка, с помощью которой животное поднималось и спускалось. Маленькое существо имело обыкновение очень внимательно следить за всеми движениями своего хозяина; и всякий раз, когда он готовился выйти, оно взбегало по его ногам и залезало в карман, откуда выглядывало на прохожих, когда он шел по улицам, никогда, однако, не решаясь выйти.

Но как только он достигал окраины города, белка спрыгивала на землю, бежала по дороге, с быстротой молнии взбиралась на верхушки деревьев и живых изгородей и обгладывала листья и кору; и, если джентльмен шел дальше, она спускалась, бежала за ним и снова залезала к нему в карман. Всякий раз, когда он слышал экипаж или телегу, он сильно тревожился и всегда прятался, пока они не проезжали мимо. У этого джентльмена была собака, между которой и белкой существовала определенная вражда. Всякий раз, когда собака засыпала, белка проявляла свой дразнящий нрав, быстро спускаясь со своего ящика, пробегая по телу собаки, а затем быстро взбираясь на ее веревку".

КРЫСЫ.

Наверх

Некоторые люди утверждают, что грызуны, называемые Крысами, - красивые животные; и я предполагаю, что, отбросив предрассудки, гладкая кожа, острая голова, длинный, тонкий хвост и пронизательный взгляд их ярких черных глаз должны быть привлекательными; но те, кого эти животные раздражали, как меня, вряд ли могут относиться к ним иначе, чем с неприязнью. Неудивительно, что они распространились по всему миру, и там, где их не тщательно контролируют и где в изобилии есть пища, их численность должна достигать чего-то ужасающего. Во время визита в Сьерра-Леоне я весь день провела в Доме правительства и, направляясь в верхнюю комнату, чтобы привести себя в порядок, услышала рядом с собой топот маленьких ножек и, повернув голову, увидела между полом и приоткрытой дверью соседней квартиры целую армию крыс, перепрыгивающих с места на место и дающих такое представление о количестве, что, каким бы непосвященным я тогда ни была (это было во время моего первого путешествия в Африку), я была совершенно потрясена и очень благодарна судьбе за то, что вернулась той ночью спать в свою более безопасную каюту на борту корабля. Это, однако, было только началом; и на следующем судне, на которое я сел, их было так много, что в следующий раз, когда оно вернулось в порт, его на некоторое время затопили, как единственное средство избавиться от них. Между этими существами и тараканами, я думал, что мое бедное дитя и я сам должны быть съедены.

Человеческому разуму дана способность приспособливаться ко всем обстоятельствам, за что, возможно, мы недостаточно благодарны; и никогда она не проявлялась так сильно, как в моем собственном случае, ибо и страх, и дурные предчувствия исчезли с появлением привычки, и я перестал бояться тех одушевленных существ, которые поначалу казались проклятием моего

существования. Когда я жил в замке Кейп-Кост, я часто видел, как крысы толпами проходили мимо моей двери, переступая через моих черных мальчиков, когда они лежали там, и которые переворачивались только для того, чтобы показать другие стороны своих лиц и тел, когда крысы возвращались, — и думал, что это хорошая шутка. Самое жестокое столкновение, которое у меня когда-либо было с ними, произошло во время одного из тех ужасных штормов, которые в тропиках свирепствуют сильнее, чем где-либо еще. Однако в то время я находился под Экватором, в туземной хижине, и услышал вокруг себя сильный шорох и движение. К своему ужасу, я заметил, что они исходили от множества крыс, бегавших взад и вперед по стенам комнаты, в которой мне предстояло провести ночь, и которые вскоре начали бегать по мне; их потревожили потоки дождя, который тогда лил. Единственным оружием, которое я смог найти, была обувь, и, свернувшись калачиком в большом кресле, вынутом из французской фабрики и обитом синим атласным штофом, я приготовился к встрече со своими врагами, которых боялся гораздо больше, чем молнии, сверкавшей на железных прутьях, разложенных на полу. Я чувствовал, что шелк моего убежища был своего рода защитой от этого; но только моя собственная рука могла спасти меня от моих четвероногих врагов. Вскоре вошел мой муж и приветствовал меня взрывом смеха, который, однако, утих, когда он увидел моих противников. Гроза на некоторое время утихла, и крысы отступили; затем мы заползли за занавески из бамбуковой ткани, которые окружали грубую имитацию кровати с четырьмя столбиками, но я сохранил свой башмак. Утомленный наблюдением, я закрыл глаза, но был разбужен ужасающей вспышкой молнии, за которой немедленно последовал ужасный гром и беспорядочный бег крыс. Некоторые из них вскарабкались по внешней стороне занавесок; но я сел, обхватив себя руками, и, направляемый шумом, повалил захватчиков на землю, пока, наконец, сопротивление и утихшая буря не позволили мне спокойно уснуть.

Это были коричневые крысы, которые населяют все части света, но очень сильно увеличились в размерах из-за проживания в жарком климате.

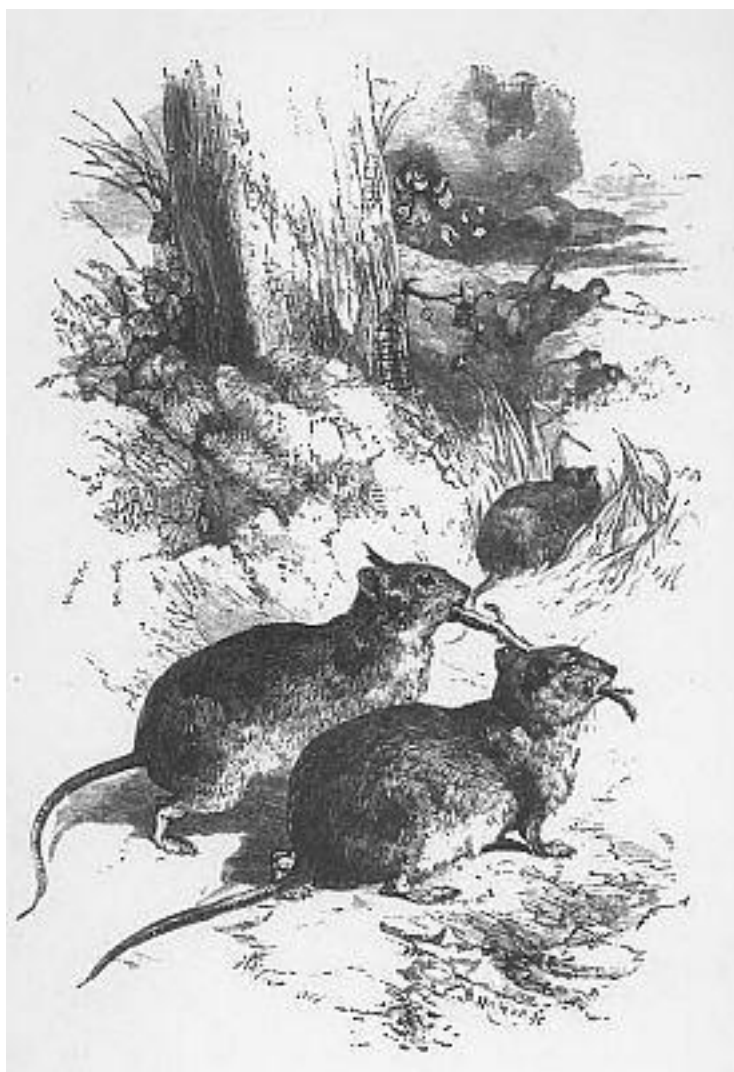
Помимо этих бурых крыс, в лесах обитает кустовая крыса, как ее еще называют, размером примерно с молодого поросенка. Когда я впервые увидел это и почувствовал, что меня как бы окружают знакомые животные, увеличившиеся до такой величины, множество ранее неизвестных мне животных и других, о которых я только слышал, и все же никто из нас не был съеден, я не мог не ощутить с десятикратной глубиной повеление Творца о том, чтобы человек господствовал над ними всеми. Одна только его собственная сила никогда не позволила бы ему пройти среди них невредимым.

Основные признаки, отличающие крысу, остаются во всех странах, но существует несколько видов. Черная крыса — это та, которая первой населила этот остров; но она была почти вытеснена коричневой, которую без всяких оснований называют норвежской крысой. Он пришел из Индии, Персии и т.д. И, как говорят, появился в Европе после сильного землетрясения в 1727 году. Все они настолько в высшей степени плотоядны, что во времена дефицита без малейших церемоний пожирают друг друга; так что в одном случае, о котором уже говорилось, когда у меня и моих товарищей был шанс самим умереть с голоду, мы были уверены, что яростные крики и борьба, которые мы слышали среди крыс за досками, были вызваны едой, которую сильные готовили своим более слабым собратьям.

Крысы по своим привычкам ведут ночной образ жизни и любят жить в подземных или таинственных убежищах. Они водятся на островах, лежащих посреди океана, и до момента их

открытия нам предполагалось, что их не посещал человек, и все же вопрос все еще остается нерешенным, были ли различия, существующие у крыс, вызваны местностью, или они были таковыми с самого начала. В настоящее время нет ни одного известного места, свободного от норвежской крысы, и чем больше их количество, тем, конечно, более наглыми они становятся. Мне рассказывали, что на Цейлоне, где их неисчислимо множество, они забираются на верхушку стула или ширмы и сидят там, пока в них чем-нибудь не швырнут, после чего они медленно отступают. Рядом с вами на веранде слышится шум, и вы видите стаю крыс, спорящих с собакой за обладание каким-то предметом. Путешественник на Цейлоне увидел, как его собаки напали на крысу, и, заставив их отпустить ее, он схватил ее за хвост, собаки все время прыгали за ней; он отнес ее в свою столовую, чтобы осмотреть там при свете лампы, в течение всего этого времени она оставалась как мертвая: конечности свисали, и ни один мускул не двигался. Через пять минут он бросил его собакам, которые все еще были в состоянии сильного возбуждения; и, к удивлению всех присутствующих, он внезапно вскочил на лапы и убежал так быстро, что сбил с толку всех своих преследователей.

Однажды вечером, находясь в Батерсте, при церкви Святой Марии, я сидел за работой в верхней комнате и среди тишины услышал рядом с собой чье-то дыхание. В комнате не было никого, кроме моего ребенка, который спал в постели. Хотя я и был поражен, я не пошевелился, но, оглядевшись, увидел огромную крысу, которая сидела на столе у моего локтя и следила за каждым движением моих пальцев. Я едва мог удержаться от смеха над его холодной дерзостью и предположил, что был слишком поглощен своими мыслями или занятием, чтобы заметить его приближение. Я постепенно отложила свою работу и, тихо выскользнув из комнаты, как будто не заметила его, позвала слуг. Предполагалось, что в дымоходе были крысиные гнезда, поскольку в этом Правительственном доме была предусмотрительно предусмотрена возможность разводить огонь в комнатах во время сезона дождей, и охота началась. Я запрыгнула на кровать не только для того, чтобы не путаться под ногами, но и для того, чтобы отогнать крыс от того места, где был мой ребенок. Двое мужчин, вооружившись палками, выгнали врага из своих укрытий, а четверо других присели на корточки в углах комнаты, держа в руках расстеленную ткань. Онисказали, что, скорее всего, крысы будут бегать по стенам, и поэтому им следует ловить их на открытой ткани. Произошедшее доказало их правоту; испуганные животные бросились к ним, были немедленно схвачены, и им в одно мгновение свернули шеи. После окончания охоты их перебросили через веранду в сад, всего их было не менее пятидесяти. Утром, однако, все они исчезли, но следы кошек Genet говорили о том, как они были удалены. На следующий день какой-то скрип в дымоходе выдал присутствие нескольких очень маленьких особей, а когда разожгли костер из влажной травы, их уничтожение завершилось удушьем. Возможно, это было жестоко, но это было необходимо для самозащиты; и я содрогнулся при мысли о том, что на меня и мою дочь могли напасть эти животные во сне. Неудивительно, что в окружении мириадов несносных животных притупляются любые нежные чувства к этой части творения. В момент, о котором я говорю, ценные книги, высушенные растения, бумаги, содержащие данные научных наблюдений, касающиеся обследования реки Гамбия на значительном расстоянии, были уничтожены во время болезни наблюдателя крысами и насекомыми.

ВЕДЕТ СЛЕПУЮ КРЫСУ.—Страница 261.

Однажды днем комендант Батерста спокойно читал, когда услышал сильный скрип и шипение в комнате под ним, которая находилась на одном уровне с землей и содержала припасы. Он взял ключ и в сопровождении слуг, вооруженных палками, отправился выяснить причину. Открыв дверь, они увидели крысу и ядовитую змею, вступивших в смертельную схватку. Ничто не могло быть прекраснее действий обоих животных; крыса на мгновение отступила и стояла с горящими глазами; голова змеи была поднята для новой атаки; снова и снова они смыкались и разделялись, но рептилия, хотя и сильно искусанная, одержала победу; крыса упала, изо рта пошла пена, она раздулась до огромных размеров и умерла через несколько минут. Змея ускользнула, но впоследствии была обнаружена в своем гнезде с несколькими детенышами, в трещине в стене кладовой, рядом с лестницей, по которой мы обычно спускались ежедневно и откуда, на самом деле, я часто видел, как выглядывают змеиные головы, и ждал, пока они уберутся.

О бурой крысе мистер Джесси рассказывает следующую историю: "Преподобный мистер Ферримен, прогуливаясь однажды вечером по лугам, заметил большое количество крыс, мигрирующих с одного места на другое, что, как известно, они имеют обыкновение делать время от времени. Он стоял совершенно неподвижно, и все присутствующие прошли рядом с

ним. Однако его изумление было велико, когда он увидел старую слепую крысу, которая держала во рту кусок палки за один конец, в то время как другая крыса держалась за другой ее конец и таким образом вела своего слепого товарища".

Разрушительная сила, которой обладают крысы, не может быть лучше продемонстрирована, чем в отчете, представленном французскому правительству, касающемся переноса бойни лошадей, расположенной в Монфоконе, на большее расстояние от Парижа; одним из серьезных возражений являются катастрофические последствия, которые могли бы постигнуть жителей окрестностей, если бы эти прожорливые существа были внезапно лишены своей обычной пищи. Хорошо известно, что зло, которое они причиняют, не ограничивается тем, что они едят; но они подрывают дома, прорывают плотины, разрушают канализацию и совершают неисчислимый хаос везде и во всем.

В отчете говорится, что туши лошадей, убитых за один день, в количестве тридцати пяти, будут найдены на следующее утро с дочиста обглоданными костями. Человек по имени Дюссоссуа, принадлежащий к истеблишменту, провел этот эксперимент. Часть его двора была обнесена прочными стенами, у подножия которых было проделано несколько отверстий для входа и выхода крыс. В это ограждение он положил трупы трех лошадей и посреди ночи как можно тише заделал все дыры; затем он позвал нескольких своих рабочих, и каждый, вооруженный факелом и палкой, вошел во двор и тщательно закрыл дверь. Затем они устроили всеобщую резню; при этом не было необходимости целиться, потому что, куда бы ни пришелся удар, он наверняка сбил бы крысу, и никому не было позволено сбежать, перелезая через стены. Этот эксперимент повторялся с интервалом в несколько дней, и в конце месяца было уничтожено 16 050 крыс. За одну ночь они убили 2650 человек; и все же это не может дать вполне адекватного представления об их численности, поскольку двор, о котором идет речь, занимал не более двадцатой части пространства, отведенного для забоя лошадей. Крысы в этом месте устроили себе норы, похожие на катакомбы; и так велико их количество, что они не нашли места рядом с бойнями. Они ушли дальше, и тропинки к их жилищам и обратно можно проследить через соседние поля.

Зоологические сады в Риджентс-парке сильно кишат крысами; но они слишком хитры, чтобы оставаться там днем, когда их легче поймать; поэтому утром они перебираются через канал на противоположный берег и возвращаются вечером, чтобы совершать свои грабежи.

Водяные крысы, или полевки, питаются рыбой, лягушками и жабами, помимо другой пищи, и наносят бесконечный вред берегам и дамбам, которые они подрывают. Их запах настолько острый, что они не приближаются к ловушке, над которой провели рукой; и их особенно много во всех местах, где вялят сельдь, которую оставляют по окончании сезона. Больше всего крыс всех видов привлекает кусок ростбифа, который они так любят, что, как известно, убивают съевшего его товарища, чтобы потом сожрать содержимое его желудка.

Очевидец, заслуживающий доверия, рассказал доктору Карпентер, что она видела, как несколько крыс благополучно перенесли несколько яиц вниз по лестнице из кладовой в свои собственные жилища. Они расположились на каждой ступеньке, и каждое яйцо, зажатое в передних лапах, передавалось от одной крысы к другой на протяжении всего пути. Крысы, которые опускали свои хвосты в банку с патокой, в которую они не могли окунуть лапы, и позволяли своим товарищам облизывать их после этого, - хорошо известная история.

Крысы часто нападали на детей, которых оставляли в комнате одних; и младенцы даже лишались жизни от крови, вытекавшей из-за их укусов.

Заслуживает упоминания следующий пример проницательности. "Во время великого наводнения 4 сентября 1829 года, когда река Тайн была в самом разгаре, на ее берегу собралось несколько человек. Появился лебедь с черным пятном на оперении, которое при ближайшем рассмотрении оказалось живой крысой. Вполне вероятно, что последний был унесен в воду каким-то предметом и, заметив лебедя, для безопасности забрался к нему на спину. Как только лебедь достиг земли, крыса спрыгнула с него и убежала".

Две дамы, подруги моей близкой родственницы, от которой я получил отчет об этом обстоятельстве, прогуливались по Риджент-стрит, и к ним подошел мужчина, который попросил их купить красивую маленькую собачку, покрытую длинной белой шерстью, которую он нес на руках. Подобные вещи не редкость в этой части Лондона, и дамы прошли мимо, не обратив на него внимания. Он последовал за ней и повторил свои мольбы, заявив, что, поскольку это последнее, что он должен продать, они должны получить его по разумной цене. Они посмотрели на животное; это было действительно прелестное маленькое создание, и в конце концов их убедили. Мужчина отвез его домой, получил свои деньги и оставил собаку на руках у одной из дам. Прошло немного времени, и собака, которая до этого была очень спокойной, несмотря на беспокойные блестящие глаза, начала проявлять симптомы беспокойства и, бегая по комнате, демонстрировала некоторые необычные движения, которые несколько встревожили честных покупателей. Наконец, к их великому смятению, новая собака с визгом взбежала на одну из оконных штор, так что, когда хозяин дома вернулся домой через несколько минут, он застал дам в ужасе и был очень рад его помощи. Он энергично схватил животное, достал перочинный нож, срезал с него покров и показал большую крысу их изумленным глазам и, конечно же, на ее собственную гибель.

МЫШИ.

Наверх

Округлая, но изящная форма Мыши и лучшее выражение ее мордочки делают ее объектом гораздо более достойного восхищения, чем крыса, представителем которой она является лишь в уменьшенном виде. Он обладает теми же разрушительными наклонностями, также собирается в огромных количествах и столь же плотояден; но при всем этом это более приручаемое и привлекательное животное. Есть белая разновидность, которую часто разводят как домашнее животное. М-р Дарвин говорит, что вместе с другими мелкими грызунами они в большом количестве живут вместе в почти пустынных местах, пока там сохранилось несколько былинки растительности; и что они кишмя кишат на берегах соленых озер, где нельзя достать ни капли пресной воды. Некоторые из них запасают продовольствие, особенно те, которые населяют северные страны.

Полевые мыши наносят бесконечный вред молодым плантациям, обгрызая молодые побеги, и, чтобы поймать их, в почве выкапываются ямки глубиной от восемнадцати до двадцати дюймов, которые снизу шире, чем сверху, так что они не могут легко выбраться. Сто тысяч были уничтожены таким образом в лесу Дин и примерно столько же в Нью-Форесте. Они строят очень

красивые круглые гнезда из причудливо сплетенных стеблей пшеницы, разрезанных зубами на узкие полоски, и в них часто можно найти девять маленьких мышат. Эти гнезда подвешены к каким-нибудь стеблям или чертополоху.

Я могу засвидетельствовать возможность приручения мышей, поскольку в течение нескольких месяцев держал шесть мышей в коробке, которых так хорошо кормили, что они не пытались прогрызть свое жилище. Я соорудил для них что-то вроде маленькой тележки с костяными пуговицами вместо колес и вьючной сбруей; и когда их достали из коробки, они оставались совершенно спокойными, пока на них не надели сбрую, а когда это было сделано, они пустились во весь опор скакать по крышке квадратного пианино. Конечно, были приняты меры к тому, чтобы повернуть их обратно, когда они дойдут до конца; но вскоре они научились поворачивать сами и совершали свое путешествие с такой же регулярностью, как хорошо обученные лошади. Смерть лишила меня моих коней; но я подозреваю, что это было следствием неразумной зубрежки, которой я наделил своих любимцев.

Во время болезни продолжительностью около недели мыши были для меня источником как развлечения, так и раздражения; первое, безусловно, преобладало. Обшитый панелями выступ опоясывал комнату, в которой я лежал, и им доставляло удовольствие бегать друг за другом по этому выступу; но так как изголовье моей кровати без занавески находилось близко к нему, они так часто перебирались на мое лицо, что я был вынужден отодвинуть его по крайней мере на ярд от стены. Иногда они также утаскивали у меня из кармана носовой платок, который, поскольку не был сразу схвачен, не возвращали до тех пор, пока в нем не были прокушены различные дырочки. У моей кровати стоял маленький столик, на нем стояла миска, полная холодного чая, который составлял мой ночной напиток. Однажды у меня погас свет, и я услышал скрежет по ножкам стола. Я догадался о причине и попытался спугнуть альпиниста, но подозреваю, что он забрался на постель, потому что вскоре услышал, как что-то плюхнулось в чай. Все было тихо; и я заключил, что незваный гость утонул; но, конечно, несмотря на мою жажду, я не пытался пить. Когда рассвело, там сидел бедный мышонок, подняв свой маленький подбородок прямо над жидкостью. Если бы он пошевелился, то, должно быть, задохнулся; и все эти часы он находился в таком положении. Было невозможно лишить жизни, которую он с таким трудом заработал, и ему позволили вернуться к своим товарищам.

Местом обитания моих мышей, по-видимому, был большой чулан в углу комнаты, из которого они постоянно выходили и куда убегали при малейшей тревоге, поскольку к нему всегда был доступ из-за того, что дверь не закрывалась должным образом. Мне часто казалось, что они держат совет, потому что они выступали все вместе; не легкомысленно и как бы случайно, а со всей серьезностью дипломатических персонажей, и образовывали круг, когда начинались обсуждения. Они разговаривали на языке, представляющем собой нечто среднее между писком и болтовней, и время от времени кто-нибудь вставал и переходил в другую часть круга. Я бы многое отдал, чтобы понять, что происходит; но так как я не мог, то время от времени беспокоил их смехом, когда они жались обратно к шкафу; а когда я окреп, то иногда бросал в них подушкой, отчего бедные сенаторы задыхались от волнения и забивались под мебель, пока не начинали думать, что могут благополучно добраться до шкафа. Я плохо представлял себе деяния, совершенные в этом месте жительства, иначе я, возможно, не был бы так снисходителен к ним; это было не что иное, как прогрызание дырок в некоторых ценных шкурах антилопы, обезьяны и леопарда, которые должны были быть отправлены моим друзьям следующим отходящим судном.

Когда мне разрешили поесть, мой аппетит был любезно утолен лакомствами, присланными мне друзьями и разложенными под жестяными крышками на комод. Попытки моих товарищей-грызунов добраться до них были чрезвычайно забавны; но как только они вскарабкались надюйм или два вверх по стенкам, скользкий металл заставил их снова соскользнуть вниз; тогда они подумали, что если им удастся добраться до верха укрытия, то у них все получится; поэтому они забрались друг другу на плечи и совершили подвиг, но не свою цель; вместо того, чтобы забраться внутрь, они снова спустились всем телом, но они так привыкли к моему смеху, что не обращали на это внимания. Многие из них соединились вместе, чтобы сдвинуть крышку с блюда, но она была слишком прочно удержана краем, чтобы ее можно было сдвинуть. Однажды они подумали, что одержали победу, потому что обложка была не совсем закреплена на одном месте. Очевидно, был подан сигнал, и вскоре появилось несколько маленьких лапок, чтобы поднять его еще выше; но вместо того, чтобы сделать это, покрывало соскользнуло им на лапы, и было очень смешно видеть их боль и унижение. После этого они настолько отказались от попытки, что только одного из них время от времени видели прогуливающимся по окрестностям, как будто, снова разведав крепость, его гениальность могла подсказать успешное завершение предприятия.

В американском научном журнале есть хорошо подтвержденный отчет о странной и всепоглощающей чувствительности к музыке, проявленной мышью. В нем говорится: "однажды вечером, когда несколько офицеров на борту британского военного корабля в гавани Портсмута сидели вокруг камина, один из них начал наигрывать на скрипке жалобную мелодию. Не прошло и десяти минут, как в центре зала появилась мышь, явно обезумевшая от страха. Странные жесты маленького животного сильно привлекли внимание офицеров, которые, с единодушного согласия, решили позволить ему беспрепятственно продолжать свои странные действия. Его усилия, казалось, возрастали с каждым мгновением; он тряс головой, прыгал и проявлял признаки самого экстремического восторга. Было замечено, что пропорционально градациям тонов до мягкой точки чувства животного, по-видимому, усиливались. Совершив действия, на которые столь миниатюрное животное, на первый взгляд, казалось бы, неспособным, маленькое существо, к изумлению восхищенных зрителей, внезапно перестало двигаться, упало и испустило дух, не проявляя никаких симптомов боли".

СЛОНЫ.

Наверх

Необычайная толщина кожи, отличающая некоторых животных, побудила натуралистов объединить их вместе и назвать толстокожими. Эта группа снова делится в соответствии с еще дополнительными особенностями, которыми обладают некоторые из них; и в первом подразделении находятся слоны, отличающиеся огромным удлинением верхней губы и носа в то, что называется хоботом. Среди них можно встретить самых крупных животных в мире; и, по мнению некоторых, они самые проницательные. Однако многие склонны отдавать собаке самое высокое место после человека по интеллекту.

Туловище, о котором я только что говорил, образовано из множества мышечных волокон, насчитывающих по меньшей мере 40 000, которые имеют различные направления и пересекаются друг с другом таким множеством способов, что все вместе образует один из

самых гибких органов, какие только можно представить. Он может сжиматься, подниматься, вдавливаясь, изгибаться, поворачиваться или скручиваться вокруг любого предмета по желанию его владельца; и может захватывать и захватывать самую мельчайшую и тончайшую субстанцию, чему в таких случаях способствует удлинение его верхнего края в то, что называется пальцем, который защищает ноздри и действует как щуп. Этот хобот служит резервуаром для удержания жидкости, которую можно по желанию набирать в рот, вставив конец между челюстями; или для удержания ее так долго, как это возможно при желании, когда она изливается на любой предмет, который слон желает затопить. Время от времени он поливает им свое тело, тем самым не только охлаждая и освежая себя, но и избавляясь от многочисленных насекомых, которые поселяются в его шкуре. Трубный звук, которым примечательны слоны, исходит от их хобота, и он служит другими способами выражения их чувств, поскольку с его помощью они дарят свои ласки. Ручной слон в Ботаническом саду очень понравился маленькой девочке, которая каждое утро прогуливалась по зверинцу со своей няней, прежде чем его открыли для публики. Постоянно случалось, что она и слон встречались вместе, и он не только чрезмерно старался не затоптать ее, но и, если она шла тем же путем, он осторожно просовывал конец своего хобота ей под мышку, любовно оставлял его там и шел рядом с ней. Эти животные всегда прилагают большие усилия, чтобы уберечь свои хоботы от травм; и они постоянно поднимают их как можно выше в воздух, чтобы предотвратить их соприкосновение с каким-либо вредным веществом. С их помощью добывается пища и доставляется в рот; и они валят не только ветви деревьев, но, во многих случаях, и сами деревья.

Огромные череп и шея, а также фактически размеры тела, необходимые для поддержания веса этого тяжеловесного органа, и бивни, которыми они снабжены, придают слонам неуклюжий, тяжелый вид. Из-за пропорций головы глаза кажутся маленькими; вес самой головы, однако, значительно уменьшается из-за полых впадин спереди, что делает почти напрасной попытку убить слона выстрелом в лоб, поскольку в этих ячейках находятся шарики: они настолько защищают мозг, который является средоточием чувств, что эти животные безнаказанно наносят страшные удары прикладом.

Зубы слонов замечательны, поскольку они состоят всего из одного большого зубца с каждой стороны и в каждой челюсти, которые выглядят как набор зубов поменьше, скрепленных между собой промежуточными и окружающими пластинками эмали. Эти точильщики часто меняются в течение жизни животного, возможно, даже шесть или восемь раз, пока растет челюсть; и новые появляются не снизу, а формируются позади старой и выталкивают ее наружу. Других зубов, собственно так называемых, нет, но в верхней челюсти есть два бивня, которые служат источником слоновой кости для торговли и которые меняются один раз в течение жизни животного. Их огромный вес и размеры почти невероятны и в сочетании с туловищем заставляют нас перестать удивляться тому, что все тело должно обладать только силой в качестве своего атрибута и совершенно лишено изящества. Один из таких бивней, проданный в Амстердаме, весил 350 фунтов, и с таким оружием, как это, метко названным французами *defence*, они способны вырывать с корнем огромные деревья и, поймав на них своих самых тяжелых врагов, повергать их на землю или протыкать так, чтобы они никогда больше не поднимались. Уши большие, свободно свисают с плеч и очень чувствительны на ощупь; слух кажется гораздо более восприимчивым к серьезным звукам, чем к резким.

Четыре неуклюжих столба вместо ног поддерживают неуклюжее тело. На каждой передней лапе по пять пальцев, а на каждой задней - по четыре; на каждом пальце должно быть копыто, но

иногда кожа обволакивает и скрывает их. Подошва почти круглая, а кожа ступни, показанная мистером Гордоном Каммингом, настолько велика, что ребенок трех лет мог бы легко поместиться в ней. Хвост небольшой по окружности, приплюснутый на конце, с толстой жесткой щетиной на конце. Эти хвосты иногда используются в качестве хлыстов и при дворе Ашанти, когда они украшены золотом; они являются частью придворных знаков отличия. Кожа обычно темного цвета и грубая, с несколькими редкими волосками на ней; однако были найдены доказательства того, что когда-то существовала раса слонов, густо покрытых шерстью. Иногда встречаются белые слоны, и утверждается, что им поклоняются. Другие опровергают это и заявляют, что они хранятся только как часть королевского государства.

Обычный рост слонов составляет от девяти до десяти футов; но известно, что многие достигали четырнадцати; скелет того, что царь Персии прислал царю Петру и который можно увидеть в музее в Санкт-Петербурге, имеет шестнадцать с половиной, и есть записи о слонах, достигавших огромного роста в двадцать футов. Когда мы думаем о горном животном, каким я описал слона, кажется непоследовательным говорить, что он быстр в своих действиях: по правде говоря, это не так; тяжелая рысь - самое быстрое движение, которое он может выполнить. Однако его огромный шаг дает ему преимущество перед более легкими животными; и мы слышали о быстро скачущей лошади, которой трудно убежать от слона, даже когда ее подгоняют на предельной скорости. Походка наиболее утомительна и неудобна для тех, кто катается на нем первые несколько раз, потому что он двигает двумя ногами одновременно с одной и той же стороны; и чем крупнее слон, тем более неудобными становятся движения. Епископ Хибер, однако, по-видимому, составил исключение в этом отношении, поскольку, по его словам, это было далеко не неприятно и показалось ему похожим на то, что его несут на мужских плечах. Предполагается, что горловина, где располагается водитель, является самым легким сиденьем. Он направляет животных, время от времени дотрагиваясь до их ушей, прижимая ноги к их шеем по бокам, прокалывая их заостренным предметом или постукивая по ним ручкой; однако часто они настолько послушны, что простого слова будет достаточно.

Любимым местом обитания слона является лес или зеленая равнина, рядом с которой протекает река или озеро: вода у него должна быть, поскольку как на свободе, так и в неволе купание, по-видимому, является необходимым условием его существования. Эта склонность напоминает мне часто повторяющийся трюк вышеупомянутого слона из Ботанического сада. Его конюшня выходила в небольшой загон, посреди которого был пруд. В этом пруду он постоянно лежал и был так скрыт водой, что от него ничего не было видно, кроме кончика хоботка, чтобы заметить который требовался опытный глаз. Толпа часто собиралась у ограды "слоновьею парка", как его называли, предполагая, что они увидят, как он выходит из своего стойла. Однако внезапно на них обрушился сильный ливень, и дамы в своих прозрачных шляпках и джентльмены в сверкающих шляпах были вынуждены искать укрытия под соседними деревьями, где они смотрели на безоблачное небо и недоумевали, откуда мог взяться ливень. Когда они обратили свои взоры к слоновьему пруду, то увидели, что он стоит посреди него, выказывая неловкую радость от проделанной им шутки. Со временем его времяпрепровождение стало общеизвестным, и в тот момент, когда вода поднималась из его хобота, зрители разбежались, чему он, казалось, тоже чрезвычайно наслаждался, вставая так быстро, как только мог, чтобы посмотреть на устроенную им суету. Этот самый слон был выгружен с судна, доставившего его из Ост-Индии, в Бордо, и парню-матросу, который присматривал за ним во время путешествия, было поручено проводить его через Францию в Париж. Неровные, а иногда и мощеные дороги порезали бедному животному лапы, и был нанят

сапожник, чтобы сшить ему четыре сапога. Особого мастерства не требовалось, поскольку не требовалось никакой формы; но они соответствовали назначению и впоследствии были развешаны в его конюшне к великому удовольствию юных посетителей Сада, которые часто специально ходили посмотреть на слоновьи сапоги. Когда он и его проводник останавливались на ночлег, для последнего обычно бросали на пол матрас; но через несколько ночей слон обнаружил, насколько это удобно, и под предлогом совместного проживания, наконец, каждую ночь сталкивал Огюста и растягивал на матрасе свою огромную тушу.

Постоянные различия между азиатскими и африканскими слонами выделили их в отдельный вид. В последнем случае эмаль измельчителей наносится таким образом, чтобы образовывались лепешки, а в первом - ленты с параллельными канавками. Уши африканского животного намного крупнее, а форма его лба более выпуклая. Хотя именно из этой страны римляне получили всех своих умных, хорошо дрессированных слонов, туземцы теперь и не помышляют о том, чтобы сделать их полезными. В связи с этим меня однажды очень позабавило предложение, серьезно высказанное, что если бы мы, англичане, отправились к диким племенам Африки и приручили несколько их слонов, они были бы настолько убеждены в нашем превосходстве, что без колебаний подчинились бы нашему владычеству. Это исходило от ученого королевского советника и было серьезно сказано одному из членов правительства его Величества, не вызвав удивления ни у кого, кроме меня опытного. В нашем человеческом нетерпении мы склонны думать, что прогресс, которого мы так сильно желаем, происходит медленно; но *можно ли сейчас* принять такую идею?

Неоднократно замечалась любопытная склонность индийского слона. Я имею в виду отделение слона-самца от всех его товарищей, чтобы вести уединенное существование. Я скорее разделяю мнение некоторых туземцев, что они прогнали его за его собственные проступки; но я не знаю, применимо ли это в равной степени к еноту, единственному другому животному, я полагаю, о котором зафиксирована та же привычка. Как бы то ни было, слон-отшельник особенно свиреп и озорничает, и его поимка становится вопросом политики или даже необходимостью. Индейцы отслеживают его в сопровождении двух дрессированных слоних, которые приближаются к нему, словно не замечая его присутствия, и начинают есть окружающую пищу как нечто само собой разумеющееся. Если он присоединяется к ним, они осыпают его своими ласками, и пока он отвечает на их уговоры, охотники тихо подкрадываются к его ногам и, связав их вместе, привязывают его к дереву или отпускают на свободу, просто надев кандалы на все его ноги. Конечно, он приходит в страшную ярость, особенно когда самки покидают его; но голод, жажда и безрезультатная борьба в конце концов умирят его; его уведут и обычно дрессируют; но если его насильственные усилия приведут к освобождению, он ныряет в леса, куда охотники благоразумно больше не заходят, чтобы его поймать. Некоторые слонихи также используются для заманивания диких самцов в ограду, где они находятся под охраной; и существует массовый метод окружения стада несколькими мужчинами, которые с помощью различных шумов, ружейной стрельбы, фейерверков, барабанов и труб загоняют слонов в загоны, построенные для этой цели и снабженные водой; где бедные создания вынуждены оставаться некоторое время. Слоны приходят в ярость; и поскольку самые прочные ограждения могут уступить их непреодолимой силе, повсюду расставляются часовые, которые разжигают костры и издадут все звуки, которых пленники больше всего боятся, пока они снова не затихнут.

Слоны, после долгих лет приручения, вернутся в леса и возобновят свои дикие привычки; но они никогда не забывают о своем воспитании. Их бывшие хранители узнали их среди своих диких товарищей, позвали их, и без колебаний они ушли из среды своих собратьев и спокойно вернулись к своим прежним привычкам по прошествии десяти лет. Все они чрезвычайно чувствительны к похвалам и ласке тех, кто ухаживает за ними, ради кого они готовы прилагать самые замечательные усилия. Они полезны при перевозке артиллерии и тяжелого багажа, и их послушание и безукоризненное выполнение своих обязанностей, даже когда они предоставлены самим себе, безупречны. В настоящее время они не используются на войне, за исключением некоторых местных принцев; но они в основном участвуют в государственных процессиях, украшенные самыми дорогими украшениями из золота и серебра, головными уборами из драгоценных камней, золотыми и серебряными цепями, колокольчиками и т. Д. Путешественники обычно надевают себе на спину что-то вроде навеса, в котором могут сидеть два или три человека; но седло чаще всего используется при охоте на тигров. Они ловко хватают этих животных на бивни, если атаковать спереди, но тигр иногда хватается их с фланга, когда, если они не могут броситься на него, слоны бросаются вперед, и тигра обычно пристреливают. Утверждение, что слон и носорог будут драться на дуэли ради удовольствия, по-видимому, не подтверждается опытом; но между ними были замечены поединки, в которых иногда один, а иногда и другой одерживал победу.

Количество пищи, ежедневно потребляемое слоном в неволе, исчисляется в 200 фунтов, не считая тридцати шести ведер воды. Он состоит из репы, риса, мякоти, отрубей, сена и морского печенья. Для его постели разрешена солома, которую обычно употребляют до утра; кроме того, когда они находятся в зверинцах, они получают немалое количество лакомств от посетителей. Я никогда не мог войти в Ротонду парижского зверинца, не получив хлеба или моркови для ее обитателей: в тот момент, когда индийский слон замечал меня, он обычно садился, снова вставал, делал так называемый реверанс и разыгрывал другие шалости; а в тот момент, когда я появлялся перед ним, снова садился на корточки; его хобот поднимался, а огромная пасть широко открывалась, чтобы принять то, что я в нее бросал; поза была такой гротескной и умоляющей, что отказать ему было невозможно. В своих естественных условиях слоны поедают молодые сочные корни и ветви деревьев; последние они взбивают два или три раза, прежде чем взять, а затем засовывают в левую сторону рта; они также поедают траву и луковичные корни, которые вытаскивают хоботом. Огромные количества, в которые собираются стада, дают некоторое представление о размерах растительных богатств, которые могут прокормить таких колоссальных едоков из поколения в поколение; вес обычного стада будет составлять 7000 фунтов, и ум приходит в замешательство, думая о количестве, необходимом для ежедневного прокорма тысяч таких животных. Они прокладывают тропы в лесах, которые были бы непроходимы для других; и, по-видимому, проявляют большую осмотрительность при выборе своего маршрута; большие слоны-самцы идут впереди, сокрушая джунгли, срывая ветви и вырывая с корнем деревья; самки и детеныши, которых иногда бывает до трехсот, маршируют гуськом, и проделанный таким образом путь такой же гладкий, как дорожка из гравия. Они часто носят с собой ветки деревьев, которыми на ходу отгоняют насекомых от своего тела.

Жена поселенца очень горько пожаловалась мистеру Принглу на уничтожение посевов ее мужа слонами, которые, по ее разумному мнению, были слишком большими, чтобы с ними бороться, и время от времени они, казалось, причиняли вред просто из распутства. В том же самом месте однажды темной и дождливой ночью на окраину деревни спустился отряд; но, зная, что иногда встречаться с ними опасно, жители не вышли на улицу, хотя и слышали, как они издавали

ужасный рев и гам. На следующее утро выяснилось, что один из слонов упал в недостроенную траншею, в которой не было воды, и не знал, как оттуда выбраться. Предполагается, что его товарищи вытащили его с помощью своих сундуков, поскольку были четко очерченные следы того, что они расположились по бокам; кто-то стоял на коленях, и что таким образом его подняли.

Замечательный побег лейтенанта. Муди - одна из самых необычных встреч в истории. Слуга сообщил ему, что поблизости находится большое стадо слонов и что отряд вышел напасть на них, поэтому он решил присоединиться к охоте; но, заблудившись в джунглях, он не догонял их, пока они не отогнали слонов с их первой стоянки. Выйдя из джунглей, он шел через луг на берегу Гуаланы к месту, откуда началась стрельба, когда его внезапно предупредили о какой-то опасности криком "Осторожно" на голландском и английском языках. Он услышал позади себя треск, вызванный тем, что слоны ломались сквозь лес, который сопровождался их криками. Крупная слониха и три слонихи поменьше отделились от остальных и направились к нему; но, поскольку позиция для стрельбы была неподходящей, мистер Муди отступил с их прямого пути, чтобы занять лучшее место для прицеливания, и надеялся, что они его не заметят. Они, однако, быстро преследовали его; он приберег огонь на крайний случай и, повернув под прямым углом, направился к берегу реки, намереваясь укрыться среди скал на другом берегу. Однако перед этим они были совсем близко от него, крича так пронзительно, что он был почти оглушен их шумом. Он повернулся к ним и выстрелил в голову самому крупному; порох отсырел, ружье повисло, пока он не снял его с плеча, когда оно выстрелило, и пуля задела голову большого слона сбоку. На мгновение она остановилась, а затем яростно бросилась вперед: сбита с ног или нет, он никогда не мог сказать; но лейтенант. Муди упал. У животного был только один бивень, который промахнулся мимо него, когда она бросилась на него; но оно вспахало землю в дюйме или двух от его тела; затем она схватила его хоботом за середину, бросила между передними лапами и некоторое время била им; одна из этих огромных лап однажды так сильно надавила на него, что его кости согнулись под ее тяжестью. Он не потерял памяти, и ему постоянно удавалось поворачиваться набок и таким образом избегать нескольких ударов. Двое из его группы подошли и выстрелили в нее; только одна пуля попала ей в плечо; затем ее детеныши отступили, и она оставила свою жертву, в конце концов сбив ее задними лапами, когда уходила. Он встал, подобрал свой пистолет и, пошатываясь, зашагал прочь так быстро, как только мог. Она обернулась, посмотрела ему вслед, а затем он лег в высокую траву и таким образом ускользнул от ее внимания.

Солдату Королевского африканского корпуса не удалось спастись, как мистеру Муди, потому что слон схватил его хоботом, пронес на некоторое расстояние, бросил на землю, свел вместе все четыре ноги и топтал до тех пор, пока он не умер. Он оставил тело, затем вернулся к нему, опустился на колени, еще раз раздавил и размял его; затем схватил хоботом, отнес в джунгли и бросил в кусты.

Один из сильнейших инстинктов слона состоит в том, чтобы испытать на прочность все, прежде чем он отважится на это, и почти невозможно заставить его доверять себе на любой поверхности, которая не является идеально твердой и устоявшейся. Поэтому более необычной является хорошо достоверная история о танцующем на канате или, скорее, ходячем слоне, который ходил не только вперед, но и назад по подвешенной веревке.

Семилетняя слониха, которую привезли в "Адельфи", сначала убедилась в безопасности сцены, а затем начала репетировать роли, которые она играла в Париже. Добившись такого успеха на этом месте, она стала чаще выступать в Кобургском театре, где репетировала в течение трех недель, затем выделила актеров, научилась возлагать корону на голову законного короля и пировала на его банкете с соблюдением всех приличий. Всему этому ее научила доброта.

Бедный маленький слоненок вертелся вокруг тела своей матери после того, как она была убита, издавая самые жалобные звуки; стадо покинуло их, и они провели ночь в лесу. Бедняжка, когда подошли охотники, обвила своим маленьким хоботком их ноги, выказала свой восторг при их приближении множеством неуклюжих ужимок, затем подошла к телу своей матери, распугивая стервятников; обежала вокруг него со всеми признаками горя и попыталась поднять его хоботом. Конечно, доверием слоненка никто не злоупотребил, хотя его желания помочь матери не могли быть удовлетворены.

Цейлонские слоны всегда считались лучшими, и примеры их памяти совершенно необычны. Излюбленным способом казни канадцев, когда они были хозяевами острова, было заставлять слонов топтать преступников, чтобы сначала раздробить им конечности и, избегая жизненно важных частей, продлить их агонию. Когда мистер Сирр был там, он видел одного из этих палачей-слонов. Ему было отдано приказание: "Убей негодяя!" - после чего он поднял хобот, притворился, что обвивает им тело, затем медленно поднял одну из своих передних ног и поместил ее туда, где должны были находиться конечности жертвы; затем он застыл неподвижно, подняв хобот в воздух. Ему было приказано завершить свою работу, и он поставил одну ногу как бы на живот мужчины, а другую как бы на его голову, с явно достаточной силой, чтобы уничтожить жизнь. Слон не делал этого тридцать пять лет, и все же вспомнил все. Они достигают преклонного возраста и, как известно, живут более ста лет.

Майор Роджерс, убивший тысячу четыреста слонов, застрелил одного, которому пуля лишь задела плоть; существо в ярости издало свой трубный вопль, схватило майора хоботом, отнесло его к глубокой яме, швырнуло в нее и растоптало, сломав ему правую руку в двух местах и несколько ребер. Он, должно быть, был бы убит, если бы дыра была достаточно большой, чтобы дать слону возможность проявить всю свою силу. Он потерял сознание; но когда он пришел в себя, обнаружил, что слон исчез, а друзья окружили его: он знал, что произошло, и сказал, что всегда принимал решение в случае такого несчастного случая оставаться совершенно пассивным, поскольку это дает наилучший шанс на спасение, — и его план оправдался.

Ничто из того, что было сделано со слонами в виде оскорбления, поддразнивания или недоброжелательности, никогда ими не забывается или прощается, и они обязательно воспользуются возможностью отомстить. С другой стороны, доброту в равной степени помнят и ценят; нелепое доказательство этого пришло в голову одной даме, которая, когда часто ходила посмотреть на слона-самца, носила ему хлеб, яблоки и бренди. Чтобы выразить свою благодарность за это, однажды он поднял ее своим сундуком и посадил себе на спину. Поскольку она не могла насладиться этим свидетельством его чувств, она испустила самый пронзительный вопль и стала умолять о помощи окружающих. Его сторожа, однако, посоветовали ей не шевелиться, и там ей пришлось ждать, пока он снова не обхватит ее своим хоботом и не поставит на землю в безопасности. Доказательством привязанности слонов друг к другу были двое в Ботаническом саду, которых с трудом разлучили во время их путешествия туда из Голландии. Они были размещены в двух квартирах, разделенных опускной решеткой.

Вскоре мужчина обнаружил, что она запирается только на перпендикулярный засов, который он вскоре поднял, а затем бросился в другую комнату. Радость этих двоих при встрече трудно описать: их радостные крики сотрясли все здание, и они выдували воздух из своих хоботов, напоминая удары кузнечных мехов. Самка с большой быстротой пошевелила ушами и обвила хоботом тело самца; она долгое время держала конец неподвижно у его уха и, снова обхватив им его тело, приложила ко рту. Самец обхватил ее хоботом и заплакал. Впоследствии их держали в одной квартире, и их привязанность никогда не прерывалась.

Негодование слонов по поводу того, что над ними смеются или их обманывают, проявлялось очень часто; и иногда они наказывают обидчиков смертью; в других случаях они, кажется, прекрасно понимают, каким образом их возмездие возымеет наибольший эффект, не нанося столь серьезного порицания.

Одному художнику из Парижа не терпелось нарисовать одного из слонов тамошнего зверинца с поднятым хоботом и широко открытой пастью. После того, как в течение некоторого времени он бросал фрукты и овощи, чтобы заставить его повторить эту позу, его сторож только делал вид, что делает это, боясь дать ему слишком много еды. Слон, наконец, разозлился и прекрасно понял, что художник был причиной его раздражения; поэтому он повернулся к нему и плеснул немного воды на бумагу, на которой тот рисовал. Главным образом, у животных с высочайшим интеллектом мы находим величайшую привязанность и благодарность; слоны иногда отказывались от еды и умирали от тоски в разлуке со своими любимыми хозяевами, и они никогда не изглаживаются из их памяти. Их человечность также часто бросается в глаза; и нам рассказывают об одном человеке, который, получив приказ перешагивать через тела каких-то больных, сначала отказался идти вперед; а затем, подстрекаемый своим возницей, осторожно поднял бедняг своим сундуком и положил их на бок, чтобы не причинить им никакого вреда.

Ниже приводится еще один ужасающий пример их силы и мстительности, рассказанный мистером Берчеллом, южноафриканским путешественником. "Карл Кригер был бесстрашным охотником и, будучи отличным стрелком, часто попадал в самые опасные ситуации. Однажды, преследуя со своей свитой слона, которого он ранил, разъяренное животное внезапно обернулось и, выделив из остальных человека, которым оно было ранено, схватило его хоботом и, подняв свою несчастную жертву высоко в воздух, со страшной силой швырнуло ее на землю. Его товарищи, охваченные ужасом, опрометчиво бежали с места происшествия, не в силах оглядываться назад на продолжение ужасной трагедии; но на следующий день они отправились на то место, где собрали те немногие кости, которые удалось найти, и похоронили их. Разъяренное животное не только буквально растоптало тело Кригера на куски, но и не почувствовало удовлетворения своей мести, пока не растерло в пыль саму плоть и кости, так что от несчастного человека ничего не осталось, за исключением нескольких последних, которые, судя по их размерам, оказали наибольшее сопротивление".

Месье Фредерик Кювье в своем замечательном эссе "Одомашнивание животных" пишет следующее о слоне в зверинце Ботанического сада. Забота об этом животном была доверена, когда ему было всего три или четыре года, молодому человеку, который научил его ряду тех трюков, которые забавляют публику. Животное любило его так сильно, что не только безукоризненно подчинялось всем его командам, но и чувствовало себя несчастным в его присутствии. Он отвергал доброту всех остальных, и его даже с трудом уговорили съесть предложенную ему еду.

В течение определенного периода слон оставался со своим владельцем, и молодой человек, его сын, постоянно проявлял величайшую доброту по отношению к животному; но в конце концов он был продан правительству, и его сторож был нанят заботиться о нем; лишенный всяких ограничений, и его семьи больше не было рядом, чтобы присматривать за ним, последний пренебрег своей опекой и, будучи в состоянии алкогольного опьянения, даже ударил своего любимца, ибо тот предался худшим привычкам. От природы веселый нрав слона начал меняться, и его сочли больным; он по-прежнему был послушным, но упражнения больше не доставляли ему удовольствия. Время от времени он проявлял нетерпение, но старался подавить свои чувства; однако борьба так сильно изменила его, что его сторож стал еще больше недоволен им. Молодому человеку был дан приказ никогда не бить слона, но тщетно. Огорченный потерей своего влияния, которое с каждым днем становилось все меньше, его собственная раздражительность возрастала; и однажды, будучи еще более неразумным, чем когда-либо, он ударил слона с такой жестокостью, что животное издало яростный крик. Испуганный сторож убежал, и хорошо, что он это сделал, потому что с этого момента слон не мог выносить его вида, приходя в ярость при его появлении; и ничто уже не могло вернуть бедному животному его прежнее хорошее поведение: ненависть сменилась любовью, индокитай - послушанием, и пока животное было живо, эти два последних чувства преобладали.

Мистер Бродрип в своих восхитительных "Зоологических развлечениях" рассказывает нам о слоне, которого показали среди других диких зверей на ярмарке на Западе Англии. Один из зрителей угостил слона несколькими превосходными пряничными орешками, в обмен на которые животное без приглашения исполнило свои трюки. Даритель, однако, был большим шутником, и когда он завоевал доверие добродушного животного, то преподнес ему большой сверток весом в два или три фунта, который слон, ничего не подозревая, взял сразу целиком. Однако едва он проглотил его, как издал громкий рев и, казалось, сильно страдал; он отдал ведро своему сторожу, как бы прося воды, которой ему давали в изобилии. "Хо-хо!" - сказал его мучитель. "По-моему, эти орешки были немного горячими, старина". "Вам лучше убраться отсюда", - воскликнул сторож, - "если вы не хотите, чтобы ведро упало вам на голову, и так вам и надо". Слон выпил шестое ведро до краев, а затем швырнул пустой сосуд в голову человека, как раз в тот момент, когда он освобождал вход на представление, иначе, скорее всего, он расстался бы с жизнью. Год спустя, в том же месте, джокер снова пошел посмотреть на слона, с одним карманом, полным хороших орехов, а другим - перцовых. Он дал животному немного первого, а затем подарил ему то, что было горячим. В тот момент, когда слон попробовал его, он схватил человека за фалды пальто и поднял его с земли, когда ткань поддалась, он упал, полумертвый от страха; и его пальто превратилось в куртку. Слон сохранил юбки, засунул хобот в карманы и, как следует осмотрев, неторопливо съел вкусные орехи. Покончив с этим, он топтал остальные, пока не превратил их в месиво, затем разорвал полы пальто на лоскуты и бросил их владельцу.

Мы не должны упускать из виду замечательное пристрастие слона к бренди, рому или араку, которые побуждают его прилагать экстраординарные усилия и которые кажутся почти неестественными в столь простом питании.

БЕГЕМОТ.

Наверх

Когда весь Лондон и половина Англии побывали в Зоологическом саду, чтобы посмотреть на гиппопотама, у меня такое чувство, что работа о животных, написанная в настоящее время, была бы неполной, если бы в ней не было упоминания об этом животном. Тем не менее, несмотря на исследование старых и новых книг, личных воспоминаний, мне трудно поставить его на интеллектуальное место среди тех, о ком говорилось или будет идти речь на моих страницах. Когда я услышал столь щедрые похвалы в его адрес, когда меня даже упрекнули в том, что я не был у него, я начал думать, что ошибся, и что мое прежнее знакомство с его братьями, должно быть, состоялось при обстоятельствах, вызвавших предубеждение; поэтому я нанес ему визит, провел некоторое время, наблюдая за ним, и ушел, более чем когда-либо пораженный чудесным воздействием, которое новизна и разнообразие произведут на умы людей; придавая красоту и интерес самому неуклюжему облику и добродушной скучности..... В этой стране он, безусловно, выглядит более привлекательно, чем в своей собственной, потому что здесь его кожа окрашена розовым румянцем, а там он слишком часто покрыт грязью, чтобы носить какой-либо другой вид, кроме грязно-коричневого.

Гиппопотам - исключительно обитатель Африки; и совершенно безвреден, когда его не провоцируют; за исключением того, что он иногда забирается на плантации поблизости от места своего обитания, давит и пожирает урожай кукурузы или проса. Он предпочел бы избежать драк или ссор, но, как и все другие грубые существа, может отомстить за обиду с яростью, которая становится устрашающей из-за его огромного веса. Лучше всего он выглядит, когда идет по мелководью озера или реки, прямо под водой, с открытыми глазами; но если на поверхности окажется лодка или каноэ, то чем скорее оно доставит свой груз к берегу, тем лучше; потому что он уверен, что по крайней мере попытается опрокинуть его своей огромной спиной; не то чтобы у него были какие-то убийственные намерения, но он, вероятно, думает, что это вторжение в его особые владения.

Шкура гиппопотама, из которой делают огромные плети, имеет толщину по меньшей мере в два дюйма и не покрыта шерстью; ноги у него такие короткие, что тело взрослого почти достигает земли и иногда достигает пяти футов в поперечнике; хвост у него очень короткий и незначительный, а глаза и уши очень маленькие. Они живут вместе в небольшом количестве, питаются в основном травой и водными растениями и выходят ночью. На каждой ноге по четыре пальца, и каждый палец представляет собой отдельное копыто; ноздри открываются на верхней части морды; считается, что их мясо очень вкусное и напоминает свинину. Прямо под кожей находится толстый слой жира, который африканцы считают большим деликатесом для стола. Самец самый крупный; говорят, что существуют два вида. Подвиги мистера Гордона Камминга дают нам живое представление об их привычках; но в его работах нет ничего, что представляло бы хоть малейший интерес к их умственным способностям. Следующий отчет, написанный пером капитана Оуэна, исследовавшего столь обширную часть африканского побережья, является единственным встреченным мной примером, который носит видимость почти неспровоцированного гнева со стороны гиппопотама: "При обследовании рукава реки Темби в заливе Делагоа внезапно из—под лодки послышался сильный толчок, и в следующий момент

чудовищный гиппопотам поднялся из воды и в самой свирепой и угрожающей позе бросился с разинутой пастью на лодку; одним движением он схватил лодку за борт. своими огромными челюстями оно схватило и оторвало от нее семь досок; существо исчезло на несколько секунд, а затем поднялось снова, очевидно, намереваясь повторить атаку, но, к счастью, было остановлено содержимым мушкета, выпущенного ему в лицо. Лодка быстро наполнялась; но, поскольку она находилась не более чем на расстоянии длины весла от берега, им (команде) удалось добраться до него до того, как она затонула. Киль, по всей вероятности, задел спину животного, что, разозлив его, вызвало эту яростную атаку; и если бы его верхняя челюсть оказалась выше планшира, весь борт, должно быть, был бы вырван. Сила удара снизу, предшествовавшего нападению, была настолько сильной, что корма судна почти поднялась из воды, а мистер Тамбс, мичман-рулевой, был выброшен за борт, но, к счастью, спасен до того, как разъяренное животное успело схватить его".

Бегемота с его застенчивыми и уединенными привычками легко заметить, когда он прячется в камышах, растущих на берегу реки, но если он однажды войдет в воду, его всегда можно обнаружить по свистящему шуму, который он издает.

СВИНЬИ.

Наверх

Природа так сильно пометила дикую и ручную свинью одинаковыми признаками, что не возникает никаких колебаний при объявлении первой породы, от которой мы вывели вторую. Однако, как и у всех других свободных и одомашненных животных, у диких видов морда удлинена, чего нет у обитателей наших свинарников. Бивни также крупнее; в этом случае, как и во всех других, это показывает, как щедро Великий Творец заботится обо всех. От домашней свиньи не требуется искать себе пищу и выкапывать корни, как это делает ее дикий собрат, и, следовательно, части тела, наиболее используемые для этих целей, развиты неодинаково. Оба, однако, обладают очень мощными мышцами шеи и плеч, которые приводят в движение их большие и сильные челюсти. У всех них по четыре пальца на каждой ноге; два пальца посередине самые большие и вооружены крепкими копытами. Их морда выглядит так, как будто ее внезапно отрубили, как будто для того, чтобы обнажить ноздри, которые проколоты в этой усеченной части. Их треугольные клыки, или бивни, выступают за пределы рта; клыки обеих челюстей загibaются вверх. Из них получается очень грозное оружие, поскольку многие собаки и охотники знали ему цену. Дикая свинья покрыта жесткой темно-коричневой шерстью, которая с возрастом становится седой, и более прямой вдоль спины. Хвост короткий, и у многих разновидностей домашней свиньи он очень туго закручивается.

Самец дикого кабана общается с самкой лишь короткое время, а в остальное время живет один, в самых густых частях густых лесов; по вечерам он выходит добыть себе пищу, которая в основном растительного происхождения. Дикая свинья ест животные субстанции только под давлением голода. Самки собираются в стадо, и их детеныши остаются с ними до двух-трехлетнего возраста. Когда они вот-вот появятся на свет, матери отступают как можно дальше от отцов, поскольку последние всегда испытывают самое страстное желание сожрать свое потомство. Самки, оставленные защищать себя и своих детей, размещают последних позади себя и выставляют себя в линию для атак врага, или они образуют вокруг них круг и проявляют

необычайную ярость и отвагу. Южноафриканский путешественник Спаррман утверждает, что дикие свиньи в этих регионах, преследуемые так близко, что им невозможно убежать, заглатывают молодых поросят прямо в рот. К его удивлению, однажды, преследуя стадо, все детеныши исчезли, и он не мог объяснить тайну, пока не осознал этот странный факт.

Охота на диких кабанов с самых древних времен считалась благородным видом спорта; ибо она не только требовала ловкости и мужества, но и была сопряжена со значительными опасностями из-за крайней свирепости этих животных в загоне и легкости, с которой они разрывают своих противников своими клыками. В прежние времена они считались королевской дичью, и на тех, кто убивал их, не имея на то привилегии, налагались штрафы. Время их истребления в Англии неизвестно; но мы знаем, что в царствование Карла Первого были отданы приказы о том, чтобы несколько домашних свиней были выведены в Новый лес, чтобы они могли одичать; но все они были уничтожены во времена Кромвеля. Некоторые из них все еще обитают в обширных европейских лесах, и множество гончих до сих пор обучены охотиться на них. Лошади особенно встревожены ими, и в истории охоты на кабана мы постоянно читаем о спортсменах, которых заставляли слезать со своих коней, чтобы точно прицелиться. Количество древних видов оружия, в которых они найдены, и названия древних мест, происходящих от них, свидетельствуют об их многочисленном присутствии здесь; например, Брэндон, который является *логовом брауна*; brawn - старое название кабана. Их кожа настолько толстая, что часто ослабляет силу попадания пуль, которые после смерти были обнаружены лежащими между ней и плотью.

У африканских диких кабанов морда шире, чем у их европейских собратьев, и есть два выступа под глазами, которые мешают им видеть что-либо под ними. Они живут в подземных норах; и один из них, которого некоторое время держали взаперти, был случайно оставлен на свободе в маленьком дворике рядом с его клеткой, где он разорвал мостовую и уже вырыл глубокую яму, когда вернулся его сторож. Когда туземцы Африки протыкают человека копьем или заманивают в ловушку, они связывают ему передние лапы вместе, подвешивают его на шест, украшают его и себя ползучими растениями и возвращаются в свои хижины с торжествующими криками и ликованием. Мякоть у них очень мелкозернистая, белая и твердая. Невозможность сохранить мясо в этой стране до тех пор, пока оно не станет мягким, делает мясо дикого кабана почти бесполезным для европейцев, если только их зубы не соперничают с зубами негров.

Некоторое представление о виде спорта, сопровождающем охоту на диких кабанов, можно составить из следующего рассказа об одном из них, имевшем место в лесу Люксембурга. В битве нескольких из этих животных согнали вместе, и они ринулись вперед, как эскадрон тяжелых драгун, прорываясь сквозь подлесок. Прозвучало несколько выстрелов, и они попытались рассеяться. Один охотник вышел из строя, и на него бросился кабан; но новый выстрел сломал ему ногу; что, однако, хотя и сделало его более свирепым, заставило его свернуть в лес. Хорошо натренированные собаки и охотники преследовали его; и когда они догнали его, то обнаружили, что он ужасно свиреп. Одна из гончих, более смелая, чем остальные, бросилась на зверя, схватила его за ухо и перепрыгнула через него на противоположную сторону. Они побежали вместе, голова кабана почти перевернулась вверх тормашками; но внезапным рывком собака сбросила его с себя, и кабан, разорвав ему живот, подбросил на несколько футов в воздух. Затем стая собралась вокруг так плотно, что продвижение кабана было остановлено; затем люди подошли и перерезали ему горло. В другом месте леса свинья весом в триста фунтов, за которой следовали ее детеныши, была ранена и

яростно преследовала охотника, которого она застала врасплох в узком проходе между двумя скалами. Он дождался ее приближения и выстрелил, или, вернее, попытался выстрелить, но его ружье промахнулось; затем он в одно мгновение упал на лицо и руки, и свинья пробежала по его телу. Поднявшись и зарядив ружье, он снова спровоцировал свинью своими криками. Покрытое пеной существо с горящими глазами повернулось к нему, но на этот раз оно получило удар в голову и упало.

Дикие свиньи легко приручаются и так же легко возвращаются к своим нецивилизованным привычкам; но тогда они, по-видимому, держатся стаями. Мистер Байэм рассказывает следующее приключение с этими отступниками: "Однажды я охотился один, пешком, в довольно открытом лесу, когда примерно в шестидесяти ярдах от меня появился крупный кабан, и, не увидев никого из его товарищей, я выпустил мяч и сбил его с ног. Лежа, он пару раз яростно хрюкнул; и большое стадо кабанов и свиноматок выскочило из какого-то густого подлеска позади него и, посмотрев несколько секунд на упавшее животное, бросилось на меня; но они опоздали, потому что, увидев их, я подбежал к дереву, "зарубил" его на всю жизнь и только успел вскарабкаться на несколько расходящихся ветвей, примерно в десяти футах от земли, когда все стадо прибыло, хрюкая и пища, к подножию дерева. Я не мог удержаться от смеха над нелепой фигурой, которую, должно быть, изобразил, загнанный на дерево дюжиной свиней; но вскоре выяснилось, что это не повод для смеха, потому что их терпение, как я ожидал, не скоро истощилось; они уселись вокруг дерева примерно в двадцати ярдах от меня и продолжали смотреть на меня своими маленькими блестящими глазками, как бы говоря: "Мы тебя еще поймем". Таковы собственные слова мистера Байама; и теперь я привожу продолжение в более сокращенной форме, хотя, поступая таким образом, я чувствую, что лишаю рассказ смысла. некоторые изюминки: Приняв решение о регулярной осаде, он проверил свои запасы и обнаружил, что ими являются двуствольное ружье, фляжка с порохом (почти полная), множество медных колпачков; несколько зарядов дробы; всего две пули; нож, кремь и сталь; кусок твердого сушеного языка; маленькая фляжка спирта с водой; и хорошая пачка сигар. Он не мог ожидать облегчения, о вылазке не могло быть и речи, поэтому он устроился поудобнее, насколько мог. Проходил час за часом, свиньи не шевелились, за исключением тех случаев, когда одна или две возвращались посмотреть на своего мертвого товарища, словно желая отомстить. Наконец заключенный охотник додумался стрелять порохом каждые несколько минут, крича при этом. Один ствол его ружья все еще был заряжен дробью, и он прицелился в старого кабана, который, вернувшись от своего покойного друга, посмотрел на него снизу вверх и хрюкнул. Весь заряд с расстояния около двадцати футов попал в морду кабана, который затем развернулся и убежал, производя ужасный шум. Остальная часть отряда бросилась к подножию дерева, но крик старого кабана отвлек их, и все стадо погналось за ним, издавая такой шум, какого никогда прежде не было ушей мистера Байама. Он пробыл на дереве недолго, а когда все стихло, соскользнул вниз и побежал так быстро, как только мог, в противоположном направлении.

Свиньи не одинаково ценятся всеми народами. Отвращение, с которым они относились к египтянам, продолжилось и у израильтян; не только из-за того, что они жили с этими людьми, но и потому, что они были нечистыми животными. На них все еще смотрят в этом свете брахманы и мусульмане, которые выращивают их только для того, чтобы продавать христианам или делать из них падальщиков, поскольку в домашнем хозяйстве они всеядны. Нелюбовь последних к ним когда-то была мне очень полезна; ибо, когда мы стояли бивуаком недалеко от мусульманской деревни, люди и священники столпились вокруг нас, создавая чрезвычайные хлопоты; и

единственный способ, которым мы могли держать их на расстоянии, без применения силы, был, привязав куски ветчины к разным входам в здание, в котором мы находились.

Похоже, что свиньи, чем-то похожие на крыс, таинственным образом распространены по всему лицу земли; и большое изумление вызвало обнаружение их в этих отдаленных уголках земли у первооткрывателей островов Южного моря. Возможно, там были более ранние мореплаватели, чем мы.

Свинина, свежая или вяленая, составляет основную пищу наших моряков и крестьян; и самое ценное - свинья для бедняка. Это часто домашнее животное младших ветвей своей семьи, и оно с интересом отвечает на их привязанность.

Конечно, это досужая басня о том, что свиньи могут видеть и чуют ветер; но совершенно верно, что они всегда сильно волнуются, когда приближается буря.

Учитывая глупость, с которой они убегают, когда напуганы, манеру, с которой они пищат по всем поводам, и упрямство, которое они проявляют очень часто, когда предпринимаются попытки облегчить их состояние или утешить, неудивительно, что сформировалась низкая оценка их интеллекта. Тем не менее, их обучали указывать на буквы и произносить слова по буквам, пока они не приобрели прозвище "ученых свиней". Что, однако, более полезно, так это то, что на юге Франции они управляются с плугом — их учат охотиться за трюфелями, которые спрятаны под землей, — они даже отслеживают дичь, как самые опытные пойнтеры. Последнее наставление передавалось с помощью камней и пудинга; если они не справлялись со своими обязанностями, они получали первое; но когда они опускали уши и хвост и опускались на колени и не вставали, пока птицы не поднимались, они лакомились "комочками пудинга".

О прожорливости свиней существует множество историй, все более или менее неприятные; и ни одна из них не была более неприятной, чем когда они убивали и частично съедали детей и полностью пожирали своих юных хозяев. Подобные истории были слишком достоверны, чтобы в них можно было сомневаться; но они являются исключениями из общей истории этого животного. Гораздо приятнее говорить о жизни, смерти и похоронах бедного Жана, который был спасен из помета из шести человек (родившихся на борту корабля) от ножа мясника. Ее воспитывали как домашнее животное, и ей приходилось бегать по палубе среди овец и коз. Большую часть живности смыло, но Джин осталась, потому что ее спрятали в баркасе. В теплых широтах матросы ели на палубе, и она всегда была в столовой, совала нос в каждый пакет с хлебом и обжаривала его в супе. Матросы влили ей в горло грог и дважды напоили ее; и она вела себя так, как ведет себя большинство людей в подобных случаях.

Из-за нехватки свежей провизии в китайских морях Джин было приказано убить, в один прекрасный день съесть ее жаркое, на следующий день превратить ее голову в черепаховый суп, а после этого поджарить ноги и т.д.; но команда корабля умоляла пощадить ее, заявляя, среди прочих причин, что, когда ее позовут, она явится, как собака. "Джин! Джин!" - воскликнула капитан и побежала вперед, подставив подножку вахтенному офицеру.

Как и большинство домашних животных, Джин стала невыносимо толстой и ленивой, и в этом состоянии она вызывала большое влечение у китайцев; они тосковали по ней, хотели купить ее, умоляли о ней и наблюдали за ней, зная, что она скоро умрет, а затем будет выброшена за борт. Джек, однако, не имел ни малейшего желания угождать китайцам, и когда бедняжка Джин испустила дух, на нее наложили два куска балластного железа, по одному на каждую щеку, и

привязали к ее шее и плечам таким образом, что своими выступами они образовали длинную острую морду, которая погружалась в грязь. Ее спустили за борт корабля головой вперед, и когда она оказалась под поверхностью воды, веревка была отброшена, и ее хорошо нагруженная туша погрузилась слишком глубоко, даже для поисков хитрого китайца.[6]

[6] Источник, откуда я почерпнул этот анекдот, ускользнул от меня; но я думаю, что он принадлежит перу капитана Бэзила Холла.

НОСОРОГИ.

Наверх

Обладая такой же малой личной красотой, как и толстокожие, которых я до сих пор лечил, носорог занимает свое место среди сильных мира сего. У него нет бивней, но на носу есть один или два рога. Из них, когда их два, передний является самым крупным, все они изогнуты и отполированы и, по-видимому, состоят из волосков, собранных в сплошную массу. Кости носа заметно утолщены и развиты в ту форму, которая лучше всего приспособлена для сопротивления удару, а именно в дугу; и благодаря этому животное не только способно высоко держать свой рог, но и выдерживать огромное сопротивление, с которым оно сталкивается, когда использует этот рог. У всех видов, кроме одного, верхняя губа удлинена и способна к такому удлинению, что становится цепкой; он выпячивает эту губу, опускает свой рог или рога так, чтобы наклониться вперед, и бросается на объект своего гнева или неприязни с почти непостижимой яростью. Я уже опроверг утверждение, что он ищет слона с целью дать ему бой, и по этому случаю, как говорили, он заострял свой рог о камень непосредственно перед схваткой: согласно рассказу мистера Гордона Камминга, они обитают по соседству, не проявляя какой-либо особой вражды друг к другу.

Насколько нам известно в настоящее время, существует шесть видов, все из которых обитают в Африке и Индии, включая Яву и Суматру; у них по три пальца на каждой ноге, покрытых копытом. Бока их тела заметно выступают вперед; их кожа чрезвычайно толстая, с узловатой поверхностью, и по ней разбросано всего несколько волосков. У индийских носорогов огромные складки этой кожи, свисающие с плеч, задних конечностей, шеи и бедер, которые выглядят так, как будто каждая складка охватывает толстую веревку; уши у всех торчком, глаза маленькие и расположены возле носа; хвост короткий; они держат голову так низко, что почти касаются земли; они вспахивают землю своим рогом, разбрасывая камни и почву без какой-либо видимой причины, и мало что может противостоять стремительной силе, которую они проявляют, когда бросаются на объект, возбудивший их ярость. Их обоняние и слух чрезвычайно остры, так что к ним трудно приблизиться; но поскольку их зрение очень ограничено, их можно избежать, скользнув в сторону, когда они преследуют врага.

Яванские и суматранские виды меньше, легче и, следовательно, менее свирепы и могущественны, чем другие. Как в Африке, так и в Индии существует суеверие относительно рогов всех видов, на которые, как утверждают туземцы, ощутимо действует яд. Из них принято делать чашки, и в Индии говорят, что жидкий яд, налитый в них, шипит таким образом, что переливается через край чашки. Жители Африки уверяют вас, что чашка почернеет по той же причине; и что вода, выпитая из нее, обладает целебными свойствами, особенно если ее

размешать с железом. Складки на коже африканского вида гораздо меньше, чем у индийского, и представляют собой едва ли больше морщин. Известно, что последние живут сто лет, и в молодости их кожа имеет розовый оттенок. Все они питаются молодыми ветками деревьев, кустарников и травы.

Было замечено, что кожа африканского носорога настолько полна насекомых, что птицы имеют обыкновение садиться на них с целью питаться этими насекомыми. Они позволяют своим крылатым друзьям оставаться в покое, думая, что пока они остаются, поблизости нет врага; но если они улетают, приближается какая-то опасность, на которую они немедленно обращают внимание. Эти птицы мало чем отличаются от молочая и остаются со своими друзьями до тех пор, пока их не вынудят покинуть их. Когда последних подстреливают, они улетают, издавая резкий крик, и возвращаются на свои позиции, когда все затихает, даже оставаясь на них всю ночь. Возможно, это имеет место и в Индии, но я видел записи об этом только в Африке.

Я должен предположить, что громкий свистящий звук, приписываемый африканскому носорогу, характерен для всех. Черная разновидность наиболее опасна; они бродят по ночам и ходят к реке напиться между девятью и двенадцатью часами. Эти внезапные приступы бешенства, которым подвержены все, особенно возмутительны у них; и было замечено, что они часами нападали на окружающие их кусты, издавая странный звук, что-то вроде сочетания ворчания и свиста. Их мякоть больше похожа на говядину, возможно, у нее даже более тонкий вкус. Они ходят поодиночке или парами, гораздо активнее всех и преследуют любой объект, который их привлекает, с упорством, которое просто смешотворно. По словам майора Харриса, большая часть мозга находится под рогами, и он видел, как они иногда собирались в стада по тридцать два человека. Лучшее место для прицеливания, когда желательно убить их, находится за плечом. Перед атакой они стоят, перекачиваясь телом из стороны в сторону. Они приходят в ярость при виде огня и, чтобы добраться до него, с безумной яростью бросаются вперед и не успокаиваются, пока не разбросают и не потушат все горящие дрова.

У белых носорогов шея длиннее, чем у других. Их морда короче и более квадратная, напоминая бычью.

Большинство привезенных в Европу носорогов были удивительно добродушны и послушны; но одного, которого поселили в Эксетер-Чейндж, держали в узде только с помощью кнута; никакая доброта на него не действовала, особенно во время его внезапных приступов ярости, которые были ужасающей силы.

Мистер Берчелл измерил носорога так, что от кончика носа до кончика хвоста у него было одиннадцать футов, а обхват тела составлял восемь футов четыре дюйма.

"Несколько лет назад, - говорит капитан Браун, - группа европейцев со своими местными слугами и слонами (конечно, это должно было быть в Индии) встретила с небольшой группой из семи человек (носорогов). Их вело более крупное и сильное животное, чем остальные. Когда этот крупный вожак бросился на охотников, первые слоны, вместо того чтобы использовать свои бивни в качестве оружия, развернулись и получили удар рога носорога по задним лапам; и сотрясение было настолько сильным, что оно мгновенно повергло их на землю вместе с их наездниками; и как только они снова смогли подняться на ноги, животное было готово повторить атаку и наверняка снова упало; и таким образом продолжалось состязание, пока четверо из семи не были убиты, тогда как остальные благополучно отступили".

ЛОШАДИ.

Наверх

Хотя я все еще задерживаюсь среди толстокожих, теперь я оставил позади тяжелые и неповоротливые формы, населяющие дикие и лесистые участки земной поверхности, и перехожу к группе, называемой Solipeda, из-за одного круглого и рогового копыта, которое окружает все ступни; виден один палец; и две точки с каждой стороны, под кожей, представляют боковые пальцы; кроме того, под ними есть мягкая подушечка, или то, что обычно называют лягушачьей, которая касается земли, когда животное ходит.

Сила, красота и подвижность — все это сочетается в лошадях; их голова изящной формы, с длинными заостренными ушами и большими глазами, поднята высоко или запрокинута; и когда они быстро оглядывают горизонт в поисках друзей или врагов, их четко очерченные ноздри вдыхают свежую энергию от мимолетного ветерка; но это еще не все - те же самые уши, прижатые к голове, говорят вам, что их оскорбили, и они намерены отомстить за оскорбление; когда они выпрямлены, они прислушиваются к звукам, которые не слышит их всадник, и когда они выпрямляются, они прислушиваются к звукам, которых не слышит их всадник. они устремлены вперед, они радуются ласковым голосам тех, кого они любят. Эти полные карие глаза указывают на страсти различного рода, часто они полны родительской любви к отпрыскам, которые резвятся рядом с ними, или благодарности к своим добрым хозяевам, провожающим своих благодетелей меланхолическим взглядом, когда те уходят. Эти ноздри раздуваются иногда от гнева, иногда от удовольствия погони; а изогнутая шея, широкая мускулистая грудь, изящные, изгибающиеся линии тела, правильной формы жилистые конечности, иногда тонкие и изящные в своих пропорциях, переносят этих прекрасных созданий через холмы и долины почти с быстротой птицы; в то время как их длинные грива и хвост развеваются в воздухе, как будто существо, которое они украшают, вот-вот воспарит к небесам.

В состоянии свободы лошади быстры, свирепы и любознательны; они собираются в большие стаи. Самцы проявляют самую преданную привязанность к самкам и защищают их и их потомство до самой смерти. Последние - любящие и преданные матери.

В активности нет животного, которое более определенно унаследовало бы свой характер от своих первых хозяев или инструкторов; их замечательные качества усиливаются; их свирепость превращается в мужество; их дикие действия превращаются в игру, а их привязанность и проникательность превосходят только собачьи. С другой стороны, большинство из того, что называется их пороками, можно отнести к их раннему обучению. Конечно, следует принимать во внимание природные склонности, которые у животных различаются в той же степени, что и у человека; и я встречался с лошадьми со вспыльчивым характером, которые были такими с того момента, как их забрали из родных лесов; но, вообще говоря, лошадь становится защитником, компаньоном, другом своего владельца. Когда он мертв, каждая его частичка полезна; а когда он жив, вся его энергия делает его одним из величайших благословений, которые милосердный Творец даровал земному владыке всего сущего.

Зубы лошадей - настолько важная часть их истории, что, хотя эта книга и не претендует на научную трактовку, она была бы неполной, если бы я вкратце не указал, насколько отчетливо они отражают возраст животного. Прежде всего, однако, следует знать, что рот, по-видимому, был специально сформирован для удил, с помощью которых человек управляет этим замечательным созданием; ибо каждому углу рта соответствует пространство между зубами, в котором оно располагается с наибольшим удобством. Передние зубы, или резцы, начинают появляться, когда лошади исполняется пятнадцать дней, и их количество достигает шести на каждой челюсти. Все, начиная с первого, находятся в верхней части, или коронке, выдолбленной в виде паза. Два зубца посередине сбрасываются и заменяются через три с половиной года, два следующих - через четыре с половиной, а два внешних, называемых угловыми зубцами, - через семь с половиной или восемь. С возрастом бороздки на коронках стираются, а вершушки зубов приобретают более треугольную форму. У самок нет клыков; но у самцов всегда есть два маленьких на верхней челюсти, а иногда и два на нижней; первые появляются, когда им исполняется четыре года, вторые - в три с половиной; они остаются заостренными до достижения лошадью шести лет, а когда ей исполняется десять, они начинают расшатываться и обнажают свои корни. У них по шесть точильных станков с каждой стороны каждой челюсти, с плоскими коронками, а эмалевые пластины, окружающие зубное вещество, выглядят у них как четыре полумесяца. Жизнь лошадей обычно длится около тридцати лет, но известно, что они часто превышали этот возраст. Затем, однако, жевание становится затруднительным, они становятся тощими или, что называется, не в форме; и старые любимцы, если за ними ухаживают должным образом, после долгой и добросовестной службы разминают и даже готовят для них пищу. Удивительно видеть, что полный отдых часто делает для них, даже в преклонном возрасте; и я видел, как вследствие этого их снова брали на службу, когда предполагалось, что они уже не выполняют никакой работы.

Происхождение лошадей настолько неясно, что это дало повод для частых спекуляций; не как в случае с собакой, в отношении типа расы, а той четверти земного шара, где они были впервые обнаружены. Мне кажется, что наибольшее количество мнений высказывается в пользу Татарии, или Центральной Азии, где, как предполагается, сейчас обитает единственная существующая дикая раса, все остальные находятся в состоянии свободы, будучи одичавшими или произошли от одомашненных пар, которые снова стали дикими. Некоторые из них обитают также в степях Татарии; но огромное количество населяет обширные равнины Южной Америки, которые, как предполагается, являются потомками испанских лошадей и спаслись от завоевателей этого континента. Большие стада также бродят по различным частям Северной Америки и Африки; меньшее их количество - в Англии, где они сократились до пони. М-р Белл, авторитет которого мало кто осмелится оспорить, считает, что египтяне были первыми людьми, подчинившими себе лошадь, и что в Африке существовала первоначальная раса; но древние тайны Востока только сейчас начинают открываться нам; и, я подозреваю, мы обнаружим, что египтяне получили своих лошадей, как и все остальное, от еще более древних азиатов.

Было бы тщетно пытаться в работе такого рода описать различные виды и разновидности лошадей; поэтому я быстро перейду к небольшой подборке из многочисленных анекдотов, представленных передо мной, некоторые из которых являются результатом личного опыта. Однако, прежде чем я это сделаю, было бы неплохо сделать несколько замечаний относительно их питания. Это в высшей степени растительные корма; при постоянном использовании предпочтение отдается зерновым и сушеным травам, таким как сено и солома, а также клеверу. Более ценные сорта редко используются в больших количествах, поскольку они питаются

исключительно зеленой травой. Они чрезвычайно любят лакомства, которыми так часто одаривают домашних животных, такие как хлеб, яблоки, пирожные и т.д.; А некоторые страстно любят сахар. Месье Фредерик Кювье научил одного из них, с которым он постоянно ездил верхом, разыгрывать определенные трюки, вознаграждая его за них сахаром; и, если припасов в его кармане было недостаточно, он останавливался в придорожной гостинице и покупал еще немного для лошади. Соответственно, когда сообразительное животное снова приходило в эти дома, оно проделывало те же проделки, которые раньше приносили ему сахар, а затем стояло неподвижно, как бы снова получая свою награду. Говоря об этом существе, я также могу упомянуть, что ему нравилось собирать свое собственное сено и кормить им коз, которые жили по другую сторону его изгороди; и однажды, когда его кормили соломой из-за какой-то болезни, его товарищи, которые ели в тех же яслях, были так обеспокоены тем, что они считали его неполноценной пищей, что подсовывали ему свое сено.

Лошади не имеют ни малейшего возражения против животной пищи, и ее часто давали им, когда они были вынуждены совершать длительные путешествия или подвергаться каким-либо очень большим нагрузкам. Это, однако, их очень возбуждает и, если не применять его разумно, делает их свирепыми и неуправляемыми. Рассказывают истории о бедных людях, которые, когда восточные деспоты приказали им отказаться от своих любимых лошадей, накормили их мясом и сделали настолько неуправляемыми, что тираны больше не желали того, что они когда-то считали добычей. Лошади также с превеликим удовольствием пьют крепкий эль и т. Д., А овсяная каша, смешанная с ним, часто оказывалась для них превосходным восстанавливающим средством после необычного напряжения сил. Они не откажутся даже от крепких напитков или вина, употребляемых таким же образом; но очень сомнительно, что они одинаково эффективны. Однако никто не знает, какие странные несоответствия вызовет одомашнивание в вопросе питания; известно, что кошки отказывались от всего ради вареной зелени, когда ее можно было съесть.

Нижеследующий отчет взят из описания м-ра Коля азиатских лошадей, которые разводятся в степях и являются частной собственностью, хотя он называет их совершенно дикими. — "Только в сердце Татарии можно встретить лошадь в совершенно диком состоянии. Одно стадо в степи будет состоять из 1000 лошадей, но у зрителей стад их будет несколько. Одетый в кожу, с поясом, на котором хранятся принадлежности его ветеринарного искусства; с черной шапкой из овечьей кожи на голове, *табунщик*, или пастух, ест, пьет и спит в седле; у него нет укрытия, и он даже не смеет повернуться спиной к буре, как это делают существа, за которых он несет ответственность. В руке он держит хлыст с толстой короткой ручкой и плетью длиной от пятнадцати до восемнадцати футов. Кроме того, у него должна быть праща, с помощью которой он безошибочно прицеливается в каждую особь своего разбредшегося стада; кроме того, к его седлу подвешена волчья палка с железным набалдашником на конце; а бочка с водой, мешок с хлебом и бутылка бренди являются необходимыми частями его снаряжения. Он платит за каждую пропавшую лошадь; через десять лет он изнашивается, но становится непригодным ни к какой другой жизни; он живет в постоянном страхе перед конокрадами, несмотря на то, что сам их крадет.

"С Пасхи по октябрь стада день и ночь пасутся в степях. Зимой они укрываются на ночь земляными насыпями и чем-то вроде крыши с северной стороны. Жеребцы и лошади покрепче занимают сарай, а остальные стоят снаружи, сбившись в кучу. Суровыми зимами их настигают болезни и смерть, а те, кто выживает, бродят повсюду, как призраки. Но когда они едят молодую

траву, которая появляется после таяния снега, они становятся такими же дикими и озорными, как всегда. Жеребцы, по-видимому, считают себя вожаками стада; и один из них, по праву силы, является вожаком *par excellence*. Иногда один жеребец оскорбляет остальных, и все объединяются, чтобы выгнать его; и тогда его можно увидеть отдельно от них, с несколькими сопровождающими его кобылами.^[7] Иногда два стада дерутся за право пастбища; кобылы и жеребята держатся особняком, жеребцы размахивают хвостами, вздыбливают гривы, стучат копытами и вцепляются друг в друга зубами; победившая сторона уводит нескольких кобыл.

Весной приходят волки, которые очень любят молодых жеребят; поэтому они постоянно рыщут вокруг стад, никогда не нападая на них днем, если их много; но приходят ночью, и если они рассеяны, они бросаются на свои жертвы. Жеребцы, однако, бросаются на них; и они обращаются в бегство только для того, чтобы вернуться и подхватить отбившегося от стада жеребенка, на помощь которому приходит мать, а сама погибает. Когда это выясняется, начинается ужасная битва; жеребят ставят в центр, кобылы окружают их, атакуя волков спереди; рвут их зубами и топчут передними ногами, всегда используя последние, а не задние; жеребцы носятся вокруг и часто убивают волка одним ударом; затем они хватают тело зубами и бросают кобылам, которые топчут его, пока его первоначальная форма не будет полностью уничтожена. Если восемь или десять голодных волков загрызнут жеребца, все стадо отомстит ему и почти всегда уничтожит волков; которые, однако, обычно стараются избежать этих больших сражений и преследуют кобылу или жеребенка, отделенных от остальных, подкрадываются к ним, подражая сторожевой собаке и виляя хвостами, вцепляются кобыле в горло; а затем жеребенка уносят. Но даже это не всегда удается, и если кобыла поднимает тревогу, волка преследуют табунщик и сторож, и его единственный шанс спастись - броситься вниз головой по крутым склонам оврага.

"Лошади больше страдают от жажды летом, чем от голода зимой; жара невыносимая, тени нет, и каждая лошадь пытается защититься телом соседа. Осенью владельцы стада зовут их обмолотить кукурузу; дерн убирают, землю взбивают до тех пор, пока она не становится очень твердой, и вокруг нее устанавливают ограду; кукуруза разбрасывается, и в загон загоняют одновременно пятьсот лошадей; они напуганы хрустом соломы и свистом кнута над их головами, и чем больше они неистовствуют, тем скорее обмолачивается кукуруза".

Привязанность арабов к своим лошадям, необычайная красота этих животных, которые являются частью семьи и иногда дороже своим владельцам, чем жены или дети, вошли в поговорку. Ими управляют с помощью доброты, и ничто не может превзойти негодования владельцев, когда они видят любую попытку управлять лошадью любого вида с помощью кнута. Именно арабская порода, импортируемая через Испанию или непосредственно в Англию, произвела столь значительное улучшение европейского поголовья. Арабская кобыла чистокровного происхождения через мавров добралась до северо-западного побережья Африки, где была куплена английским офицером. Сначала я был немного разочарован ее внешностью, потому что она была худой; но по мере того, как ее жеребенок стал независимым от нее и научился есть, она поправилась, и я никогда не уставал смотреть на нее. Для всех, кому нравится любоваться дикими, безудержными действиями, не могло быть большего удовольствия, чем закрыть ворота Дома правительства и выпустить ее с ребенком на свободу, в то время как мы стояли на веранде и наблюдали за ними. Она никогда не ходила пешком, но везде ходила легкой, танцующей походкой. И в этих случаях шалости, жесты не поддавались никакому описанию; стоя в одном углу, вытянув передние лапы, она, казалось, поджидала

хорошенького маленького сына, который подбегал к ней рысцой; как вдруг, почти скрывшись из виду, она полностью перескакивала через него и становилась в другом углу; затем снова возвращалась и кружилась, пока мне не стало казаться, что все трюки, которым научил Дюкроу, за исключением вальса и кадрили, должно быть, были подсказаны наблюдением за движениями диких лошадей. С этим маленьким жеребенком произошло любопытное приключение, достойное упоминания. Год или два спустя конюх отвел его к реке, чтобы вымыть ноги, и когда он повернулся, чтобы снова выйти, крокодил укусил его; он какое-то время боролся и упал; это отпугнуло крокодила, и бедного молодого коня оттащили от кромки воды; грозные зубы рептилии почти отделили ступню от ноги, и она повисла на одном сухожилии. Казалось, не было другого выхода, кроме как застрелить его; однако туземец предположил своему владельцу, что в то время в этом месте был знаменитый мавританский врач, и если кто-то и мог вылечить лошадь, то это мог сделать он; во всяком случае, попробовать стоило: человек пришел, был очень спокоен, ничего не обещал, но соединил части тела, перевязал их вместе, зафиксировал пациента в том положении, в котором он выбрал для него лежать, и после нескольких недель тщательного ухода животное было возвращено своему хозяину даже без единого изъяна. Только проведя рукой по тем частям, которые были отрублены, можно было обнаружить шрам; впоследствии он был продан за кругленькую сумму.

Г-н де Ламартин рассказывает интересную историю арабского вождя и его лошади, которая в высшей степени характерна. Они и племя, к которому они принадлежали, ночью напали на караван и возвращались со своей добычей, когда несколько всадников, принадлежащих паше Акко, окружили их, убили нескольких, а остальных связали веревками. Среди последних был вождь Абу эль-Марек, которого привезли в Акко и, связанного по рукам и ногам, ночью положили у входа в их палатку. Боль от ран не давала ему уснуть, и он слышал ржание своей лошади, привязанной на небольшом расстоянии от него. Желая приласкать его, возможно, в последний раз, он подполз к нему и сказал— "Бедный друг! что ты будешь делать среди турок? Ты будешь заперт под крышей хана, с лошадьми паши или аги; женщины и дети из шатра больше не будут приносить тебе ячмень, верблюжье молоко или дурру в своих ладонях; ты больше не будешь скакать свободно, как ветер в пустыне; ты больше не будешь рассекать воды своей грудью и омыwać свои бока, чистые, как пена на твоих губах. Если мне суждено стать рабыней, то, по крайней мере, ты можешь стать свободным. Возвращайся в наш шатер, скажи моей жене, что Абу эль-Марек больше не вернется; но все еще прячь голову в складках шатра и лижи руки моих любимых детей". С этими словами, когда его руки были связаны, вождь зубами развязал путы, удерживавшие скакуна, и выпустил его на свободу; но благородное животное, обретя свободу, вместо того чтобы ускакать галопом в пустыню, склонило голову над своим хозяином и, увидев его в оковах и на земле, осторожно взяло зубами его одежду, подняло его и во весь опор понеслось домой. Не отдыхая, он направился прямо к далекой, но хорошо знакомой палатке в горах Аравии. Он благополучно добрался туда, положил своего хозяина к ногам его жены и детей и сразу же упал замертво от усталости. Все племя оплакивало его, поэты воспевали его верность, и его имя до сих пор постоянно звучит на устах арабов Иерихона.

У арабов есть пять благородных рас, среди которых кохлан - самая известная своей красотой, темпераментом, мужеством, памятью и почти человеческим умом.

Ценность, которую сами арабы придавали своим лошадям, может быть, проиллюстрирована, если я скажу, что вышеупомянутая кобыла (Кора) была доставлена на побережье каким-то тайным способом; и как только выяснилось, где она находится, сравнительно незначительный

султан внутренних районов послал предложить за нее товары стоимостью в триста фунтов. Когда ее хозяин покинул Африку, он продал ее генералу, и я никогда не слышал, что с ней стало после этого. Ниже приводится *краткая* родословная одного из этих ценных созданий: "Во имя Бога милосердного! Причина написания настоящего письма заключается в том, что мы свидетельствуем, что серая лошадь Дерриш Магомет-бея принадлежит к первой породе лошадей неджи, матерью которой является серая кобыла Хадха знаменитая, а отцом - гнедая лошадь Дабруж из племени лошадей Бенихалед. Мы свидетельствуем своей совестью и судьбой, что он из той породы, о которой пророк сказал: "Истинные бегуны, когда они бегут, разжигают огонь; они даруют процветание до судного дня ". Мы засвидетельствовали то, что известно, и Бог знает, кто истинные свидетели ". Шесть подписей подтверждали эту родословную.

Я выделил несколько цитат в качестве доказательств высоких качеств благородного коня; но теперь я должен быть как можно более краток и не слишком увлекаться интересными работами других. Поэтому я продолжаю свои собственные наблюдения. Остановившись на берегах реки Гамбия, я увидел двух местных лошадей, которые принадлежали конному заводу тамошнего коменданта; они были привезены из внутренних районов страны и взяты из дикого табуна; но они были совершенно непохожи на описанные до сих пор расы. Рыжевато-коричневая кобыла была некоторое время приручена и была послушной и с хорошим поведением; ни одна из них не обладала достаточным характером, чтобы быть отнесенной к барб, донгола или нубийским породам. Они были низкорослыми и некрасивыми; самец, который не так давно покинул свои родные леса, был самым красивым; хорошо держал голову, был крепко и компактно сложен, особенно в плечах, и вокруг головы было много огня, который, однако, был далек от красоты; его ноги были стройными и хорошей формы. Особые обстоятельства, в которые я попал, сделали необходимым, чтобы я ради сохранения здоровья занимался верховой ездой. Не было ничего, что могло бы нести меня, кроме этой маленькой серой лошади; потому что я не мог убедить окружающих позволить мне сесть на Кору, потому что они говорили, что у нее такой твердый язык; поэтому было надето боковое седло, и мужчина в юбке раз или два попробовал серого; он был довольно спокойным и без особых помех ездил довольно хорошо в течение нескольких недель; единственная проблема заключалась в том, чтобы забраться ему на спину. У него, однако, была одна большая особенность, которая проявилась довольно неловко, когда наша группа начала удаляться. Он терпеть не мог незнакомцев и не допустил бы, чтобы к нему приближался кто-то из его сородичей, кто не жил с ним в одной конюшне. Это было большое притворство для лошади, только что вышедшей из леса, но так оно и было; в тот момент, когда мои спутники приблизились ко мне, она понеслась, ее пятки взметнулись в воздух, и было тщетно сопротивляться его фантазии. Мы вернулись на следующий день, и переходя вброд ручей, который мы пересекли на каноэ накануне, один из нашей компании забыл особенности моей лошади и подошел ко мне; он бросился прямо в море и испугался, только когда оказался на ногах; к счастью, тревога сделала его послушным, и я легко повернул его голову и благополучно приземлился. Желая, однако, наказать его, я галопом погнал его домой, проехав четыре мили по рыхлому песку, который был у него выше колен; однако я был далек от того, чтобы смириться, и, когда я спешил и подошел потрепать его по щеке, он попытался укусить меня.

Было признано, что красота и совершенство английских лошадей, взятых в целом, превосходят лошадей остального мира; их скорость, их огромные прыжки, их долгие путешествия, их сила часто вызывали восхищение; и я сожалею, что не могу заполнить больше страниц историями,

которые записаны о них; но есть много превосходных книг только на эту тему, которые можно прочитать с большой пользой; и я перехожу к очень умной охотнице по имени Нэнни, которая принадлежала моему отцу и совершила подвиг, который в моем детстве считался уникальным. , но в последнее время я видел упоминания в газетах о том, как это делают другие лошади. В те дни джентльмены редко вставали из-за обеденного стола, по крайней мере, в приподнятом настроении; и по такому случаю мой отец, подводя итог замечательным способностям своей любимицы, сказал: "Он был уверен, что по его приказу она перепрыгнет через обеденный стол", который тогда был накрыт примерно на двадцать персон. Будучи единственной дочерью, мне часто позволяли задерживаться дольше положенного времени, в которое детей обычно укладывают спать, и поэтому я присутствовала при всей этой сцене. Были высказаны сомнения, сделаны ставки, стороны пришли в возбуждение, и Нэнни вызвали из конюшни, взнуздав и оседлав, как будто для верховой езды ее хозяина. Ее провели в комнату; все джентльмены были в сборе, стол сверкал лампами, стеклом и серебром; комната тоже была великолепна; и поначалу Нэнни была немного удивлена. Стулья были расставлены по обе стороны комнаты; но, поскольку сиденья были задвинуты, они только увеличили высоту; мой отец вскочил в седло и сказал: "Сюда, няня"; послушное создание встало на задние лапы, вытянуло шею, как бы измеряя расстояние, и очистило все пространство; единственным неприятным последствием этого было то, что на ковре остались следы ее копыт. Эта умная кобыла постоянно открывала дверь своей конюшни и шла погреться к огню в конюшне; но ее привязанность к хозяину не раз спасала ему жизнь. Предполагается, что однажды он соскользнул с нее и не смог снова сесть; когда, одолеваемый сном, он скрестил руки, уперся ими в ее бока и, положив на них голову, погрузился в крепкий сон. Предполагалось, что они находились в такой позе долгое время; и, если бы она пошевелилась, его жизнь, вероятно, была бы под угрозой падения, потому что они находились недалеко от крутого склона. В другой раз она вернулась домой, заржала у дверей дома и не предложила пойти в конюшню; семья проснулась, слуги встали, она побежала обратно и встала рядом со своим хозяином, который лежал без чувств на обочине дороги. Должно быть, они упали вместе, так как на его груди был след от одной из ее ног, вероятно, оставленный при повторном вставании. Он был всего лишь оглушен и через несколько дней оправился от падения, в то время как она была любима больше, чем когда-либо. Это была гнедая кобыла с белой звездочкой; и очень похожей на нее была другая, по имени Пегги, которая, поскольку принадлежала прежде всего нашей матери, мы, будучи детьми, тоже считали ее своей; и я всегда, вспоминая ее, мог представить себе близость между лошадьми и людьми в арабской семье. Мы переползали через нее, мы садились на нее без уздечки или седла, мы цеплялись за ее шею, когда у нее на спине не было для нас места, и мы сидели на ней, когда она сама лежала в своем стойле. Когда она болела, мы давали ей лекарство, почти ссорясь из-за того, кто должен отнести ей кашу; когда она слышала наши голоса, какая бы боль ее ни терзала, она приветствовала нас ржанием; она была терпелива ко всем испытаниям, приспособлялась к любой прихоти и, с ее благоразумием и добрым нравом, часто помогала нашей безопасности. Хотя она была охотницей и была лошадью леди, она хорошо ходила в упряжи и привыкла бегать в экипаже со всеми пылкими личностями, которых мой отец предпочитал водить; и мы, должно быть, не раз были бы разбиты вдребезги, если бы не ее стойкость и терпение. В конце концов, мы были вынуждены расстаться с ней; то есть мы собирались жить там, где не могли ее содержать; и друг отвел ее в свой парк, где она должна была оставаться свободной всю оставшуюся жизнь. Пять лет спустя я сидел у открытого окна в окрестностях метрополии, и до моего слуха донесся звук. "Если я когда-нибудь слышал шаги Пегги, - воскликнул я, - то это все; сейчас она идет по дороге". Мне не поверили; но через минуту

все еще красивое создание, хотя ему было тридцать три года, было у ворот: мы бросились к ней; мы позвали ее; она ответила нам; она пританцовывала; она потерлась своим лицом о наше; она ждала тех же ласк, тех же любезностей, которые привыкла получать от нас, — и полчаса быстро пролетели во взаимных ласках. Джентльмен, в парке которого она жила, нашел ее такой свежей, что без труда довез до Лондона и во время своего несколькихдневного визита отправил ее к нам — после этого она прожила два года и умерла от старости без борьбы.

ДИКИЕ ЛОШАДИ И ВОЛКИ.—Страница 330.

Один друг рассказал мне на днях, что у лошади была привычка идти со своим хозяином определенной дорогой и останавливаться в одной и той же гостинице, где те, кто кормил ее, всегда бросали немного бобов в кукурузу, поставленную перед ней. Через некоторое время он и его хозяин уехали из этой части страны и отсутствовали два года, затем вернулись к тем же привычкам и часто посещали ту же гостиницу; последняя, однако, сменила владельцев. Наслаждаясь ужином, всаднику сообщили, что его лошадь не хочет есть, что он выглядит совершенно здоровым, но с кукурузой было что-то не так, и они не знали, как это исправить, потому что она была самой лучшей. Джентльмен пошел в конюшню, лошадь заржала,

посмотрела на него, а потом на ясли, и его вдруг осенило, что животное соскучилось по пище, которую он привык получать именно там, и нигде больше. "Бросьте туда немного бобов", - сказал он конюху; тот послушался; лошадь посмотрела на него, как бы выражая благодарность, и с довольным видом принялась за еду.

Я заканчиваю эти анекдоты рассказом о ломовой лошади, который я видел в печати всего один раз. Он часто приводил доказательства большой проницательности, но главным было следующее: "Зимой был проделан большой водосток, а поверх него были положены прочные доски, чтобы наш друг, ломовая лошадь, мог перейти в свою конюшню. Ночью шел снег, а утром очень сильно подморозило. Как он перелез через доски, выходя на работу, я не знаю; но, когда за завтраком его отвязали от повозки, он подошел к ним, и я увидел, как его передние лапы соскользнули: он тут же отпрянул назад и, казалось, на мгновение растерялся, как ему быть дальше. Рядом с этими досками была насыпана тележка с песком: он поставил на нее передние лапы и с тоской посмотрел на другую сторону водостока".

Мальчик, который ухаживал за этой лошастью и обходил ее другой тропинкой, увидев, что он стоит там, позвал его. Лошадь немедленно развернулась и принялась энергично скрести песок сначала одной задней ногой, затем другой. Мальчик, возможно, гадая, что он собирается делать, подождал, чтобы увидеть. Когда доски были полностью засыпаны песком, лошадь снова развернулась, без колебаний подошла и потрусила к своей конюшне и кучеру.

[7] Это, по-видимому, подтверждает мнение индейцев относительно одиночных слонов.

ЗАДНИЦА.

Наверх

Хотя осел далек от того, чтобы сравняться с лошастью в грации или красоте, в своем диком состоянии он является красивым, быстрым и сильным животным, настолько непохожим на выродившихся, плохо используемых и неряшливых созданий этой страны, что их едва ли признали бы принадлежащими к одному и тому же виду, если бы поставили рядом. В Испании, других частях Южной Европы и на островах Зеленого Мыса они намного выше, но их превосходят даже страны Востока. Все, кто знаком с Писанием, знают, какое значение придавалось им в прежние времена, когда самые мудрые и лучшие люди страны торжественно разъезжали верхом на белых ослах. Следует также вспомнить, что израильтянам сначала было запрещено использовать лошадей, и затем их место заняли ослы. Однако с тех пор, как более прекрасные животные стали обычным явлением, ослы, по-видимому, приобрели дурную славу; и мы читаем, что величайшее из всех существ, выполняя Свою Божественную Миссию на земле и собираясь принести себя в жертву за нас, въехал в Иерусалим на осле, продемонстрировав тем самым свое смирение.

Ослы - в высшей степени обитатели теплого климата, где у них гладкая, прилизанная шерсть, хорошо сложенные ноги и приподнятая посадка головы. Они были завезены в Великобританию в ранний период; ибо мы слышим, что во времена Этельреда за одного платили двенадцать шиллингов; но предполагается, что они вымерли и были вновь завезены в царствование королевы Марии вследствие наших тогдашних сношений с Испанией. Они все еще находятся в большом совершенстве в Персии, где есть две разновидности, одна предназначена для

верховой езды, а другая - для переноски ноши. Первые очень сильны, хорошо поднимают ноги и закаляются, как лошади; но говорят, что лучшие из них - уроженцы Аравии. Не все они крупнее наших, часто встречаются меньшие разновидности, и не все они имеют темную полосу на плечах. Они бледно-желтого, серебристо-серого, коричневого и красноватого цветов.

Знаменитые белые ослы - альбиносы. У всех короткая черная грива, темная полоса на спине; и их хвост, который так сильно отличает их от лошадей, покрыт короткой шерстью, за исключением кончика, который украшен пучком, обычно темного цвета. Их особый крик, или рев, издается двумя маленькими впадинами в их трахеях; из их копыт в Дамаске делают кольца, которые низшие классы носят подмышками или вокруг больших пальцев, чтобы уберечь их от ревматизма; их мясо очень ценится персами и татарами как пища. Летом они любят собираться у озера Арал, но зимой уходят дальше на юг. В Татарии существуют огромные орды, каждую из которых возглавляет вождь. Они также многочисленны в Америке, вероятно, оставленные там испанцами.

М-р Белл описывает осла, принадлежавшего его деду, который был таким проворным, что владельцы самых быстрых ослов, каких только можно было найти, устраивали с ним состязания; но он победил их всех и даже преследовал гончих, доблестно приблизившись к лисе.

Хорошо известную антипатию между лошадью и ослом трудно объяснить, и ее часто преодолевали; тем не менее, она всегда более или менее существует, и зарегистрировано много случаев, когда она причиняла неудобства. Один из таких случаев, который я могу привести, произошел, когда я был в Португалии. Я отправилась верхом на осле, чтобы нарисовать великий акведук, снабжающий Лиссабон его восхитительной водой, и как раз в тот момент, когда я выбрала свое место и утвердилась, подъехал мой муж на красивой и ценной лошади, принадлежащей другу. Он хотел раздобыть несколько образцов соседних пород, и, не желая брать с собой чужое животное, он пожелал, чтобы мой проводник-осел держал своего скакуна так же хорошо, как моего. Мальчик повиновался, и мистер Боудич вскоре исчез среди лощин. Несколько минут лошадь стояла довольно спокойно, но с самого начала он бросал многозначительные взгляды на навязанного ему спутника. Наконец он довел себя до полного исступления; фыркал, гарцевал, вставал на дыбы, мотал головой, раздувал ноздри и пытался дотянуться до задницы передними лапами. Сделать это ему помешал мальчик, который сопротивлялся ему с большим темпераментом и отвагой; затем он попытался развернуться и пнуть объект своего негодования, который ни в коем случае не был расположен спокойно воспринять оскорбление. Мальчик отпустил осла, который одним махом ударил лошадь, а затем очень тихо пошел пощипывать траву, лежавшую пятнами на неровной земле. Лошадь, однако, теперь попыталась добраться до осла; порвала уздечку, погналась за ним, и оба умчались прочь, причем первый сделал как раз то, чего мистер Боудич хотел избежать. Мне пришлось внезапно вскочить, чтобы убраться с их пути; мои карандаши и бумага отправились в самостоятельное путешествие, и единственное, что оставалось сделать, это мне поймать осла, а мальчику - лошадь. Моя задача была гораздо проще; но, выполнив обе, мы держали их порознь: осел стоял достаточно спокойно, но лошадь отказывалась вести себя прилично, пока мальчик не взобрался ему на спину и не покатал его вверх-вниз по самой гладкой тропинке, какую только смог найти. Наконец мистер Боудич вернулся и счел все происшедшее хорошей шуткой, в чем я не мог с ним согласиться. Он уехал, а я спокойно закончил свой набросок.

Епископ Хибер дает следующее описание осла, которого он видел в загоне недалеко от Бомбея и который отличается характером. Он говорит: "Это был благородный дикий осел из Катча,

ростом с хорошо выращенного галлоуэя, красивое животное, превосходно сложенное для быстроты и силы, по-видимому, очень нежное и любящее лошадей, и они ни в коем случае не испытывали к нему неприязни; в этом отношении индийские ослы отличаются от всех других, о которых я слышал. То же самое мне рассказывали о диком осле в Раджпутане".

Примером способности осла переносить усталость является история мистера Уилсона. Он проехал на легком двуколке, которая принадлежала ему лично, из Ипсвича в Лондон и обратно, расстояние в 140 миль, за два дня. Осел шел шагом, немного уступающим темпу хорошей двуколки, и хорошо питался на разных этапах. По возвращении он ехал без помощи кнута со скоростью семь миль в час и проделал все путешествие с легкостью; ростом он был в двенадцать с половиной ладоней и наполовину испанец, наполовину англичанин.

Ослы, хотя и заслуживают похвалы за хорошее питание, могут прожить очень мало, и это немного низкого качества. У них есть решительная манера отказываться двигаться, когда они перегружены; и их часто охватывает неподвижный припадок без какой-либо видимой причины для этого. На крутых склонах они бесценны, и их ноги более надежны, чем у людей. Я видел, как они выставляют обе передние лапы вместе и позволяют им скользить, затем подтягивают к ним задние лапы и повторяют этот процесс при спуске по остекленевшим и почти перпендикулярным дорогам Мадейры, каждый раз переходя дорогу зигзагообразно. Мулы делают то же самое и, возможно, унаследовали эту способность от своей ослиной крови.

Не может быть лучшего доказательства интеллекта ослов, чем демонстрация их любви к изящным искусствам; поэтому рассказ об одном из них в Шартре должен войти в эту работу. "Он часто ходил взамок Дуарвиль, чтобы послушать музыку, которая там часто исполнялась. Владелицей Замка была дама, обладавшая прекрасным голосом, и всякий раз, когда она начинала петь, он неизменно подходил поближе к окну и очень внимательно слушал. Однажды, когда была исполнена пьеса, которая, без сомнения, понравилась ему больше всего, что он слышал раньше, он покинул свой обычный пост, без церемоний прошел в музыкальную комнату; и чтобы дополнить концерт тем, что, по его мнению, могло быть улучшением, он начал реветь изо всех сил".

ВЕРБЛЮДЫ.—ДРОМАДЕРЫ.

Наверх

Особенность пищеварительных органов некоторых животных заставляет натуралистов объединять всех, кто ею обладает, в один большой отряд. У них нет передних зубов, за исключением нижней челюсти, а вместо них верхняя челюсть снабжена костной подушечкой. У очень немногих есть клыки, и их зазубрины отмечены двойными полумесяцами. У них два копыта, но поскольку их внутренний край уплощен, они выглядят так, как будто у них только одна расщелина посередине, ступня под ними снабжена эластичными подушечками, соединяющими пальцы вместе и выступающими за них по бокам. Эти подушки при каждом шаге расширяются, поддерживая животное на податливом песке и защищая его на более твердой почве.

После того, как они съели свою пищу, эти жвачные, как их называют, ложатся и остаются в состоянии полного покоя, чтобы пережевать ее во второй раз; и процесс совершается таким

образом: у них четыре желудка, первый называется брюшком и самый большой из всех; в него опускаются трава, пряности и листья, когда они сначала срезаны и плохо пережеваны. Оттуда масса поступает во второй желудок, или соты, названные так потому, что их структура придает им вид этого вещества: они маленькие и шаровидные и с помощью своих ячеек сжимают пищу в маленькие шарики, которые выбрасываются в рот животного для повторного пережевывания, называемого "жвачкой". После того, как это было произведено, он опускается в третий желудок, или кишечник, который выглядит примерно как несколько страниц книги; наконец, он попадает в четвертый желудок, который просто сморщен. Именно в нем происходит настоящее переваривание пищи; вся предыдущая работа была всего лишь подготовкой к нему и обозначена названием процедуры, взятым из латинского слова, означающего "пережевывать".

Казалось бы, ни одно животное не может быть более полезным для человека, чем собака или лошадь, однако эти жвачные животные все же более ценны для него, поскольку, хотя они служат ему вьючными животными или транспортом, они выполняют сельскохозяйственные работы и в целом обеспечивают его разнообразной пищей. Молоко, масло, сыр, самое лучшее мясо, самая прочная и в то же время самая нежная кожа, этот самый ценный товар - шерсть, волосяной покров, рога и длинный список полезных веществ - все это происходит от них; в то время как исключительная красота многих родов и спорт, который они себе позволяют, способствуют его простому удовольствию, а также его комфорту.

Верблюды и дромадеры, которые стоят на первом месте передо мной, обитают лишь на небольшом участке земной поверхности; однако в своей более ограниченной сфере они приносят неисчислимые выгоды. Без них мы не смогли бы пересечь те большие песчаные равнины, которые лежат между различными странами Африки, а также юго-западной Азии. Их изможденная и угловатая форма не причисляет их к красавицам, на которые я ссылался; и единственное, что их внешний вид может заслуживать похвалы, - это их восхитительная приспособленность к тем обязанностям, которые им приходится выполнять. Их полная верхняя губа заячья, шея длинная, глаза выпуклые и затенены ресницами, ноздри похожи на щелочки, которые они могут закрыть при желании; на их теле есть один или два горба, на ногах мозолистые подушечки, ступни большие и раскидистые, а шерсть свободно свисает на них клочьями. Однако эта длинная верхняя губа, когда горячий ветер пустыни почти сушит их рот, погружается в песок и находит кратковременное облегчение, опускаясь под поверхность; эта длинная нескладная шея приподнимает голову так, что выпуклые глаза могут видеть предметы на большом расстоянии; эти ноздри являются отверстиями для самых острых органов обоняния, с помощью которых они могут даже определить, что вода близко; эти мозолистые подушечки позволяют им становиться на колени, когда их нужно нагружать или садиться верхом, а эти уродливые горбы являются запасами жира, который снабжает их пищей, если во время в их долгих путешествиях ощущается нехватка провизии. Одним из их самых бесценных свойств является то, что они могут долгое время обходиться без питья благодаря большому выделению воды в их похожем на пчелиные соты желудке, в то время как во времена невыносимых лишений они могут погибнуть и таким образом спасти своих хозяев от голодной смерти.

У верблюда два горба, у дромадера один; последний самый легкий и быстрый, и его обычно выбирают для верховой езды, в то время как первый несет ношу. На их спинах установлены высокие седла, и для этого нужно либо привыкнуть к ним, либо быть особенно осторожным, чтобы не быть наполовину убитым при старте. Всадник садится в седло, в то время как животные стоят на коленях; и когда они поднимают задние ноги, что они делают в первую очередь, они

посылают неподготовленного путешественника вперед, и у него почти перехватывает дыхание от удара, который он получает в грудь; затем, когда они встают на передние ноги, они отбрасывают его назад, подвергая опасности его позвоночник. Их походка поначалу очень неприятна из-за того, что они такие длинные и сутулые; но, вообще говоря, они чрезвычайно послушны и ласковы; они, однако, не шелохнутся, если им покажется, что они перегружены, и если их разозлить, они приходят в ярость, особенно друг против друга, ссорясь гораздо чаще со своим видом, чем с человеком. Их владельцы всегда очень тщательно следят за тем, чтобы их горбы были в хорошем состоянии, прежде чем отправиться в путешествие, и некоторые сорта предпочитают другим из-за их способности переносить более длительный период засухи. Обычно они украшены колокольчиками, звуки которых, как говорят, очень приятны им во время путешествий по пустыне. Если однажды они падают от усталости или болезни, они редко поднимаются снова; но поскольку целый отряд, особенно когда измеряется дневной запас воды, нельзя остановить для одного, их оставляют одних умирать; их глаза следят за хозяевами, которые вынуждены покинуть их и которым они так верно служили; стервятники уже кружат над ними, готовые обглодать их кости, как только они испустят свой последний вздох. Их позвоночник, когда его снова находят, часто насаживают на шест в качестве талисмана против иссушающих чар сглаза.

Нагрузка на верблюда составляет около 800 фунтов, а их обычный темп - около трех миль в час; но с такой скоростью они движутся девять или десять часов. Их цвет в основном красновато-коричневый или серый, редко черный, иногда белый. Это уроженцы стран, которые они населяют; дромадеры приходят из Аравии и Африки, верблюды из средней Азии, к северу от Гималаев. Говорят, что они затаили месть, но, если она однажды будет удовлетворена, к ним вскоре вернется хорошее настроение.

ЛАМЫ И т.д.

Наверх

Лам называют верблюдами Нового Света, и под этим общим названием подразумевается более одного вида. Они живут большими стадами и гораздо более привлекательны, чем животные, с которыми их сравнивают; их спины более прямые, головы очень красивые, а шерсть густая и ровная. Они могут нести груз в 150 фунтов и были единственными тяжелыми животными, встречавшимися у перуанцев, когда этот народ был завоеван испанцами. Их ступни отличаются от ступней верблюда, но одинаково приспособлены к почве, по которой им приходится передвигаться; они состоят из двух пружинистых пальцев, каждый из которых имеет грубую подушку снизу, и сильного короткого копыта на кончике, заостренного и крючковатого, похожего на коготь. Они прочно выдерживают быстрые и обрывистые подъемы и спуски, с которыми они сталкиваются при путешествии в шахты и обратно; в этих путешествиях они перевозят 100 фунтов. добывать металл по труднопроходимым горным перевалам и преодолевать расстояние около двенадцати миль в течение дня. Одно время только на рудниках Потоси было занято 300 000 человек. В одном отношении они подражают верблюдам, лежа и отказываясь шевелиться, когда те перегружены, и никогда не превышают своего обычного темпа. Они плюют в лицо своим всадникам, когда их связывают или заставляют лечь, что особенно неприятно, судя по характеру их слюны.

Различные виды четко не определены, и нам требуется более глубокое знание о них, прежде чем мы сможем разделить их друг от друга: домашними животными, безусловно, являются ламы; затем есть гуанако, которых также называют уанако. Они живут в горах, но часто пасутся на равнинах; и когда самки делают это, самцы наблюдают с более возвышенного положения; и если они видят приближающихся мужчин, то ржут чем-то вроде лошадиного, предупреждая их об опасности, затем спускаются в долину и гонят перед собой свою подопечную.

Помимо этих двух, есть викуны (пишется также викуны) и викуны, которые имеют коричневато-красный цвет и живут в унылых, холодных частях гор, предпочитая мороз и снег. Они удивительно быстрые и пугливые, а шерсть у них очень тонкая и шелковистая.

К ним следует добавить пако, или альпаку, и таругу, которые крупнее и даже быстрее викуны и бродят поодиночке среди крутых и каменистых мест. Месье Фредерик Кювье считает, что существует только три вида: гуанако, который в домашнем состоянии является ламой; пако, или альпака; и викунья. Я хочу так подробно остановиться на этих разделах, потому что читатели "Путешествий по Южной Америке" часто бывают сильно озадачены тем, как они упоминаются.

Гуанако, когда у них вдоволь сочной травы, которой они любят питаться, никогда не нуждаются в питье, но в их желудке нет клеток для выделения воды: они особенно активно выделяют слюну при малейшем нарушении. Они наносят очень сильные удары передними лапами, и я часто вместе с вышеупомянутым джентльменом наблюдал, как они дерутся с яростью, которая поначалу вызывала смех, вырывая друг у друга большие клоки шерсти, и, наконец, их приходилось разнимать из-за травм, которые они, вероятно, могли нанести и получить.

Главный враг этих животных - Пума, и они убегают от него; но мистер Дарвин говорит, что он часто видел, как они не только ржут и пищат при приближении людей, но и танцуют и прыгают самым нелепым образом. Их легко поймать, потому что они совершенно сбиты с толку, когда их преследуют; но в неволе они гораздо смелее. У них, по-видимому, есть любимые места, куда они отправляются умирать, и которые совершенно белы от их костей; это наблюдалось недалеко от реки Гальего и в других местах.

Изделия из их волос больше напоминают шелк, чем шерстяные ткани, а некоторые из тех, что сделаны из шерсти альпаки, совершенно черные, так как не были окрашены. Для многих было неожиданностью, что они не натурализовались в этой стране, поскольку климат не был бы препятствием для успеха. Спрос, однако, на их продукцию настолько возрастает, что весьма вероятно, что в будущем они могут стать обитателями наших горных районов.

ОЛЕНЬ.

Наверх

Изящные животные, включенные в список под названием Олени, обеспечивают охотнику высочайшее развлечение, самые драгоценные шкуры и вкусную пищу. Учитывая их размеры, они несравненны в скорости и энергичности и столь же красивы, сколь и стремительны. Они распространены по всему земному шару, за исключением Австралии, Центральной и Южной Африки; их место на последнем континенте занимают жирафы и антилопы. Они оставляют высокогорья козам, живут на умеренных возвышенностях, но больше всего радуются обширным

открытым землям. Трещины, или то, что называется слезными щелями, имеются у большинства из них; это расщелины под глазами, которые носят название слезных протоков, но их назначение пока не понято. Они не были бы так сильно развиты, как у многих, если бы не оказывали сильного влияния на экономику животного; но они не сообщаются с носом и никоим образом не связаны с дыханием. Они, безусловно, связаны с железами, потому что они выделяют жирную жидкость, в некоторые моменты более обильную, чем в другие, когда края сильно припухшие; и животные часто прикасаются ими к предметам, широко раскрывая их, делая это, когда они находятся в состоянии какого-либо возбуждения.

Морды некоторых оленей почти плоские и лишены волосяного покрова; у других они покрыты шерстью, а верхняя губа цепкая.

Только у оленей-самцов есть рога, или панты, как их еще называют, которые они сбрасывают каждый год; и до определенного возраста при каждом обновлении они увеличиваются в размерах и количестве ветвей. Их помещают на костяную подушечку на лбу, которая покрыта кожей; и на втором году их жизни эта кожа набухает; кровь приливает к подушечкам, их артерии расширяются и быстро откладывают костное вещество, начинают формироваться рога, кожа увеличивается вместе с ними и продолжает покрывать их, а крупные артерии, которые она несет с собой, оставляют борозды на костном веществе, которые остаются навсегда. Ворсинка волос, защищающая кожу, настолько густая и мягкая, что она заслуживает названия бархатной и получила его. Когда рога достигают своего годовичного размера, артерии начинают образовывать грубое костяное кольцо по краям подушечки, которое увеличивается до тех пор, пока не прекращает их прохождение; так что, лишенный естественного питания, бархат сморщивается, сохнет и отслаивается; процесс, который олень ускоряет, потирая рога о деревья. Последние тогда становятся твердыми и пригодными для использования, потому что, если бы ими пользовались и ранили, когда их оболочка была бы так залита кровью, шок послал бы прилив крови обратно в мозг и, вероятно, убил бы оленя. Прежде чем я понял это устройство, я видел этих животных с ранеными рогами и очень удивлялся большому потоку крови, который вытекал из них, и другие, вероятно, делали то же самое. Когда кожа снимается, рога остаются, так сказать, механически, и поскольку это один из великих законов жизни - сбрасывать все, что больше не является частью ее самой, они подчиняются этому правилу. Поглощение происходит под костным кольцом, частица за частицей исчезают, и рога опускаются либо от собственного веса, либо от случайного прикосновения; та часть, где они стояли, быстро покрывается кожей до возвращения весны, когда начинается новый рост и образуется пара большего размера. Обыкновенный олень теряет свои рога ранней весной, и очень скоро они снова отрастают.

Нет более строгой части охотничьих законов различных стран, чем та, которая касается убийства оленей или обращения с ними. Все, что касалось Венери, как это называлось, было необходимой частью образования дворянина. Частные истории королей очень сильно перемешаны с оленьими законами, а также с некоторыми общественными делами; ибо многие штрафы были уплачены, многие достойные люди отправлены в изгнание и многие лишились жизни вследствие их нарушения; а технические подробности, которыми были нагружены наука и законы, кажутся в настоящее время самыми абсурдными и утомительными.

Олени все еще встречаются в диком виде в Шотландии, но реже всего в Англии; на севере Европы и Америки они обычны, а у тех, кто часто бывает в холодных странах, рога сильно сплюснены, как будто для того, чтобы разгребать снег; иногда они весят 60 фунтов. Эти

животные повсюду живучи и пробегут долгий путь после того, как будут ранены в смертельную часть тела.

Олени-вожжи, которые составляют богатство лапландцев, служат им пищей и одеждой, безопасно проводят их по заснеженным полям без троп и являются единственным видом, действительно одомашненным. Зимой они питаются лишайником, который находят под снегом, и живут вместе большими стадами. Они наименее красивы из всего племени; совершенно послушны, и у одного человека иногда их бывает до двух тысяч. Их суставы хрустят при движении, и они очень любят соль, даже принимая ее из рук незнакомых людей. Обычно они разгоняются со скоростью десять английских миль в час, но разогнались до девятнадцати и имеют вес 300 фунтов; но они требуют хорошей езды и иногда мчатся дальше, совершенно независимо от комфорта тех, кто в санях. У них очень острый нюх, и благодаря ему они могут догнать свой отряд, если бы их оставили позади. Они сильно страдают от насекомых, особенно от крупного вида (*œstrus tarandi*). Чтобы избежать этих вредителей, вожжей в летние месяцы загоняют в горы, нависающие над побережьем, где их враги гораздо менее многочисленны. Они так напуганы их приближением, что при виде одного из них приходят в ярость.

М-р Вентцель говорит, что индейцы племени собачьих ребер ходят парами на охоту на вожжей, причем первый несет в одной руке рога и часть шкуры с головы оленя, а в другой - небольшую связку веток, которыми он время от времени трет рога, как это делают олени. Его спутник следует точно по его стопам, держа ружья обоих в горизонтальном положении, так что дуло каждого из них торчит из-под руки первого. У обоих есть полоска белой кожи вокруг лба, а у первого такая же полоска вокруг каждого запястья. Они постепенно приближаются к стаду, очень медленно поднимают ноги и внезапно опускают их обратно, на манер оленей.

Если кто-нибудь из стада видит их, они останавливаются, и голову заставляют играть свою роль, копируя их движения. Таким образом, охотники проникают в самый центр стада, не вызывая подозрений; затем тот, кто стоит сзади, выдвигает вперед ружье своего товарища, и оба стреляют почти в одно и то же мгновение. Олени убегают, охотники трусцой бегут за ними; бедные животные вскоре останавливаются, чтобы посмотреть, что их встревожило; их враги на ходу перезарядили ружья и дали в них второй выстрел. Ужас оленей усиливается, они бегут в крайнем замешательстве, и большая часть их часто таким образом погибает.

Я уже говорил о собаках, которые привязываются к сообществам, и теперь у меня есть аналогичный пример оленя, который я могу предложить, в сочетании, однако, с собакой, которая привязалась к 42-му горному полку, будучи подаренной этому полку другом одного из офицеров. Собака принадлежала капитану военно-морского флота, который обедал в столовой, когда полк дислоцировался на Мальте, и так привязался к этому сообществу, что ничто не могло заставить его покинуть его; поэтому его хозяин был вынужден оставить своего любимого ньюфаундленда, который с этого момента никогда не последовал бы за кем-либо, кто не носил форму его друзей. Солдаты подписались и подарили ему ошейник с названием полка и назвали его Питером. Вскоре между оленем и собакой возникла взаимная привязанность, и они регулярно появлялись вместе на параде. Последний часто посещал кухню, где повар жестоко обращался с ним, что не было забыто, и однажды, когда пришло время купания, во время которого Питер отдыхал первым в воде и последним вышел из нее; повар присоединился к остальным из своего отряда; и Питер, зная свою силу в своей стихии, стащил его вниз и утопил бы, если бы солдаты не пришли ему на помощь.

И собака, и олень маршировали вместе с оркестром и оставались с ним, когда располагались по квартирам. Последний очень любил печенье, но если на него подышать, он не притрагивался к нему, и хотя было испробовано множество способов обмануть его, он неизменно обнаруживал заражение. Одно время он становился очень раздражительным, и если незнакомец проходил между оркестром и основными силами полка, он набрасывался на него со своими рогами. Однажды он пасся, когда соседская кошка оцетинилась и подставила ему спину; и бедный олень, охваченный внезапной и необъяснимой паникой, прыгнул с обрыва высотой в двести футов и был убит на месте. Питер, находившийся поблизости, бросился к зубчатой стене и жалобно залаял. Его собственный конец был трагическим; он зарычал на офицера, который часто плохо обращался с ним, и бесчувственный человек приказал пристрелить бедного пса тем, кто его любил, и оплакивал его всю свою жизнь.

Самый маленький из видов оленей обитает на Цейлоне; прелестное, нежное маленькое создание с блестящими глазами и изысканной формой. В зрелом возрасте он достигает всего десяти дюймов в высоту, четырнадцати в длину и весит около пяти фунтов. Его горло, голова и шея полностью белые; тело серое, в черную полоску и с желтыми пятнами на равном расстоянии друг от друга. Хотя он очень робок, его можно приручить; но если рассердиться, он с большой силой брыкается своими маленькими задними ножками и тонкими заостренными копытцами. Одомашненную особь сажали на обеденный стол, где она бегала и грызла фрукты с блюд; отзывалась на свое имя и отвечала на ласки, которыми ее одаривали. Сначала он очень боялся собак, но в конце концов позволил маленькому терьеру подойти к себе поближе и, не испытывая беспокойства, слушал лай других. Пара была привезена в Англию, но вскоре умерла от воспаления легких - распространенной и смертельной болезни, поражающей почти всех тропических животных в этом климате.

ЖИРАФЫ.

Наверх

Несколько лет назад жирафы считались сказочными животными; и предполагалось, что их выдумал *Ле Вайян*, с которым жестоко обращались, несмотря на описание, оставленное о них римлянами. Он был немного поэтичен в своем стиле письма, чего Джон Буль не любит, когда излагаются факты, поэтому Джон Буль попросил усомниться в его утверждениях. Однако он дожил до того, чтобы убедиться в своей правдивости, что, как заверил меня добрый старик за год или два до своей смерти, было для него большим счастьем. Лорд Каледон привез домой шкуру с Мыса, и, как бы плохо она ни была набита, до европейцев начало доходить, что такое животное действительно существует. Затем живую птицу привезли в Париж, а другую - его величеству Георгу Четвертому, который ласкал ее, пока она не умерла. Сейчас в наших Зоологических садах живет несколько особей, некоторые из которых родились в Зверинце.

Главная особенность жирафов заключается в том, что они обладают очень коротким телом и очень длинными ногами; формирование которых включает множество неуклюжих движений; например, когда они быстро ходят, в темпе появляются рывки, как будто это дается им нелегко; а когда они скачут галопом, задние лапы часто выступают за пределы передних. Их очень длинная шея не изогнута дугой, а наклоняется от плеч, так что, когда они хотят напиться с земли, им приходится очень широко расставлять передние лапы. Они лучше всего смотрятся, когда

идут медленно, когда их походка очень величественна, а их красивая голова возвышается над другими животными; у них два коротких костистых рога, покрытых кожей, и костяной выступ на верхней части лба; у них большие, выпуклые глаза, которыми, благодаря своей выпуклой форме, они могут видеть на огромные расстояния во всех направлениях; их уши длинные и гибкие, и у них длинный, черный, цепкий язык; с его помощью они срывают ветви деревьев, на которых пасутся. Их верхняя губа очень гибкая и выступает над нижней, что очень помогает им добывать пищу; их хвост длинный, с хохолком на конце; их кожа очень блестящая, покрыта большими угловатыми пятнами и часто бывает толщиной в полтора дюйма. Их главный враг - лев, который набрасывается на них, когда они пьют, и испуганные жирафы пускаются в путь со скоростью быстрого скакуна, их враг у них на спине, и не останавливаются, пока не падают от изнеможения или потери крови. Никогда не было слышно, чтобы они издавали какие-либо звуки, и поэтому предполагается, что они совершенно немые, даже будучи дикими.

Я жил в Париже, когда прибыл жираф, отправленный в эту страну. Она и ее хранитель Ати высадились в Бордо под самые восторженные возгласы, которые сопровождали их всю дорогу до столицы. От каждого крупного города, через который она проезжала, ее встречала депутация, состоящая из муниципальных властей, и один из самых образованных ученых прошел весь путь от Ботанического сада и сопровождал ее в ее триумфальном шествии. "Ла жираф", однако, не ценила этих почестей и часто проявляла нетерпение в соответствии с навязанным ей этикетом. Однажды она оторвалась от своей кавалькады, Ати и всех остальных, и промчалась среди всадников, разбрасывая их направо и налево, одних верхом, других слетев с коней; величественный мэр лежал в пыли, а рядом с ним катался трудолюбивый ученый, проделавший столь долгий путь на ее службе. Энтузиазм не утих, когда она добралась до места назначения. Только по мосту Аустерлиц проходило на тринадцать тысяч человек больше, чем обычно в неделю, и, поскольку любопытство публики в течение шести недель только возрастало, пришлось принять меры, чтобы помешать толпе напирать на нее. В то время во французской столице было несколько уроженцев Востока, и они в числе прочих отправились повидаться с ней. В тот момент, когда она увидела их тюрбаны, она вытянула шею и лизнула их в лоб, без сомнения, узнав их головные уборы. Ее любовь к розам была очень велика, и она нетерпеливо вырывала их у тех, кто носил их, к их великому удивлению, ибо мало кто мог подсчитать расстояние, на которое она могла дотянуться. Однажды я зашел в ее парк, держа в руке немного моркови, которой покормил ее, затем, повернувшись к коровам, стоявшим поодаль, которые пришли с ней, чтобы обеспечить ее молоком на время путешествия, я начал давать немного им. Не убирая ног с того места, где я ее оставил, она вытянула свою длинную шею и голову поверх моей головы и, подцепив морковь языком, немало удивила меня, потому что я не мог сказать, какая тень надвигалась на меня. Она любила лук не меньше, чем морковь, и это не удивительно, потому что у нее на родине он очень сладкий и нежный. Ее слуга из Дарфура, Ати, спал на галерее наверху ее конюшни, и после рассвета ему было очень мало покоя; она потревожила его носом и, казалось, решила, что, раз она просыпается, он тоже должен быть начеку. Это шло вразрез с его представлениями на этот счет, поскольку он был склонен допоздна засиживаться на танцах в соседних *guinguettes*; и он имел обыкновение жаловаться, все время нежно любя ее.

АНТИЛОПЫ.

Наверх

Многие признаки, которыми антилопы обладают совместно с оленями, по-видимому, ставят их вместе; но натуралисты причислили их к тем жвачным животным, у которых рога полые. Это одни из самых красивых животных в мире, и они подразделяются на секции, которые зависят от формы их рогов, но в классификацию которых настоящая работа не входит. Изысканная газель, тип восточной красавицы, тема поэта, с ее тонкой и грациозной фигурой, тонкими конечностями и большими темными глазами, часто встречается с судьбой, в которой нет поэзии; ибо она - излюбленный лакомый кусочек льва и леопарда. Можно было бы подумать, что они предпочли бы более крупную и мясистую дичь, но, как и в случае с настоящими эпикурами, вкусовые качества газели предпочтительнее размера. Люди часто используют соколов для их поимки, поскольку даже быстрая борзая не может их догнать; их также загоняют в ловушки, окружая их, как в битве. Из их кожи делают своеобразный барабан.

Карликовая антилопа обитает в некоторых частях Африки и по размерам соответствует маленькому цейлонскому оленю. Я никогда не видел столь прекрасного маленького существа, больше похожего на сказку, чем на реальность. Их крошечные черные рожки лишь слегка загнуты внутрь, а ноги не толще пера, которым я сейчас пишу; и все же все признаки антилопы четко обозначены. Первое, что я увидел, было принесено моему дяде; и когда я вошел в его комнату, я совершенно неподвижно застыл в дверях, с удивлением глядя на это изящное крошечное создание, которое оставалось с поднятой ножкой, готовое с быстротой молнии броситься прочь от незваного гостя, к приближению которого он прислушивался. Я боялся пошевелиться, чтобы видение не исчезло; но смерть вскоре заставила его исчезнуть совсем. Капитан военно-морского флота Фишер пытался вывезти пару этих сказочных созданий в Англию; они содержались в его собственной каюте, он поил их всем козьим молоком, которое было приготовлено для его собственного употребления, и прилагал бесконечные усилия, чтобы защитить их от холода или несчастного случая; ему удалось доставить их до Ла-Манша, где они съели несколько кусочков пробки, которые были уронены на пол, и умерли. Мне также не повезло с красивой пятнистой антилопой, которую мне принесли и которая никогда не могла стоять в доме. Он не пострадал, но в тот момент, когда его поставили на лапы, он заскользил, и мне сказали, что этот вид всегда так делает. Я кормил его, носил с собой, и он был очень нежен и начал узнавать меня, хотя все еще оставался диким. Он умер через две недели в сильных конвульсиях.

Антилопы - исключительно обитатели Старого Света; и некоторое представление об их огромном количестве в Южной Африке, где виды наиболее разнообразны и могущественны, можно составить, прочитав следующие цитаты из м-ра Прингла и м-ра Гордона Камминга. В первом из них говорится: "Мы продолжили наше путешествие по обширным равнинам, все еще выжженным сильной засухой, и холмистым возвышенностям, покрытым коричневой и скудной травой и усеянным многочисленными стадами спрингбока. У берегов реки Литл-Фиш эти стада были так многочисленны, что они буквально усеивали лицо страны, насколько хватало глаз; по нашим подсчетам, иногда в пределах видимости находилось не менее 20 000 этих прекрасных животных. Пока мы скакали галопом, они скакали непрерывно обеих сторон с той скоростью, от которой они получили свое колониальное название. Вероятно, они были частью одной из

огромных мигрирующих стай, которые после длительных засух иногда наводняют колонию из северных пустошей ".

Мистер Камминг сообщает нам, что "При преследовании прыгуны подпрыгивают в воздух на десять-двенадцать футов, для чего они выгибают поясницу, поднимаются перпендикулярно, и длинная белая шерсть на их бедрах и спине развеивается; они преодолевают расстояние от двенадцати до пятнадцати футов, опускаются, затем снова поднимаются; и, проделав это несколько раз, они останавливаются, выгибают шеи, затем останавливаются и смотрят в лицо своему врагу. Если они подходят к месту, по которому ходили люди или львы, они перепрыгивают через него. Их можно сравнить только с саранчой, ибо они поедают всю зелень и всегда возвращаются в свои логова другой дорогой, отличной от той, по которой они проходили ранее. Их стада насчитывают десятки тысяч, и там, где они останавливались в течение некоторого времени, тысячи черепов усеивают равнину". В другой части своей книги тот же автор рассказывает нам, что земля была буквально покрыта ими, образуя плотную живую массу, которая медленно маршировала и лилась, как огромная река, в течение нескольких часов: сотни тысяч едва ли можно назвать их количество. "Даю вам слово, - сказал один из буров, - что я проделал долгий дневной путь по череде равнин, покрытых ими, насколько хватало глаз, густо, как овцы в загоне".

Среди антилоп той же части света есть орикс, или Гемсбок, очень красивое животное, которое, как предполагают, дало начало Единорогу из Священных писаний; "его длинные прямые рога всегда так точно перекрывают друг друга, что при взгляде на них издали они кажутся одним целым. У них стоячая грива, длинный хвост, и они похожи на лошадь, с головой и копытами антилопы. Их осанка очень благородна, они размером с осла, у них черные повязки вокруг головы, похожие на ошейник для стойла. Они живут в почти бесплодных регионах, никогда не нуждаются в воде, очень быстры, и их можно поймать, только спустившись вниз ".

Свирепые Гну, Гну или *Голубые дикие звери*, обитающие среди колонистов к северу от мыса Доброй Надежды, не так многочисленны, как спринг-боксы; их легко отличить по их большим изогнутым рогам и наклоненной вниз голове, поскольку они никогда не могут смотреть вверх. У одного была найдена передняя нога, зацепившаяся за его рог, и поэтому его легко обезоружили, потому что он, конечно, не мог бегать и, вероятно, принял такую позу во время боя. У них лохматая голова, длинная шерсть или грива на груди, длинный белый хвост и дикие красные глаза. Они испуганно фыркают, лягаются и прыгают в самой гротескной и фантастической манере. Если перед ними подержать красный носовой платок, это вызывает сильнейшее возбуждение.

КОЗЫ.

Наверх

Все три последних рода, о которых я буду говорить, относятся к жвачным животным и отличаются своими рогами, которые разделены на клетки и которые сообщаются с черепом. Первые две, козы и овцы, настолько похожи друг на друга, что во многих случаях одна кажется простой разновидностью другой. Если мы посмотрим на породу мериносов с их густо курчавой, мягкой, белой шерстью, а затем обратимся к серьезному на вид козлу с его длинной бородой и

шерстью, мы не заметим их сходства; но если мы поместим овцу, которая долгое время жила или родилась в тропической стране, рядом с козой, мы едва ли сможем отличить одну от другой. Шерсть постепенно распрямляется, удлиняется и становится жесткой и блестящей; и если бы рога козы не были направлены вверх, а затем наклонены назад, то рога овцы не были бы направлены назад и возвращались спереди в виде спирали; если бы у коз, вообще говоря, не было длинной бороды, а у овец ее не было, и если бы у коз не было вогнутого или плоского лба, а у овец он был в основном выпуклым, мы не смогли бы их различить; и даже эти признаки — если они не очень четко определены — не очень бросаются в глаза, разве что опытному или внимательному наблюдателю.

Серна, которую многие относят к козам, в какой-то степени приближается к антилопам. Его рога устремляются прямо вверх, а затем на кончиках внезапно загибаются назад, как рыболовный крючок; он часто посещает все горные цепи Европы и западной Азии; летом взбирается на самые высокие вершины и проявляет самую смелую ловкость. Зимой он опускается чуть ниже областей с вечными снегами, чтобы питаться. Его обоняние, зрение и слух очень остры, и он обнаружит приближение охотника на расстоянии половины лиги. Напуганный, он перепрыгивает со скалы на скалу, издавая странный шипящий звук; бросается через самые страшные пропасти и бросается вниз с тридцатифутовых обрывов. Питается травами, цветами и молодыми побегами кустарников; редко пьет и чрезвычайно любит соль. Поскольку некоторые горные породы Альп содержат селитру, серна протерла в них дыры постоянным зализыванием.

Как и в случае с другими домашними животными, существует много споров относительно первоначальной родины коз; но большинство натуралистов, по-видимому, склонны думать, что первое стадо было выведено в Персии; но этот вопрос во многом неясен. В очень далекие времена, когда суеверия и медицина шли рука об руку, а заговоры считались более эффективными, чем лекарства, твердое вещество, содержащееся в кишечнике коз, высоко ценилось как лекарство от большинства заболеваний. Он назывался безоаровым камнем и представлял собой конкремент, состоящий главным образом из смолистой желчи и магнезии, и остального инертного растительного вещества. Он был продан за золото, в десять раз превышающее его вес, и, как говорили, был получен от какого-то неизвестного животного, чтобы усилить таинственность, присущую ему. Безоары в настоящее время встречаются у быков, овец, лошадей, дикобразов и даже у человека, слегка различаясь по своему строению, и часто представляют собой комочки шерсти, которые были слизаны с собственной шерсти животного.

Ангорские и каппадокийские козы славятся своей длинной шелковистой шерстью, из которой получают прекрасные изделия; но их намного превосходят тибетские козы, с которых вычесывают нижнюю шерсть и делают из нее те шали, которые в течение многих лет были такими знаменитыми и такими дорогими. Для изготовления шали площадью в полтора квадратных ярда требуется продукция десяти коз; шерсть отбеливается рисовой мукой, а высокие налоги, взимаемые с них, заставляют эти непревзойденные шали поддерживать свою высокую цену. С древнейших времен мы читаем о том, что из козьей шерсти ткали ткани различного качества, особенно в Священных Писаниях; а из их шкур всегда выделяли ценную кожу. У этого ребенка самое высокое качество.

Все козы выносливы и скитаются по своим привычкам и часто посещают те места, где ни одно другое животное не могло бы закрепиться. Они существуют в диком состоянии в горных частях

нашего острова, а также по всей Европе и Западной Азии. Между ними и лошадьми всегда существует большая привязанность, когда они одомашнены. Некоторые говорят, что это происходит из-за сильного запаха, который издают козы, а другие потому, что лошадь, которая так любит общество, наслаждается их живостью. Они энергично защищают своих детенышей, как покажет следующий анекдот. "Человек, упустивший одну из своих коз, когда ночью стадо вернулось, попросил двух мальчиков присматривать всю ночь, чтобы она не забралась на его молодую плантацию и не обгрызла верхушки деревьев. На рассвете наблюдатели искали пропавшее животное и увидели ее на заостренном камне на некотором расстоянии. Ночью она родила козленка, а затем защищала его от лисы. Последний ходил круг за кругом, но она наставляла на него свои рога во все стороны. Младший мальчик пошел за помощью, а старший долбил и бросал камни, чтобы отпугнуть мародера. Рейнард посмотрел на него, увидел, что тот недостаточно силен, чтобы справиться с ним, и внезапно попытался схватить ребенка. Все трое исчезли; и были найдены на дне пропасти; рога козла были воткнуты в лису, козленок лежал, растянувшись, рядом с ней с разорванным горлом, и предполагалось, что когда несчастная мать нанесла смертельную рану, лис пошатнулся и при падении потащил ее и ее ребенка за собой ". (Капитан. "Популярная естественная история" Брауна.)

Коза и ее детеныши часто посещали площадь, на которой я когда-то жил, и их часто кормили я и слуги; обстоятельство, которое не произвело бы никакого впечатления, если бы я не услышал стук в дверь холла, который раздавался из-за бодания козы, когда еда не подавалась, и примеру которой последовали две малышки. Некоторое время на это не обращали внимания, и, к нашему великому удивлению, однажды зазвонил колокольчик, которым пользовались торговцы, проволока от которого проходила сбоку от одной из оград. На звонок ответила кухарка, но там никого не было, кроме козы и козлят, склонивших головы к кухонному окну. Подумали, что им позвонил какой-то мальчик, но за ними наблюдали, и было видно, как старая коза зацепила один из своих рогов за проволоку и потянула за него. Это слишком похоже на разум, чтобы приписывать его простому инстинкту.

Кавказский горный козел - это коза, которая занимается таким же опасным и возбуждающим видом спорта, как серна, но более свирепа; известно, что она набрасывается на своего преследователя и сбрасывает его в пропасть. У него есть замечательная манера бросаться вниз по этим крутым местам головой вперед, чтобы удариться о свои рога; которые, будучи эластичными, выдерживают удар и спасают животное от травм. Ночью они пасутся в долинах, а днем возвращаются в горы.

В странах, где не живут быки и коровы, козы бесценны. Их мясо напоминает протухшую баранину, но долгое отсутствие в Саут-Даунсе делает аппетит менее аппетитным, а их детеныши очень нежные. Однако ценить их следует главным образом за их хорошее, питательное молоко. Козьи рога часто используются мусульманами как противоядие от сглаза.

Епископ Хибер рассказывает следующий анекдот. "Обезьяна спустилась с дерева, чтобы украсть завтрак пастуха, который отдыхал под ним со своим стадом овец и коз. Он прогнал обезьяну, которая в спешке опрокинула пчелиное гнездо. Насекомые вылетели наружу и атаковали не только незваного гостя, но и коз и овец, находившихся внизу. Любопытно было наблюдать за различным поведением двух видов. Овцы сбились в кучу, уткнулись носами в песок и не пытались сопротивляться, только жалобно блеяли. Все козы побежали так быстро,

как только могли, к расположившемуся неподалеку лагерю, ища помощи у человека, как это сделали бы собаки".

ОВЦЫ.

Наверх

Здесь нет необходимости останавливаться на различных видах шерсти и вкусовых качествах баранины, которые дают многочисленные породы овец. Малейшее размышление и наблюдение учат нас их невыразимой ценности как источников пищи, одежды и других целей; следовательно, моя задача заключается в их расположении духа и понимании. Последний рассказанный анекдот показывает, что у них больше терпения, но меньше смелости и находчивости, чем у более жизнерадостных товарищей, с которыми они так часто общаются и на которых они так похожи. Однако во многих случаях материнский инстинкт проявлял их силу до такой степени, что вызывал удивление; и известно, что они преодолевали значительные расстояния в поисках помощи у себе подобных или у своего пастуха, когда их ягнята были в опасности. Более того, баран иногда является грозным врагом, когда он думает, что любое зло направлено против стада, гордым вожаком которого он является.

О привязанности овец к родным местам капитан Браун приводит весьма примечательный пример. "Овца проделала девятидневный путь, чтобы вернуться на родину со своим ягненком; и ее выследили так тщательно, что ее хозяева узнали о ее приключениях. Ничто не заставляло ее поворачиваться спиной, и всякий раз, когда ее ягненок отставал, она подгоняла его своим нетерпеливым блеянием. Когда она добралась до Стерлинга, был день ежегодной ярмарки, и она не осмелилась смешаться с толпой; поэтому она улеглась на обочине дороги со своим ягненком за городом, а на следующее утро рано кралась по улицам, пугаясь только собак, с которыми сталкивалась. Она подошла к контрольно-пропускному пункту, смотритель которого остановил ее, предположив, что она бездомное животное и вскоре будет забрана. Она часто пыталась пройти через ворота, но ей так же часто мешали, и она терпеливо поворачивала назад. Наконец она нашла какой-то способ обойти это препятствие, потому что на девятый день она добралась до места назначения со своим ягненком, где ее выкупили, и оставалась там, пока не умерла от старости на семнадцатом году жизни".

Известно, что овцы, охваченные эпидемическим заболеванием, удаляются от остального стада и прячутся; рассказывается много трогательных историй об уловках, которые по необходимости применялись, чтобы отучить их от мертвого потомства и заставить усыновлять других; а также о том, как они остаются и наблюдают за неодушевленными предметами своей привязанности.

Джентльмен, путешествовавший в уединенной части Высокогорья, получил убедительное доказательство проницательности в лице овцы, которая с жалобным блеянием выбежала ему навстречу. Приблизившись, она удвоила крики и посмотрела ему в лицо, словно прося о помощи. Он вышел из двуколки и последовал за ней. Она привела его к пирамиде из камней на значительном расстоянии от дороги, где он нашел ягненка, полностью зажатого между двумя большими камнями и боровшегося задранными вверх ногами. Он вытащил страдальцу и

положил ее на зеленую траву; и мать излила свою благодарность долгим и непрекращающимся блеянием. (Капитан. Папа Брауна. Нац. Хист.)

Следующую историю рассказал один из пастухов, с которым произошло это обстоятельство. "Нас было семеро, мы пасли овец у богатого болгарина в степи Аткешофф, и у нас было стадо из 2000 овец и 150 коз. Был март месяц, и их только что выгнали; погода стояла мягкая, и появилась трава, но вечером дул пронизывающе холодный ветер, и пошел дождь. Дождь вскоре перешел в снег, и наши мокрые плащи замерзли, как доски. Через несколько часов с северо-востока прилетела сибирская *виуга*, или снежный сугроб, который свистел у нас в ушах так, что видеть или слышать было невозможно. Мы пытались найти дорогу домой, от которой были недалеко; но овцы не хотели смотреть в лицо ветру, и даже козы, которые готовы смотреть в лицо чему угодно, только *невиуге*, начали убегать перед бурей. Помешать стаду разбежаться было невозможно, и все, что можно было сделать, - это удержать их вместе. Нам пришлось мчаться всю ночь, а утром вокруг нас не было ничего, кроме снега. *Виуга* бушевала весь тот день, и бедные овцы были еще более дикими и напуганными, чем ночью. Иногда мы сдавались, считая все потерянным, но снова вставали и бежали с визжащим, блеющим стадом, в то время как волы тащились за повозкой, а собаки с воем бежали позади. Все бедные козы погибли или замерзли насмерть в первый же день, за который мы пробежали по меньшей мере пятьдесят или шестьдесят верст, оставляя за собой след из мертвых овец. Вечером бедные животные были менее дикими, измученные голодом и усталостью. Двое из нашего отряда сообщили, что заболели, и забрались под циновки и шкуры в повозке, а у остальных было время только на то, чтобы взять немного хлеба и снега, чтобы спасти жизнь.

Наступила ночь, поблизости не было ни одного дома, и это было хуже предыдущего. Шторм гнал нас к побережью, и мы ожидали, что нас унесет вместе с нашим глупым скотом в море. Еще один пастух заболел, и мы думали, что эта ночь будет последней для всех нас. Утром ветер переменился и погнал нас к каким-то домам, которые мы разглядели сквозь снежную пелену, но, хотя они были не более чем в тридцати футах от нас, заставить глупую овцу свернуть в сторону было совершенно невозможно. Несмотря на все наши усилия, они продолжали двигаться против ветра, и вскоре мы потеряли дома из виду. Однако их обитатели услышали вой собак, и около двадцати человек пришли к нам на помощь. Затем нам удалось повернуть овец и загнать их под навесы и в дома. Погибли все козы и пятьсот овец. Многие умерли после того, как попали под укрытие, потому что в испуге они столпились так близко друг к другу, что задохнулись. Еще полверсты, и мы вышли бы к берегу, возвышающемуся над морем на двадцать пять морских саженей".

Вышесказанное дает живую картину страданий, которые нам неизвестны и в которых собаки, по-видимому, были менее эффективны, чем наша собственная превосходная порода.

ВОЛЫ.

Наверх

Широко распространенный род *Bos* имеет рога у обоих полов, и в нем мы находим самое крупное жвачное животное. У них, вообще говоря, сравнительно короткие ноги и тяжелые массивные тела. Говорят, что совершенство домашних быков заключается в сходстве с ящиком,

установленным на четырех столбах; но у некоторых более диких видов выгнутая спина, безусловно, красива. Их лбы очень широкие и в основном плоские; уши большие и выступают по бокам головы; морда широкая, лишенная волосяного покрова и всегда влажная. Длинный гребень проходит поперек верхней части лба, от которого отходят два рога, более или менее изогнутые, иногда большой длины, всегда сужающиеся к острию и имеющие костяную сердцевину. Шея у них толстая, и с нее свисает подвес, который проходит между передними ногами. Копыта раздвоенные.

О происхождении этих жвачных мы абсолютно ничего не знаем, поскольку о них говорят как о домашних животных с древнейших времен; и хотя сейчас существуют такие явления, как дикие племена, мы не уверены, были ли они размещены там, где они находятся, с их нынешними признаками, или же все они являются модификациями одной пары, в зависимости от обстоятельств. Наиболее заметными среди них являются зебу, Буйволы, Бизоны и быки из различных частей Старого Света. Тот скот, который свободно бродит по Южной Америке, Новой Зеландии и Австралии, не так давно вырвался из-под власти человека.

В Индии некоторые туземцы-язычники считают определенного быка священным животным; брахманы поклоняются ему; и это отличная разновидность обычных рабочих быков, с которыми обращаются отнюдь не по-доброму. Заветные сорта очень гладкие и ручные, и даже добровольно подходят к незнакомцам, у которых в руках трава, и едят ее у них. Однако они доставляют много хлопот, как и все домашние животные, и никто не посмеет их остановить, потому что их нельзя бить. Недалеко от Калькутты они часто врываются в сады, суют свой нос в кондитерские и фруктовые лавки и, когда их оскорбляют, без малейших колебаний подходят к обидчикам и тычут их рогами.

Зебу распространены в Индии, Китае, на архипелаге Мадагаскар и в нескольких частях Африки. Их отличает жировая горка между лопатками, и они так же хороши для езды в седле, как и в упряжке. Они более активны и проворны, чем мы можем себе представить, привыкнув, как и мы, к медленному, тяжелому шагу других членов племени; они легко преодолевают шесть миль в час и находятся в пути по пятнадцать-шестнадцать часов в день. Их поступь очень приятна, так как совершенно отсутствуют круговые движения задних ног, которые так утомляют нас при езде верхом. Они пройдут через ворота с пятью засовами так же, как и лучший охотник; одинаково хороши для пахоты или для обмолота кукурузы, а белые - самые почитаемые.

Гаял дает самое богатое молоко и предпочитает питаться на деревьях. Он также родом из Индии; он нежен даже в своем диком состоянии и убегает от человека, но никогда не сталкивается с ним лицом к лицу.

Гуры гораздо более грозны, чем предыдущие; и индейцы говорят, что у тигра нет никаких шансов справиться с ними, когда он вырастет. Они также едят деревья и траву и не будут жить в неволе. Они вырастают до огромных размеров; их спина выгнута дугой, и на ней возвышается очень толстый гребень, который опускается к хвосту.

У яка узкие ноздри, уши маленькие и заостренные, лоб покрыт черной вьющейся шерстью, которая на спине гладкая и темно-коричневого или черного цвета, с одной белой полосой на холке и другой на крупе. Плечи, бока, внутренняя сторона бедер и нижняя часть тела покрыты гривой волос, которая почти достигает земли и имеет черный с проседью цвет с центральной белой линией вдоль живота. Хвост представляет собой большую массу блестящей грубой

шерсти; совершенно белой, длиной от восемнадцати до двадцати дюймов. Рожки маленькие, заостренные и загибаются вперед. Говорят, что это животное очень дикое и озорное, но его можно приручить. Хвосты использовались монголами и татарами в качестве штандартов, и по всему Востоку их теперь вставляют в ручки из слоновой кости и используют в качестве кисточек для отгонки мух. Яки - животные унылого вида, издающие низкий хрюкающий звук, из-за чего в Европе их называют хрюкающими коровами. При одомашнивании они очень полезны и дают много молока. Не так много лет назад они были загадочными объектами, и тем, кто путешествовал, чтобы собрать диковинки природы, было приказано удостовериться в их атрибутах, почти в их существовании, поскольку только хвосты достигли Европы.

Буйволы - более тяжелые и неуклюжие животные, чем бык, и покрыты более грубой шерстью; они очень дикие и свирепые, бросаются на тигра, давят и топчут его до смерти. Они наслаждаются дымящимися болотами, которые губительны для других существ, и барахтаются в стоячей воде. Их шкура особенно жесткая, мясо твердое, а молоко вкусное. Иногда их обучают быть очень полезными, особенно там, где реки склонны к разливу; ибо они не боятся противостоять любому потоку, каким бы сильным он ни был в своем течении. Они распространены в Индии, Китае и различных частях Африки, были завезены в Испанию и Италию, и где бы они ни жили, малярия обязательно существует. Говорят, что капский буйвол не уступает льву, который побеждает его только с помощью какой-нибудь хитрой уловки или набрасывается на него, когда он пьет. Однако, если другие члены стада придут ему на помощь, лев будет либо побежден, либо вынужден сбежать.

В Индостане было обнаружено стадо, состоящее из семи диких буйволов с одним теленком, и четверо джентльменов отправились на охоту на них. Проследовав за ними три мили, детеныш отделился от стада и присоединился к домашнему скоту, принадлежащему соседней деревне. Он был убит группой, которая впоследствии продолжила преследование древних, и они были настигнуты в заросших высокой травой джунглях четыремь милями дальше. Их быстро отогнали от этого места и преследовали более шести миль по равнине. Наконец отряду удалось отделить одного буйвола от стада. Здесь началась схватка. Получив несколько ран, он все еще продолжал свое бегство; внезапно он остановился и удержал своих преследователей на расстоянии; через короткий промежуток времени он снова бежал, был преследуем и ранен, как и прежде, пронзенный копьями, торчавшими у него в спине и боках на протяжении нескольких сотен ярдов. Лейтенант. Уайт из 15-го НИИ подъехал к нему очень близко, метнул копье и ранил животное в поясницу. Его лошадь была сильно измотана и не смогла развернуться до того, как буйвол развернулся и бросился в атаку с такой силой, что и лошадь, и всадник были сбиты с ног и лежали на расстоянии многих ярдов друг от друга. К счастью, лейтенант не пострадал, и когда животное приблизилось, у него хватило присутствия духа лечь плашмя на спину. Животное приблизилось, но встало у его ног, не проявляя никакого насилия. Другие спортсмены неоднократно призывали своего товарища встать и убежать. Однако некоторое время он пренебрегал их советами, опасаясь последствий. Наконец, уступив их мольбам, он встал. Буйвол мгновенно бросился вперед, но мистер Уайт спасся, снова бросившись вниз; в то время как разъяренный зверь, промахнувшись мимо цели, упал на землю, его рога задели спину мистера Уайта, когда он проходил над ним. После этого счастливого побега он воспользовался благоприятной возможностью и вернул себе лошадь. Затем буйвол укрылся в резервуаре; и когда его бывший противник присоединился к своим товарищам, стоявшим на берегу, животное вышло вперед, выбрав замену. Уайт, желая отомстить, преследовал его на значительном расстоянии. Теперь буйвол пришел в ярость и нападал на все, что находилось в

пределах его досягаемости, например, на коров и собак. К несчастью, мимо прошла пожилая женщина, ставшая жертвой его ярости; ее подняли без признаков жизни, со сломанными руками и множеством ран. Всадники были слишком утомлены, чтобы возобновить атаку, и буйволы, одержав победу, продолжили свой путь без дальнейших помех. (Капитан. Папа Брауна. Нац. История.)

Мистер Прингл описывает капского буйвола как "очень грозное и сильное животное, значительно крупнее домашнего быка; костяная накладка у него на лбу образует полноценный шлем, и его невозможно пробить пулями, не закаленными оловом. Говорят, что он свирепый, вероломный и свирепый, и даже если его не спровоцировать, нападет на любого человека, который окажется поблизости от его логова; прячется в джунглях, когда видит их приближение, а затем внезапно бросается на них. Если он убивает человека, то некоторое время стоит над ним, топча его копытами, раздавливая коленями, калеча рогами и сдирая с него кожу своим грубым и колючим языком. Он уходит и возвращается снова и снова, как будто не может насытиться своей местью.

"Группа буров отправилась охотиться на стадо буйволов, которое паслось на участке болотистой местности. Поскольку они не могли приблизиться к дичи на расстояние выстрела, не перейдя часть болота, которое было небезопасно для лошадей, они согласились оставить их на попечение готтентотов и продвигаться пешком, полагая, что, если кто-нибудь из буйволов повернет на них, будет легко спастись, отступив через трясины, которая, хотя и проходима для человека, не выдержит веса тяжелого четвероногого. Они соответственно двинулись вперед и, укрывшись в кустах, приблизились к дичи с таким преимуществом, что первый залп свалил трех самых жирных из стада и так тяжело ранил огромного быка-вожака, что он упал на колени, яростно ревя. Решив, что он смертельно ранен, первый из охотников вышел из укрытия и на ходу начал перезаряжать свой мушкет, чтобы сделать последний выстрел. Но как только разъяренное животное увидело перед собой своего врага, оно вскочило и стремглав бросилось на него. Человек, бросив тяжелое ружье, побежал к трясине, но зверь был так близко от него, что он отчаялся убежать в этом направлении и, внезапно обогнув рожицу, начал взбираться на старую мимозу, росшую сбоку от нее. Разъяренный зверь, однако, был слишком быстр для него. Прыгнув вперед с ревом, который мой информатор описал как один из самых ужасных звуков, которые он когда-либо слышал, он схватил несчастного своими ужасными рогами как раз в тот момент, когда тот почти ускользнул из его рук, и подбросил его в воздух с такой силой, что тело, ужасно искалеченное, упало в расщелину дерева. Буйвол обежал вокруг дерева раз или два, очевидно, разыскивая человека, пока, ослабев от потери крови, снова не опустился на колени. Остальные члены отряда, оправившись от замешательства, затем подошли и расправились с ним, хотя и слишком поздно, чтобы спасти своего товарища, чье тело висело на дереве совершенно мертвым".

Зубр - это европейский бизон, один из самых крупных и благородных представителей рода. Он достигает шести футов в высоту в плечах, у него два вида волос: один короткий, мягкий и пушистый, а другой длинный, грубый, покрывающий верхнюю часть и бока головы; грудь, шею и плечи, образующие огромную гриву, иногда в фут длиной. Язык, губы и небо имеют синеватый оттенок, глаза маленькие и пронзительные; от кожи, особенно той части, которая покрывает выпуклый лоб, исходит запах, напоминающий мускус и фиалки, который можно почувствовать на расстоянии ста ярдов. Их мясо очень ценится, они живут в зарослях возле болот, выходят по ночам, чтобы полакомиться корой молодых деревьев, лишайниками и молодыми побегами,

низко держат голову, никогда не бывают полностью приручены, ненавидят обыкновенного быка, и их единственная привязанность к людям - это их хозяева. Сейчас они редки. Некоторые встречаются в литовской Польше; но раньше они населяли все европейские леса.

Американский бизон, которого теперь привычно называют Буйволом, обитает огромными стадами в прериях Нового Света. Их *толпа*, как называют стадо, непреодолима; разрушает все, по чему проходит; насчитывает сотни тысяч и несется подобно водопаду по равнинам с шумом, напоминающим раскаты грома. Это очень опасные животные, на которых можно нападать, поэтому спорт, который они себе позволяют, более увлекательный. Я бы посоветовал своим читателям ознакомиться со страницами мистера Кэтлина, чтобы увидеть его наглядные изображения. Они обожают соленые источники и болота; быки иногда яростно дерутся друг с другом; их злейший враг - медведь гризли, который часто сбивает их с ног; и они не испытывают антипатии к обычным быкам, в отличие от своих европейских собратьев. Мистер Брайан застрелил одного; и пуля прошла навывлет, почти разорвав его сердце надвое, и все же он пробежал полмили, прежде чем упал.

Овцебыки, обитающие в высоких широтах Северной Америки, очень маленькие, но выглядят крупнее, чем они есть на самом деле, из-за количества длинной, густой шерсти, которой они покрыты и которая часто достигает земли. Их плоть сильно пахнет мускусом, и они легко раздражаются. Говорят, что некоторые чулки, сделанные из их длинного флиса, не уступают чулкам, изготовленным из шелка.

Крупный рогатый скот из Чиллингем-парка очень красив, он белый, с красными ушами и черной мордой; их рога также белые с черными кончиками и очень напоминают нашу девонширскую породу, которая, как считается, ближе, чем любая другая, подходит к валлийскому дикому рогатому скоту древних времен. Они проворны, смелы и активны, прячут своих детенышей в течение первой недели после их рождения, и к ним всегда опасно приближаться.

Подобно овцам, в этой стране так много пород быков, что план моей работы не может охватить их. Они - важнейший предмет богатства Англии, и мало кто равнодушен к достоинствам нашего сыра и ростбифа. Мы не совсем в таких же отношениях со своими быками, как швейцарцы со своими, у которых они составляют часть семьи и где их украшают яркими украшениями и дорогими колокольчиками; но наши коровы - близкие друзья, они приходят, когда их позовут, сами возвращаются на ферму во время дойки и проявляют большую привязанность. Я не видел, чтобы об этом говорилось где-нибудь еще; но мне много раз говорили, что доить корову нужно всегда с одной стороны, иначе она брыкается и бунтует. Наши быки иногда бывают свирепыми, но во многом находятся под влиянием голоса и жестов. После засухи оба пола предупреждают о приближающемся дожде и очень любознательны.

М—р Белл приводит нам следующий анекдот, свидетелем которого был один из его ближайших родственников: "Корова, которая спокойно паслась на пастбище, ворота которого были открыты на дорогу, была сильно разозлена озорным мальчишкой, который развлекался тем, что бросал камни в мирное животное; которая, некоторое время терпя его дерзость, наконец подошла к нему, зацепила концом своего рога за его одежду и, подняв его с земли, вынесла с поля и положила на дороге. Затем она спокойно вернулась на свое пастбище, оставив его в сильном испуге и порванной одежде".

В книге мистера Байама "Центральная Америка" я нахожу интересную историю, которой я завершаю настоящую серию анекдотов: "Бык забодал столько скота, что на него напялили лассо, а кончики его рогов затупили, чтобы предотвратить дальнейшее причинение вреда. Несколько недель спустя пантера (ягуар) убила корову, и, судя по разорванным голове и шее быка и вытопанной земле, он, очевидно, сражался за корову. Он был надежно закреплен, его раны залеплены пластырем, рога снова заострены, и его вывели в Саванну. Днем диких собак и грифов не подпускали к телу коровы, а ночью пантера вернулась к своему пиршеству, и между ней и быком произошла яростная схватка; на следующее утро первый был найден мертвым рядом с коровой, пронзенный насквозь. Бык снова и снова возвращался к нему в ярости и сам снова был ранен; но его раны затянулись, и он оставался таким свирепым, что его рога пришлось заново затупить".

КОНЕЦ.

[Наверх](#)